

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

№ 1 • Том 17 • 2024 •
ЯНВАРЬ – МАРТ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

<http://www.vestnik-translation.ru/>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) РФ

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-28752 от 04.07.2007

Учредитель: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in 1946

Series 22
LOMONOSOV TRANSLATION STUDIES JOURNAL

No. 1 • Volume 17 • 2024 •
JANUARY – MARCH

Publishing house of Moscow State University

Published once every three months

<http://www.vestnik-translation.ru/>

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor) of the Russian Federation

Certificate of Registration: PI No. FS 77-28752 of 04.07.2007

Founder: Lomonosov Moscow State University

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гарбовский Николай Константинович, главный редактор, академик Российской академии образования, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Костикова Ольга Игоревна, зам. главного редактора, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Мозговая Людмила Авраамовна, ответственный секретарь, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Авайс Анри, доктор филологии, профессор, факультет языков, Бейрутский университет Св. Иосифа (Ливан); **Алексеева Ирина Сергеевна**, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургская высшая школа перевода, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Россия); **Балью Кристиан**, доктор филологии, профессор, факультет филологии, перевода и коммуникации Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Бельский Евгений Викторович**, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Вьецци Маурицио**, доцент, факультет исследований в области права, языков и перевода, Триестский университет (Италия); **Горшкова Вера Евгеньевна**, доктор филологических наук, профессор, Иркутский государственный университет (Россия); **Есакова Мария Николаевна**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Исолахти Нина Борисовна, доктор наук, профессор, Тамперский университет (Финляндия); **Керо Хервилья Энрико Ф.**, доктор филологии, профессор, отделение греческой и славянской филологии, Гранадский университет (Испания); **Кольцова Юлия Николаевна**, кандидат культурологии, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Ли-Янке Ханнелоре**, доктор наук, профессор, Женевский университет (Швейцария); **Манерко Лариса Александровна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Марусенко Михаил Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); **Матасов Роман Александрович**, кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Миронова Надежда Николаевна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Мишкурлов Эдуард Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Пан Кёён**, доктор наук, профессор, Высшая школа перевода, Хангукский университет иностранных языков (Южная Корея); **Торсуков Евгений Георгиевич**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Форстнер Мартин**, доктор наук, профессор, Университет Майнца (Германия); **Хараидис Элефтериос Константинович**, доктор исторических наук, профессор, факультет гуманитарных наук, Университет имени Демокрита (Гре-

ция); **Хольцер Питер**, доктор филологии, профессор, Институт транслатологии, Инсбрукский университет (Австрия); **Хухуни Георгий Теймуразович**, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной университет (Россия); **Шмитт Питер Аксель**, доктор филологии, профессор, Институт прикладной лингвистики и транслатологии, Лейпцигский университет (Германия).

EDITORIAL BOARD:

Nikolai K. Garbovsky, Editor-in-Chief, Academician at the Russian Academy of Education, Professor, Dr Sc (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Olga I. Kostikova, Deputy Editor-in-Chief, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Ludmila A. Mozgovaya, Executive Secretary, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Irina S. Alexeeva, Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg School of Conference Interpreting and Translation, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia); **Henri Awaiss**, Professor, Dr. Sc., Faculty of Languages, Saint Joseph University (Lebanon);

Christian Balliu, Professor, Dr. Sc., Faculty of Philology, Translation, and Communication, Université Libre de Bruxelles (Belgium); **Yevgeniy V. Belsky**, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Eleferios K. Charatsidis, Professor, Dr. Sc. (History), Faculty of Liberal Arts, Democritus University of Thrace (Greece); **Martin Forstner**, Professor, Dr. Sc., University of Mainz (Germany); **Vera Ye. Gorshkova**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Irkutsk State University (Russia);

Nina B. Isolahhti, School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere (Finland); **Georgiy T. Khukhuni**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Moscow Region State University (Russia); **Yulia N. Koltsova**, Associate Professor, Cand. Sc. (Cultural Studies), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Hannelore Lee-Jahnke, Professor, Dr. Sc., University of Geneva (Switzerland); **Larisa A. Manerko**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Roman A. Matasov, Cand. Sc. (Philology), Lomonosov Moscow State University (Russia); **Mikhail N. Marusenko**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Saint Petersburg State University (Russia); **Nadezhda N. Mironova**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Edward N. Mishkurov, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Pan Yong-Kyo**, Professor, Dr. Sc., Graduate School of Interpretation and Translation, Hankuk University of Foreign Studies (South Korea);

Peter Holzer, Associate Professor, Dr. Sc., Institute of Translation Studies, University of Innsbruck (Austria); **Enrique F. Quero Gervilla**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Department of Greek and Slavonic Philology, University of Granada (Spain);

Peter A. Schmitt, Professor, Dr. Sc., Institute of Applied Linguistics and Translatology, University of Leipzig (Germany); **Yevgeniy G. Torsukov**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Maurizio Viezzi, Associate Professor, Department of Legal, Language, Interpreting and Translation Studies, University of Trieste (Italy); **Maria N. Yesakova**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia).

СОДЕРЖАНИЕ

Общая теория перевода

- Мишкурлов Э.Н.* Быть или не быть отечественному переводоведению академической наукой? 7

Теория художественного перевода

- Зейферт Е.И.* Интертекстуальная и переводческая вторичная внеаходимость автора 32
- Новицкая А.В., Касьяненко Л.С., Макарова О.С.* Сравнительный аспект перевода серии романов «Тёмная Башня» С. Кинга и поэмы Р. Браунинга «Чайльд-Роланд дошёл до Тёмной Башни» 52
- Филатова Г.А.* «Неизвестные» цитаты в романе Р. Желязны “Creatures of Light and Darkness” как проблема переводческой интерпретации 81

Методология перевода

- Княжева Е.А.* О некоторых аспектах исследования проблемы оценки качества перевода 98
- Политова А.А.* Перевод китайских топонимов на русский язык: учёт семантических и функциональных особенностей 119

Лингвистические и культурологические вопросы перевода

- Ду Канцзэ.* Двухязычная рекламная коммуникация в диахроническом аспекте (на материале русских и китайских рекламных вывесок в г. Харбине, Китай) 143
- Павленко В.Г.* Национально-культурные особенности репрезентации концепта «Память» фразеологическими средствами в русской и английской лингвокультурах 159

CONTENTS

General Translation Theory

- Mishkurov E.N.* Russian translation studies: to be or not to be as an academic science? 7

Literary Translation Theory

- Zeifert Ye.I.* The author's intertextual and translation secondary out-sideness 32
- Novitskaya A.V., Kasyanenko L.S., Makarova O.S.* The translation of S. King's "Dark Tower" novel series and R. Browning's poem "Childe Roland to the Dark Tower Came": a comparative aspect 52
- Filatova G.A.* "Unknown" quotations in R. Zelazny's novel "Creatures of Light and Darkness" as a problem of translation interpretation 81

Translation Methodology

- Knyazheva Ye.A.* Aspects of translation quality problem 98
- Politova A.A.* Translating Chinese toponyms into Russian in view of their semantic and functional characteristics 119

Linguistic and Culturological Aspects of Translation

- Du Kangze.* Bilingual advertising communication in a diachronic aspect (based on Russian and Chinese advertising signs in Harbin, China) 143
- Pavlenko V.G.* The national-cultural features of the concept "Memory" by phraseological means in Russian and English linguocultures 159

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-1-7-31

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОМУ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЮ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКОЙ?

Эдуард Николаевич Мишкуров

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

Для контактов: e.mishkurov@mail.ru

Аннотация. Цель данной статьи заключается в изучении проблем становления отечественного переводоведения в качестве академической науки в виде двух её ипостасей — теоретической и прикладной. Прослеживается история становления и развития знаменитой *лингвистической теории перевода (ЛТП)*, которая и поныне является единственно официально признанной институциональной дисциплиной для научной и учебно-методической деятельности в РФ. В современном российском научном сообществе наряду с ЛТП активно развиваются новые трансдисциплинарные научно-теоретические и методологические изыскания в области теории и практики перевода. На нынешнем историческом этапе развития переводоведение трактуется как социально-гуманитарная трансдисциплинарная наука на стыке лингвистики, культурологии, теории коммуникации, сравнительного литературоведения, семиотики, социологии, истории, а также философии, герменевтики, этнопсихолингвистики и когнитологии, теории информации и других смежных академических наук и явлений типа «локализация» в рамках алго-когнитивной культуры. Идентифицированы три группы парадигм, функционирующих в современной отечественной теории и методологии перевода: (а) лингвистического профиля, (б) когнитивного профиля, (в) дискурсивного профиля. Группы «б» и «в» могут составить основу *академической парадигмы перевода*. В научный оборот вводятся три типа дискурсов: *переводоведче-*

ского, ассоциируемого с академическим дискурсом в двух его разновидностях: теоретической и дидактической; **переводческого**, теоретически и практически базирующегося на основе первого и служащего переводчику в качестве его теоретико-практической основы для порождения третьего вида дискурса — **переводного** как результирующего, отчуждаемого в сферу читательской рефлексии, продукта. В итоге предложена авторская «**дискурсивно-игровая когнитивно-герменевтическая парадигма**» как рабочий вариант для формирования искомой переводоведческой парадигмы академического типа.

Ключевые слова: академическая наука, академический дискурс; переводоведческий дискурс, переводческий дискурс, переводной дискурс; дискурсивно-игровая когнитивно-герменевтическая парадигма перевода

Для цитирования: Мишкuroв Э.Н. Быть или не быть отечественному переводоведению академической наукой? // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2024. № 1. С. 7–31. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-1-7-31

Статья поступила в редакцию 30.01.2024;
одобрена после рецензирования 16.04.2024;
принята к публикации 20.04.2024.

RUSSIAN TRANSLATION STUDIES: TO BE OR NOT TO BE AS AN ACADEMIC SCIENCE?

Eduard N. Mishkurov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: e.mishkurov@mail.ru

Abstract. The paper deals with the study of the problems of Russian translation studies formation as an academic science in its theoretical and applied forms. The formation and development history of the famous linguistic translation theory (LTT), which up to the present day has been an officially recognized institutional discipline for scientific and educational activities in the Russian Federation, is traced. In today's Russian scientific community, along with LTT, new transdisciplinary scientific, theoretical and methodological types of research in the field of translation theory and practice are actively developing. At the current historical stage of development, translation studies is interpreted as

a social and humanitarian transdisciplinary science at the intersection of linguistics, cultural studies, communication theory, comparative literature, semiotics, sociology, history, as well as philosophy, hermeneutics, ethnopsycholinguistics and cognitive science, information theory and other related academic sciences and phenomena like “localization” within the framework of algo-cognitive culture. Three groups of paradigms operating in modern Russian translation theory and methodology have been identified: (a) linguistic profile, (b) cognitive profile, (c) discursive profile. Groups “b” and “c” can form the basis for *the academic translation paradigm*. Three types of discourses are introduced into scientific circulation. 1. *Translation studies discourse*, associated with *academic discourse* in its theoretical and didactic varieties. 2. *Translation discourse* which is theoretically and practically based on the first one and serves the translator as their theoretical and practical basis for generating the third type, viz. *translated discourse*. The last one is a resultant product addressed to the recipients’ reflection sphere. As a result, the author’s “*discursive-game cognitive-hermeneutic paradigm*” has been proposed as a preliminary model of the desired “academic-type translation studies paradigm”.

Keywords: academic science, academic discourse; translation studies discourse, translation discourse, translated discourse; discursive-game cognitive-hermeneutic paradigm

For citation: *Mishkurov E.N. (2024) Russian translation studies: to be or not to be as an academic science? Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal. 1. P. 7–31. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-1-7-31*

The article was received on January 30, 2024;
approved after reviewing on April 16, 2024;
accepted for publication on April 20, 2024.

Введение

Ныне в мировом и отечественном переводоведении накопились горы контентно весомых и научно состоятельных разносторонних трудов по теории и методологии перевода, принадлежащих перу самых разных по таланту и феноменологическим воззрениям учёным, объединённым единой *fonction de foi*, но которые жили и трудились исторически в разных странах при неравноценных возможностях и условиях личных и/или коллективных научных контактов. Этим, в частности, объясняется известный разноразличиями и существенные различия в концептуально-методологической базе транслатологии в различных мировых переводоведческих школах и отсутствие согласия — за редким исключением — между колле-

гами в области их профессиональной творческой и практической деятельности (см.: Прунч, 2015; Гарбовский, Костикова, 2021).

К сожалению, и поныне нет должного согласия и в отечественных научных — как в официальных, так и общественных переводоведческих/переводческих организациях и союзах по проблемам парадигматики в теории и методологии перевода. Многочисленные современные переводоведческие доктрины, модели и другие эпистемы в своём большинстве не находятся ни во взаимопересечении, ни в отношениях функциональной дополнителности. Излишний эгоцентризм в доказательстве исключительности своего труда не позволяет достигнуть оптимального единства в адекватном рассмотрении одних и тех же переводоведческих/переводческих проблем, что в свою очередь не способствует своевременной оценке уже имеющихся перспективных системообразующих моделей / матриц организации переводческого процесса и его теоретико-методологического осмысления в интересах построения современных инновационных методологий переводческого процесса в рамках единой комплексной парадигмы, которая может быть репрезентирована как относительно единая *полидискурсивная академическая переводоведческая наука*.

Лингвистическое переводоведение в России

В данном контексте обратимся к не столь уже отдалённым перипетиям истории борьбы за приобретение переводоведением статуса самостоятельной научной дисциплины.

Примечательными годами для отечественного переводоведения стали 1952 г. и 1953 г. Они ознаменовались соответственно выходом двух противоречивых трудов: знаменитой статьи А.А. Реформатского «Лингвистические вопросы перевода» и 1-го издания книги А.В. Фёдорова «Введение в теорию перевода».

Первый категорически настаивал на **«абсолютной невозможности создания теории перевода как науки**, ибо такой науки быть не может по определению, поскольку «практика перевода может пользоваться услугами многих наук, но собственной науки иметь не может. Это вытекает из разнообразия типов и жанров перевода» (Реформатский, 1952: 12). В этом же духе позже высказывался и Михаил Яковлевич Цвиллинг, полагая, что **создание монистической теории перевода вряд ли возможно в обозримом будущем**, если в принципе вообще возможно... (Цвиллинг, 1999: 35).

Тогда как А.В. Фёдоров совершил поистине первый революционный акт отрыва переводоведения из тисков литературоведения и

провозгласил науку о переводе неотъемлемой частью лингвистики, поскольку, как можно предположить, объявлять переводоведение самостоятельной наукой было бы ещё несвоевременно.

Он в предисловии ко 2-му изданию своего исторического труда «Введение в теорию перевода» (Лингвистические проблемы), вышедшему в 1958 г., писал, что 1-е издание этой работы в 1953 г. вызвало острый резонанс у научной общественности касаясь выведения теории перевода из сферы литературоведения. Тем не менее, Фёдоров настаивал, что это — необходимый этап в построении теории перевода как комплексной общелингвистической дисциплины. Возражая противникам лингвистического подхода, которые в качестве аргументов выдвигали, в частности, «отсутствие твёрдых, постоянных прямолинейных соответствий между двумя языками (особенно при передаче произведений художественной литературы) или как необходимость ограничивать круг наблюдений каждый раз только парой определённых языков». Учёный считал подобные доводы неубедительными, поскольку «именно лингвист никогда не признаёт возможности установления каких-то незыблемых и независимых от контекста соответствий между двумя языками (кроме немногочисленных конкретных случаев, относящихся главным образом к области терминологии, к географической номенклатуре и т.п.), и задача теоретического изучения перевода — состоит в выяснении соответствий гораздо более сложных, разветвлённых, зыбких и в обобщении наблюдений над разнообразнейшими случаями». Он подчёркивает, что не только для практики перевода, но — тем более — и для теории его является необходимостью глубокая лингвистическая основа, знание закономерностей, существующих в отношении между определёнными языками.

Подытоживая свою аргументацию, А.В. Фёдоров подчёркивает, что его работа — это «не книга о художественном переводе как таковом», (хотя ему и посвящён в ней особый раздел) и что «художественный перевод, являясь высшей формой переводческой деятельности, затрагивается в книге лишь как одна из частей общей проблемы перевода, правда, принципиальнейшая и сложнейшая <...> из всей огромной проблемы перевода художественной литературы здесь выделены некоторые специальные лингвистические вопросы, представляющиеся узловыми с точки зрения принципа переводимости».

Далее учёный отмечает, что его книга «не является практическим пособием по переводу или — тем не менее — сборником переводческих правил». Помощь практике со стороны теории в области

перевода может и должна заключаться прежде всего в том, чтобы нацеливать внимание переводчика на необыкновенное разнообразие языковых возможностей, приучать к поискам более широкого круга средств для разрешения каждой конкретной задачи и к пристальной сравнительной оценке этих средств в условиях данного контекста.

А.В. Фёдоров как бы предвидел *трансдисциплинарный* ход развития переводоведения в последующих поколениях учёных. Уже тогда он писал, что «вопросами перевода сейчас занимаются не только литературоведы и лингвисты, не только историки культуры и психологи, но и математики, и инженеры (в связи с машинным переводом). Это показывает, как многогранна тема в целом <...> естественно, что такие работы будут появляться и в дальнейшем», что, как он полагал, «создаётся почва для того, чтобы вновь подойти — но уже в углублённой форме — к постановке комплексных задач изучения перевода как художественной литературы, так и других видов материала <...> Существуют разные взгляды на пути исследования перевода, но эти разные взгляды сближает одно общее — интерес к проблеме и осознание её важности. Это общее нельзя недооценивать — при всех различиях в способах исследования» (Фёдоров, 1958: 3–10).

В этой связи хотелось бы напомнить, что А.В. Фёдоров работал, что называется, не на пустом месте — достаточно вспомнить его совместную работу с К.И. Чуковским, с которым они в 1930 г. в соавторстве написали знаменитый трактат «Искусство перевода» (Чуковский, Фёдоров, 1930)¹.

Вместе с тем академик Б.А. Ларин (1893–1964) в предисловии к сборнику статей «Теория и критика перевода» писал: «Большие надежды мы связываем с привлечением «востоковедов»... специалистов по языкам Азии и Африки к разработкам теории перевода. Первый шаг к этому уже сделан. Ассоциация востоковедов-переводчиков на восточном факультете ЛГУ ведёт постоянную и плодотворную работу» (Ларин, 1962: 7)².

¹ Раздел «Приёмы и задачи художественного перевода», опубликованный в данной книге, стоил Фёдорову «исключением из секции переводчиков Ленинградского отделения Всероссийского союза писателей и Федерации объединений советских писателей» (Фокин, 2016: 14). А К.И. Чуковский был вынужден примкнуть к сторонникам теории реалистического перевода И.А. Кашкина (Азов, 2013: 171).

² Описываемый период (50–60-е гг. XX в.) в истории отечественного переводоведения, характеризовавшийся жаркими и страстными взаимообличительными

Напомним также, что отечественное переводоведение в первой половине XX в. во многом обязано, в частности, когорте выдающихся востоковедов-академиков-переводчиков, в том числе:

— арабисту И.Ю. Крачковскому (1883–1951), переложившему Коран и ряд арабоязычных рукописей на русский язык;

— китаисту В.М. Алексею (1881–1951), который одним из первых перевёл «Исторические записки» Сыма Цяня, а в 1922–1923 годах опубликовал многократно переиздававшийся впоследствии перевод новелл «Ляо-чжай-чжи-и» Пу Сунлина. Он также составил и отредактировал «Большой китайско-русский словарь», изданный посмертно в 1983 г. и был автором многочисленных специальных статей по теории перевода;

— японисту (владевшему также китайским языком) Н.И. Конраду (1891–1970) — автору перевода на русский язык знаменитого китайского «Трактата о военном искусстве». На японский язык перевёл «Обращение к народам Востока» и «Обращение к трудящимся и угнетённым всего мира». На русском языке издал переводы ряда памятников японской классической литературы («Исэ-моногатари», «Ходзёки» и др.). Был редактором до сих пор не превзойдённого по широте представленного материала «Большого японско-русского словаря» (1970).

Этот список может быть пополнен значительным числом примеров значительного вклада в теорию и практику перевода и многих других выдающихся учёных-переводоведов-практиков с различных иностранных языков и на различные иностранные языки, труды которых и личное общение с которыми во многом способствовало развитию отечественной и зарубежной науки о переводе. Так, знаменитый учёный академик Л.В. Щерба (1880–1944) в предисловии

спорами сторонников и противников отрыва переводоведения от литературоведения и становления первого как относительно самостоятельной, но прикладной отрасли к лингвистике, с одной стороны, сопровождавшийся яростной обличительной кампанией так называемой «теорией реалистического перевода» против так называемых «буквалистов» в переводе, имел под собой ещё и финансовую подоплёку — скрытую борьбу за заказы на перевод и соответствующие гонорары. Об этом в вышеупомянутой статье Б.А. Ларина в частности говорится: «Литературоведческая или литературотворческая основа теории перевода обороняется ещё и с практической (юридической) точки зрения. Здесь открывают аргумент в пользу равноправия переводчика и писателя, а раз дело идёт о борьбе за гонорар, то какие же ещё могут быть колебания! Конечно, перевод — литературное творчество, конечно, литературоведение — основа теории перевода. Однако же права на гонорар можно успешно защищать при любой теории перевода» (Ларин, 1962: 4; о том же см.: Азов, 2013: 172 и др.).

ко второму изданию знаменитого «Русско-французского словаря», составителем которого он являлся совместно с М.И. Матусевич, писал, что «до сих пор никто не догадался, что, искусно комбинируя объяснения и переводы, можно создать хороший толковый французский словарь и на русском языке <...> Перевод не должен быть объяснением, а реальным переводом <...> если такого приемлемого общего перевода не находилось, то мы давали несколько переводов, всячески стараясь указать, когда и какой из них следует употреблять <...> Когда нам казалось, что нет ничего подходящего, мы обозначали это значение как **непереводимое** и в скобках давали или объяснения, или какие-либо частичные переводы» (Щерба, 1962: 5–6). В то же время образцом переводоведческой критики может служить до настоящего времени его статья «Опыты лингвистического толкования стихотворений. II. “Сосна” Лермонтова в сравнении с её немецким прототипом» (см. подробнее: Мишкур, Новикова, 2024: 96–97 и далее).

Говоря о важности объединения усилий всех учёных-переводоведов и практикующих переводчиков страны, цитировавшийся выше Б.А. Ларин подчёркивал, что «объединяющее нас стремление достичь более высокого уровня всего переводческого дела, вооружить переводческую практику *подлинно научной теорией* (курсив мой — Э.М.) найдёт новые импульсы на путях сближения переводчиков с европейских языков и на европейские языки и переводчиков с языков всех других континентов (и на языки других континентов)» (Ларин, 1962).

В данном контексте важно заметить, что ещё в 1958 г. на Втором съезде славистов в Москве уже шла горячая дискуссия о роли и месте перевода в культурной жизни общества. Уже в то время было предложено идентифицировать переводоведение как **особую самостоятельную науку**, не относящуюся исключительно к лингвистике или литературоведению.

Поэтому не совсем корректно датой рождения теории перевода как научной дисциплины считать 1972 г. — дату выступления британского лингвиста Джеймса Холмса на Третьем международном симпозиуме по прикладной лингвистике в Копенгагене, который заявил о необходимости признания теории перевода самостоятельной областью научных исследований. Он усмотрел основную задачу новой науки в «установлении общих принципов, помогающих объяснять и предсказывать реальные проявления теоретических закономерностей процесса перевода» и предложил именовать её как “translation studies” (TransEurope, ЭР).

Именно отечественным учёным-переводоведам Я.И. Рецкеру, С.Г. Бархударову, В.Н. Комиссарову, А.Д. Швейцеру и ряду других выдающихся учёных³ принадлежит заслуга всестороннего законченного, системного теоретического и прагматического описания «Лингвистической теории перевода», получившей заслуженное признание и ряда ведущих зарубежных переводоведов⁴. Наглядным доказательством этого тезиса может служить известный сборник статей «Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике», составленный, отредактированный В.Н. Комиссаровым, который предварил его обширной вступительной статьёй-рецензией «Перевод как объект лингвистического исследования» (Вопросы теории..., 1978).

Тем не менее нелишне определить отношения сторонников ЛТП к незаслуженной критике данного направления в переводоведении. Так В.Н. Комиссаров по этому поводу пишет: «Широкое распространение получила идея о необходимости создания самостоятельной науки — «переводоведения», — в которой использовались бы методы и понятия ряда наук, но которая не была бы собственно лингвистической дисциплиной. Однако по мере расширения лингвопереводческих исследований становится всё более очевидным, что языковедам нет необходимости оправдываться в необходимости включения перевода в лингвистическую проблематику. Оказалось, что лингвистические аспекты перевода не есть что-то случайное или периферийное, они составляют основной механизм этого явления, включают все важнейшие его стороны, обуславливают его существование как особого вида межъязыкового общения» (Комиссаров, 2007: 4).

Подтверждением словам Комиссарова может служить тот неопровержимый факт, что ЛТП и её дидактическая репрезентация были в конечном итоге **единой научно-учебной дисциплиной практически во всех переводоведческих учебных заведениях нашей страны**. Этого, к сожалению, не скажешь о теоретическом

³ Сведения о сонме корифеев ЛТП см., в частности, в коллективной монографии «Золотые имена дидактики перевода», 2023.

⁴ В контексте вышесказанного полагаем несправедливыми сомнения прозаика-фантаста и переводчика произведений ряда англоязычных авторов В.Т. Бабенко в реальном существовании всемирно признанной отечественной лингвистической школы перевода, творцами которой были вышеназванные и другие выдающиеся профессионалы-переводоведы СССР. Все свои претензии к советской школе перевода он, как и ряд других практиков перевода, строит на ошибках своих коллег по цеху, будучи явно не специалистом в отечественной теории и методологии перевода (см.: Бабенко, ЭР).

«разнобое» в преподавании теории и методологии перевода в современных вузах, в которых зачастую данный курс читается в зависимости от предпочтений преподавателя, основанных преимущественно на его индивидуальных теоретико-методологических изысканиях.

В этой связи можно предположить, что традиционный сдержанный государственно-консервативный академический подход к определению места теории и методологии перевода в научной номенклатуре в большей степени ориентируется на сферу языкознания.

Становится понятным в значительной степени, почему в паспорте дисциплины 5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика» о переводе сформулированы следующие составляющие: «Лингвистическое переводоведение и его основные направления. Языковые и экстралингвистические аспекты перевода. Формы, виды и методы перевода. История перевода и переводческой мысли» (Паспорт 5.9.8., п. 20). Литературоведческие разыскания в области художественного перевода сведены к одному: «Обобщение опыта художественно-переводческой деятельности» (Паспорт 5.9.3., п. 14).

Вместе с тем ЛТП, занимая почётное место в перечне прочих дисциплин, обслуживающих современный подход к переводоведению, является в настоящее время «притчей во языцех» в горячих дискуссиях о составе и значимости различных социально-гуманитарных наук в новой *трансдисциплинарной парадигме перевода*.

В данном контексте вполне понятна точка зрения академика РАО Н.К. Гарбовского, который с большим сожалением констатирует, что «перевод — деятельность с историей, уходящей вглубь тысячелетий, где сегодня человек соперничает с искусственным интеллектом, деятельность, позволившая передачу научных и культурных знаний от одних народов другим, несмотря на языковые барьеры, обеспечивающая успех географических открытий и дипломатических переговоров, стимулировавшая развитие и совершенствование словесности на разных языках мира, деятельность, где решения принимаются не только с учётом лингвистических, но и этических, социальных, психологических, исторических, этнических, логических и многих других факторов, — в представлении современных организаторов науки не представляет собой объект изучения *специальной междисциплинарной отрасли научного знания*» (курсив мой — Э.М.) (Гарбовский, 2022: 22–23).

Задачи современного переводоведения

Полагаем, что в настоящее время ведущим переводоведческим школам России необходимо целенаправленно, систематизированно и аргументированно на высоком научно-теоретическом и методологическом уровнях с учётом новейших разработок в области смежных с переводоведением дисциплин развернуть активную деятельность по формированию необходимого мнения в высокой научной среде о рассмотрении и квалификации современного переводоведения как науки, находящейся на начальной стадии приобретения статуса **самостоятельной академической дисциплины**.

Английский писатель и переводчик Дэвид Беллос, вникнув в бесконечные тонкости многогранной переводческой деятельности, констатировал, что «слово «перевод» не служит названием традиционной *академической дисциплины*, хотя среди переводчиков много учёных из других областей» (Беллос, 2019: 16).

Действительно, парадокс ситуации заключается в том, что нынешнее «неакадемическое переводоведение» **трансдисциплинарно** изучается учёными — представителями многочисленных социально-гуманитарных дисциплин — лингвистики, этнопсихолингвистики, антропологии, литературоведения, культурологии, истории, философии, когнитивистики и др., являющимися истинно «академическими науками».

Представляется необходимым в этой связи напомнить о критериях определения статуса некоего научного знания как целостной самостоятельной научной дисциплины.

Наука — это сфера духовной деятельности человека, направленная на выработку системы объективных знаний о мире, закономерностях развития природы, обществе и мышлении.

Наука, как известно, подразделяется на фундаментальную теоретическую составляющую и ряд прикладных наук. Прикладные науки на основе фундаментальных наук разрабатывают практическое применение соответствующих знаний в обществе. В этом смысле практическая переводческая деятельность, базирующаяся на основах теории и методологии перевода, представляет собой прикладной аспект самостоятельной научной дисциплины — переводоведения.

С другой стороны, это социальный институт, основу которого составляет система организаций и учреждений, создающих, хранящих и распространяющих научное знание. По этому критерию

переводоведение, дидактика перевода, а также наличие специализированных научно-учебных заведений по подготовке соответствующих кадров представлены в РФ оптимальным образом.

Образно говоря, перевод — это специфический способ, мост представления нового иноязычного знания на родном языке потребителя этого знания, обеспечивающий межкультурную коммуникацию между носителями более чем 7000 языков мира. Перевод — это источник нового знания в образно-художественном виде или в формах поликодовых профессиональных конструкторов соответствующих научных сфер на родном или на иностранных языках.

Традиционно переводоведение трактовалось следующим образом — это «наука о переводе как процессе и как тексте, изучающая историю перевода, его общие и частные теоретические основы, технику и методику процесса перевода, переводческие навыки и умения как сложных видов речезыковой деятельности в двуязычной ситуации, т.е. такой, когда процесс речезыкового общения (коммуникации) осуществляется средствами двух языков (в кодах двух языковых систем)» (Нелюбин, Хухуни, 2023: ЭР).

Современное переводоведение ныне определяется как *социально-гуманитарная трансдисциплинарная наука* на стыке лингвистики, культурологии, теории коммуникации, сравнительного литературоведения, семиотики, социологии, истории, а также философии, герменевтики, этнопсихолингвистики и когнитологии, теории информации и других смежных академических наук и явлений типа *локализации* в рамках алго-когнитивной культуры и др.

Особенности тезауруса исходного языка (ИЯ) оригинала и языка перевода (ЯП) заключаются в том, что они должны обладать адекватным метаязыком, базирующимся на одинаково трактуемых терминопонятиях, обслуживающих сферы рабочих языков. Исследователи объективно отмечают, что переводоведение действительно обладает своим собственным научным профессиональным метаязыком, базирующимся на специфической/специальной терминологии, независимой от языков конкретных дисциплин.

Парадигматика современного переводоведения в России

Отличительная черта современного отечественного переводоведения — явно зашкаливающий непрерывный поток якобы новых оригинальных авторских построений/штудий, оказывающихся в

скором забвении после защиты требуемой диссертации и написания сопутствующих статей, поскольку это хорошо скрытый плагиат — зачастую иноязычного происхождения, приукрашенный многочисленными малозначащими примерами, как правило, на одном иностранном рабочем языке.

Тем не менее отраднo, что инновации, привнесённые в современное отечественное переводоведение такими смежными и важными для него дисциплинами, как-то: лингвистическая философия, современная герменевтика, когнитивистика и нейролингвистика, дискурсология и др. стали теоретико-познавательной деятельностью базой для построения новых современных переводоведческих концепций.

Представим ниже беглый обзор эпистемологически ценных современных теорий, парадигм моделей и т.п., в которых наблюдаются новые тенденции становления и развития современного учения о переводе на инновационных методологических, идейных, концептуальных основаниях.

Сгруппируем соответствующие номены, содержащиеся в искомым терминопонятийных обозначениях⁵:

1. Парадигмы/модели перевода: лингвистическая, функционально-прагматическая (динамическая), семантико-семиотическая, ситуативная, денотативно-формальная, трансформационная, информативная, лингвокультурологическая, психолингвистическая, констелляционная, функционально-коммуникативная (скопос-теория), и т.п.

2. Когнитивные модели перевода: интерпретативно-порождающая, общая когнитивная, деятельностно-когнитивная, когнитивно-герменевтическая, когнитивно-эвристическая, фреймовая, культурноантропологическая и др.

3. Эпистемы перевода: людическая (игровая), дискурсивно-игровая, дискурсивно-коммуникативная и др.

Пункты 2 и 3 свидетельствуют о том, что в отечественном переводоведении наблюдается тенденция к определённой унификации инновационно-теоретических построений. Ключевыми, базисными, наиболее частотными терминопонятиями в современном переводоведческом моделировании являются *дискурс, коммуникация, когниция, игра и т.п.*

Очевидно, что открывается возможность порождения переводоведческой концепции, построенной на тезаурусе, который

⁵ Из соображений научной корректности мы не ссылаемся на конкретных авторов — инициаторов «новояза» в современных переводоведческих конструктах.

позволит единообразно описывать основные методологические, лингвокультурологические, смыслопорождающие и др. положения теории и методологии дискурсивно-игровой когнитивно-герменевтической парадигмы перевода, позволяющей, на наш взгляд, в значительной степени приблизить современное переводоведение к его интерпретации как **самостоятельной академической научной дисциплины**.

В качестве одного из возможных вариантов может быть предложена авторская **«дискурсивно-игровая когнитивно-герменевтическая парадигма перевода»**. В данной статье нет необходимости подробно повторять аргументацию автора о необходимости когнитивно-герменевтического, дискурсивно-игрового и других современных подходов к теории и практике перевода, изложенных в ранее опубликованных монографиях и соответствующих статьях (см.: Мишкуроев, 2018, 2021; Мишкуроев, Новикова, 2020, 2024). Лишь кратко напомним её суть. Исходя из определения Н.Д. Арутюновой дискурса как «речи в определённой сфере жизнедеятельности», сходное терминопонятие Л. Витгенштейна «языковые игры» ныне толкуется как собственно «дискурсивно-игровые виды деятельности», к которым, в частности, он относит и «перевод с одного иностранного языка на другой» (Арутюнова, 1990: 136–137; Wittgenstein, 2009; Витгенштейн, 2011: 30–31). В основу трансдисциплинарного дискурсивно-игрового макропереводческого пространства положена когнитивно-герменевтическая методология, основанная, в частности, на когнициях *предпонимания* ИТ, его глубинного осмысления — *понимания, интерпретации* и результирующего *переводческого решения*.

В развитие вышеупомянутой парадигмы перевода целесообразно добавить новый фрагмент теории, составную часть которой составляет система инновационных компонентов в виде **«переводоведческого дискурса»**, **«переводческого дискурса»** и **«переводного дискурса»**. Это представляется важным шагом к академизации теории переводоведения и созданию его единого научно-методологического аппарата.

Типология дискурсов в теории и практике перевода

«Переводоведческий дискурс» — впервые это терминопонятие обнаруживаем в авторитетной монографии известного австрийского лингвиста, переводоведа Эриха Прунча «Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической» в следующих цитатах: 1) «Ф. Пепке раньше других ссылается на

таких мыслителей, как Жак Деррида, влияние которых на *переводоведческий дискурс* стало определяющим только в 1990-е годы»; 2) «К этому моменту научный *переводоведческий дискурс* уже пришёл в движение...» (Прунч, 2015: 126–127, 160).

В отечественном переводоведении видимо одну из первых попыток дать обстоятельную характеристику *переводоведческому дискурсу* в отличие от *переводческого дискурса* предприняла Л.В. Кушнина, подчеркнув при этом, что данный дискурс весьма «многолик и многоаспектен». Она также констатировала, что предшествующие поколения отечественных учёных уже фактически внесли значительный вклад в разработку данной проблематики, в то время ещё не оперируя понятием «дискурс» во всём его современном транслатологическом многообразии (Кушнина, 2013: 10–16).

Вместе с тем автор представила некий обобщённый «переводоведческий дискурс в России», акцентировав внимание на том, «что современные концепции перевода... сохраняют традиции, заложенные классиками отечественного переводоведения... содержат новые идеи», дающие в совокупности «представление о сложной многоаспектной, многодисциплинарной, находящейся в постоянном развитии и совершенствовании системе перевода».

Идея Э.Ю. Новиковой и А.П. Наумовой ввести *переводоведческий дискурс* в состав *переводческого дискурса*, о котором речь пойдёт далее, представляется надуманной и контрпродуктивной, т.к. целеполагание этих дискурсов различно по содержанию и функциям.

«*Переводоведческий дискурс*» с философской точки зрения соответствует теоретико-гибридному конструкту, базирующемуся на оппозиции «теоретический дискурс»: «риторический дискурс». Целью теоретического дискурса является «он сам и та понятность, которую он формирует; целью же риторического дискурса является что-то иное и внешнее по отношению к нему» (см.: Нетерина, 2017: 110).

По нашему мнению, по своим сущностным характеристикам переводоведческий дискурс может трактоваться также в рамках так называемого «*академического дискурса (АД)*».

Напомним, что Л.А. Манерко в своей статье «Структуры знаний, представленные в художественном и академическом дискурсах» лапидарно в разделе «Особенности академического дискурса» подчёркивает, что АД описывает реальный мир «на основе экспериментального, теоретического или другого вида анализа, он основан на понятиях, фактах, теориях, которые объясняются учёным».

Важная задача, решаемая учёными, «направлена на представление какого-либо отрезка действительности через убеждение читателя в правоте описываемых проблем и рассчитан на то, что описываемые данные могут быть проверены на другом материале». Далее она уточняет, что «академический дискурс связан как с устной, так и письменной формой выражения информации» с использованием когнитивной и коммуникативной функций. Она подчёркивает, что АД «представляет собой уровень развития какого-либо отдельного участка в научной сфере деятельности общества в различных странах» (Манерко, 2013: 114–116).

Если Л.А. Манерко фокусирует внимание читателя исключительно на научно-исследовательской стороне АД, то в ряде более расширенных трактовок последнего отечественными и зарубежными учёными указывается и его вторая — прикладная сторона, заключающаяся, в частности, в формировании соответствующих метаязыков, которые служат, с одной стороны, для «создания устных и письменных текстов различных научных жанров в академических контекстах у определённого дискурсивного сообщества», и, с другой стороны, для разработки методики овладения конкретной учебной дисциплины с целью формирования у обучаемых академическо-образовательных компетенций, необходимых для успешной научно-образовательной и практической деятельности⁶ (Стеблецова, 2020: 7–10).

Применительно к переводоведению его теоретическая часть являет собой научно-трансдисциплинарную, концептуально-когнитивную область познания сущности перевода как двуязычного посредничества в соответствующей сфере межкультурной коммуникации, включающей всё разнообразие стратегий и тактик перевода, которые обеспечивают прагматическую реализацию институциональных и других видов дискурсов на базе *дискурсивно-игровой методологии* в виде определённых речевых актов, тесно связанных с соответствующими формами жизнедеятельности.

Риторические дискурсы реализуются в социуме в виде соответствующих *институциональных дискурсов* — политического, военного, художественного, юридического и др., а также *личностно-ориентированных* — бытийных/бытовых и др.

⁶ *Академический дискурс* получил своё активное развитие в англосаксонской лингвистике с целью создания образовательно-дидактических программ и методик обучения английскому языку как отечественных, так и иностранных студентов, а также для социализации студентов, изучающих второй иностранный язык (см.: Hamp-Lyons, 2011; ср.: Fontaine Ph., 2009; Duff, 2014).

Таким образом, переводоведческий дискурс позиционируется нами как трансдисциплинарная матрица различных синергетических моделей перевода.

Очевидно, что переводоведческий дискурс является теоретико-методологическим базисом для профессиональной деятельности переводчика в рамках так называемого «*переводческого дискурса*».

«**Переводческий дискурс**», введённый в научный оборот Г.Д. Воскобойником в 2004 г., трактуется как разновидность *аргументативного дискурса*, в рамках которого переводчик как «комментатор/критик» использует адекватные способы и приёмы двуязычной коммуникации с целью убеждения «антагониста-читателя» или «аудитории» в корректности/некорректности своего или чужого перевода (Воскобойник, 2004: 71, 136 и др.).

В свете *людической теории перевода* Е.Ю. Куницына обозначает **переводческий дискурс** в терминах «пространства игры и метаигры переводчика» (Куницына, 2018: 293).

Е.А. Алексеева в своей статье «К вопросу о переводческих текстовых структурах» (2015 г.) представила «Текстовые переводческие стратегии»:

- *понимание*, то есть вычленение смысла;
- *девербализация*, сопровождающая процесс рождения смысла, состоящая в полном абстрагировании от исходной языковой формы, которая способствовала порождению смысла;
- *ревербализация*, то есть свободное от языковой формы оригинала перевыражение ранее вычлененного смысла на языке перевода, в соответствии с нормативными требованиями переводящего языка».

С другой стороны, Э.Ю. Новикова и А.П. Наумова предложили создать **гибридный переводческий дискурс**, в состав которого авторы вкуче включают «переводоведческий дискурс», «собственно профессиональный отраслевой переводческий дискурс», а также «дидактический дискурс».

Полагаем, что авторы «впали» в терминологический хаос в репрезентации «переводоведческого дискурса» и «дидактического дискурса» как частей «переводческого дискурса», и тем самым привносят некоторую сумятицу в структурную, когнитивно-профессиональную и практическую деятельность «агентов переводческого дискурса» — теоретиков / теоретиков-практиков перевода и профессиональных переводчиков.

Вместе с тем они корректно сформулировали роль переводчика в создании **переводческого дискурса**, которая в фигуральном

плане представлена следующим образом: «Переводчик выступает агентом дискурса, он наделён дискурсивным мышлением, как любая языковая и коммуникативная личность, и координирует коммуникативный сценарий конкретного дискурса» (Новикова, Наумова, 2021: 6).

Со своей стороны, полагаем, что терминопонятие **«переводческий дискурс»** следует интерпретировать как *фатическую (контактоустанавливающую), этнопсихокультурную речевую персональную деятельность билингва-посредника по обеспечению взаимопонимания разноязычных коммуникантов посредством разнообразных способов и форм общения — устных или письменных, личностных или технически опосредованных, результатом которой является «переводной дискурс».*

«Переводной дискурс» в научной литературе понимается как совокупность текстов или как отдельный текст на ЯП на заданную тему, реализующийся в рамках переводческо-языковых соответствий вкупе с вынужденными дискурсивно-игровыми манипулятивными способами и приёмами перевода в интересах заказчика/реципиента.

По формулировке Н.К. Гарбовского, «переводные тексты в своей совокупности предстают как особая часть общего дискурсивного пространства, которая могла бы быть определена как *“переводной дискурс”*». И далее читаем, что: «...реальная переводческая практика порождает *“переводной дискурс”*, который, занимая особое место в дискурсивном пространстве принимающей культуры, при длительных контактах с исконными речевыми произведениями не может не оказывать существенного воздействия на всё это пространство» (Гарбовский, 2011: 3–18).

В поддержку данной точки зрения высказалась Е.С. Краснопева: «Под переводным дискурсом следует понимать совокупность текстов, репрезентирующих прототипическую коммуникативную ситуацию повторяющего типа и погруженных в данную ситуацию, воспринимаемую участниками общения как часть перевода-процесса. Данную совокупность текстов необходимо рассматривать в неразрывной связи с ситуативным контекстом, определяющим особую... упорядоченность языковых единиц разного уровня при воплощении текста перевода в связи с экстралингвистическими, прагматическими, коммуникативными и другими факторами, а также с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок переводчика, взаимодействующего с (потенциальным) реципиентом текста перевода» (Краснопеева, 2015: 65–73).

С нашей точки зрения, продуктивным «в рабочем отношении» является трактовка «переводного дискурса» как ситуативно порождённого переводческого контента, материально зафиксированного на бумажных или традиционных звуко-технических носителях, или репрезентируемого в виде текстового интернет-контента и т.п. Как правило, он представляет собой заказное, целевое, вторично-знаковое в когнитивно-коммуникативном измерении речевое произведение — конструкт, порождённый переводчиком на ином языке в устной или письменной форме с большей или меньшей степенью контекстно-смысловой аппроксимации по отношению к оригиналу.

Резюмируя вышеизложенные теоретико-прагматические максимы о типологии дискурсов в современной транслатологии, отметим, что переводчики в рамках *переводческого дискурса*, используя стратегии и тактики, способы и приёмы, наработанные в рамках *переводоведческого дискурса*, применяют их в структуре *переводного дискурса*. В результате порождается квалифицированный перевод, оптимально построенный на переводческих языковых соответствиях, а при отсутствии оных — на использовании *дискурсивно-игровых манипулятивных* способов и приёмах построения целевого текста при помощи вольного/свободного переложения оригинала, желательно в приемлемой для реципиента форме.

Заключение

В заключение представляется необходимым ещё раз констатировать, что современное переводоведение должно рассматриваться в лоне лингвофилософского подхода, а также с опорой на соответствующие общественно-прикладные социально-гуманитарные науки как одну из его специфических форм по осуществлению межъязыковой межкультурной коммуникации в устной и письменной формах, а также синкретически упорядочить уже имеющиеся теоретически значимые труды как в отечественной, так и зарубежной транслатологии с целью последовательной выработки единообразной парадигматики перевода на уровне требований *академической дисциплины* и исключения перевода из сферы лингвистики как её прикладной дисциплины.

В рамках настоящего исследования предлагается к рассмотрению «дискурсивно-игровая когнитивно-герменевтическая парадигма перевода», разработанная в терминопонятиях «академического дискурса», которая, на наш взгляд, отвечает ряду требований, предъявляемых современной академической наукой к научным направлениям, претендующим на этот статус.

Список литературы

Азов А.Г. Поверженные буквалисты. Из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 304 с.

Алексеева Е.А. К вопросу о переводческих текстовых стратегиях // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Якутск, 2015. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-perevodcheskih-tekstovyh-strategiyah> (дата обращения: 20.12.2024).

Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136–137.

Бабенко В.Т. Семь грехов «советской школы» [Электронный ресурс] // URL: <https://shakko.ru/1669076.html> (дата обращения: 23.12.2024).

Беллос Д. Что за рыбка в вашем ухе?: удивительные приключения перевода. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2019. 416 с.

Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ: Астрель, 2011.

Воскобойник Г.Д. Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 41 с.

Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сборник статей: Пер. с англ., нем., франц. Вступительная статья и общая ред. перевода В.Н. Комиссарова. М.: Междунар. отношения, 1978. 232 с.

Гарбовский Н.К., Костикова О.И. История перевода: практика, технологии, теории. Очерки по истории перевода. М.: Издательство Московского университета, 2021. 318 с.

Гарбовский Н.К. Перевод и переводной дискурс // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2011. № 4. С. 3–19.

Гарбовский Н.К. «Такой науки быть не может». К эпистемологии науки о переводе // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2022, № 4. С. 7–24.

Золотые имена дидактики перевода: коллективная монография / под общей ред. Н.Н. Гавриленко. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2023. 144 с.

Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 176 с.

Краснопеева Е.С. Характеристика особенностей русскоязычного переводного дискурса с позиций корпусного переводоведения // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates, 2015. Том 1. № 4 (4). С. 65–73.

Куницына Е.Ю. Переводческий дискурс как пространство игры и метаигры переводчика // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы II Международной научно-практической конференции (Симферополь, 26–28 апреля 2018 г.). Симферополь: АРИАЛ, 2018. С. 238–340.

Кушнина Л.В. Переводоведческий дискурс в России: традиции и современность // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики, 2013. С. 10–16.

Ларин Б.А. Наши задачи // Теория и практика перевода. Ленинградский государственный университет имени А.А. Жданова. Издательство Ленинградского университета, 1962. С. 3–7.

Манерко Л.А. Структуры знаний, представленные в художественном и академическом дискурсах // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2013. № 1. С. 100–118.

Мишкурое Э.Н. Герменевтика перевода (теоретико-методологический стандарт). М.: Военный университет, 2018. 299 с.

Мишкурое Э.Н. О «дискурсивно-игровом повороте» в современной теории и методологии перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. Изд-во Моск. ун-та (М.), 2021. № 3. С. 16–32.

Мишкурое Э.Н., Новикова М.Г. Теория и методология перевода в когнитивно-герменевтическом освещении: монография. М.: Флинта, 2020. 300 с.

Мишкурое Э.Н., Новикова М.Г. Переводимость — непереводимость: Былое и думы...: монография. М.: Флинта, 2024. 248 с.

Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Толковый переводоведческий словарь. 3-е издание, переработанное. М.: Флинта: Наука, 2003.

Нетерина С.С. Апории дискурса. М.: Институт философии РАН, 2017. 119 с.

Новикова Э.Ю., Наумова А.П. Переводческий дискурс 4.0: разнообразие форматов, жанров и трендов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание, 2021. Т. 20, № 3. С. 5–17.

Прунч Э. Пути развития западного переводоведения от языковой асимметрии к политической. М.: Р.Валент, 2015. 512 с.

Реформатский А.А. Лингвистические вопросы перевода // Иностранные языки в школе, 1952. № 6. С. 12–22.

Стеблецова А.О. Академический дискурс в западных исследованиях на рубеже XX–XXI вв.: эволюция направлений и концепций // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание, 2020. Т. 19. № 5. С. 5–13.

Фёдоров А.В. Введение в теорию перевода (Лингвистические проблемы). Изд. 2-е, переработанное. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. 376 с.

Фокин С. Перевод, переводимость и непереводимость в свете формалистической теории. О ранних работах А.В. Фёдорова // Вопросы литературы, 2016. № 1. [Электронный ресурс] // URL: <https://voplit.ru/article/perevod-perevodimost-i-neperevodimost-v-svete-formalisticheskoy-teorii-o-rannih-rabotah-a-v-fedorova/> (дата обращения: 17.01.2024).

Цвиллинг М.Я. Переводоведение как синтез знания // Тетради переводчика. М.: МГЛУ, 1999. Вып. 24. С. 32–37.

Чуковский К.И., Фёдоров А.В. Искусство перевода. Л.: Изд-во АКАДЕМІА, 1930. 235 с.

Щерба Л.В., Матусевич М.И. Русско-французский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1962. 852 с.

TransEurope Возникновение теории перевода как научной дисциплины. [Электронный ресурс]. URL: <https://transeurope.ru/publications/vozniknovenie-teorii-perevoda-kak-nauchnoy-distipliny.html> (дата обращения: 20.01.2024).

Duff P. (2014) Handbook of Language Socialization. Malden: Willy Blackwell, pp. 564–586.

Fontaine Ph. (2009) Les Défis de la Traduction. [Electronic resource]. URL: <https://www.coin-philol.net/eee.tice.09-10.PhF.pdf> (date of retrieval: 22.01.2024).

Hamp-Lyons L. (2011) English for Academic Purposes. Handbook of Research on Second Language Learning and Teaching. New York, Routledge. Taylor & Francis, pp. 89–105.

Wittgenstein L. (2009) Philosophical investigations. The German text, with an English translation by G.E. Anscombe, P.M.S. Harker and Joachim Schulte. Blackwell Publishing Ltd.

References

Azov A.G. (2013) Poverzhennye bukvalisty. Iz istorii hudozhestvennogo perevoda v SSSR v 1920–1960-e gody = Defeated literalists. From the history of literary translation in the USSR in the 1920-1960 p. Moscow: Izd. dom Vysshij shkoly ekonomiki. 304 p. (In Russian).

Alekseeva E.A. (2015) K voprosu o perevodcheskih tekstovyh strategiayah = On the issue of translation text strategies. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova*. Yakutsk. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-perevodcheskih-tekstovyh-strategiyah>

Arutyunova N.D. (1990) Diskurs = Discourse. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'*. Moscow, pp. 136–137 (In Russian).

Babenko V.T. Sem' grekhov "sovetskoj shkoly" = Seven sins of the "Soviet school" [Electronic resource]. URL: <https://shakko.ru/1669076.html> (date of retrieval: 23.12.2024).

Bellos D. (2019) Chto za rybka v vashem uhe?: udivitel'nye prikladyeniya perevoda = What kind of fish is in your ear?: amazing adventures of translation. Moscow: KoLibri: Azbuka-Attikus. 416 p. (In Russian).

Cvilling M.Ya. (1999) Perevodovedenie kak sintez znaniya = Translation studies as a synthesis of knowledge. *Tetrad' perevodchika*. Moscow: MGLU. Issue 24, pp. 32–37 (In Russian).

Chukovskij K.I., Fyodorov A.V. (1930) Iskusstvo perevoda = The art of translation. Leningrad: Izd-vo ACADEMIA. 235 p. (In Russian).

Duff P. (2014) Handbook of Language Socialization. Malden: Willy Blackwell, pp. 564–586.

Fyodorov A.V. (1958) Vvedenie v teoriyu perevoda (Lingvisticheskie problemy) = Introduction to Translation Theory (Linguistic Problems). Izd. 2-e, pererabotannoe. Moscow: Izd-vo literatury na inostrannyh yazykah. 376 p. (In Russian).

Fokin S. (2016) Perevod, perevodimost' i neperevodimost' v svete formalisticheskoy teorii. O rannih rabotah A.V. Fyodorova = Translation, translatability

and untranslatability in the light of formalistic theory. About the early works of A.V. Fedorov. *Voprosy literatury*. No. 1. [Electronic resource]. URL: <https://voplit.ru/article/perevod-perevodimost-i-neperevodimost-v-svete-formalisticheskoy-teorii-o-rannih-rabotah-a-v-fedorova/> (date of retrieval: 17.01.2024) (In Russian).

Fontaine Ph. (2009) *Les Défis de la Traduction*. [Electronic resource]. URL: <https://www.coin-philol.net/eee.tice.09-10.PhF.pdf> (date of retrieval: 22.01.2024).

Garbovskiy N.K., Kostikova O.I. (2021) *Istoriya perevoda: praktika, tekhnologii, teorii = History of translation: practice, technology, theory. Essays on the history of translation. Ocherki po istorii perevoda*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 318 p. (In Russian).

Garbovskiy N.K. (2011) *Perevod i perevodnoj diskurs = Translation and translation discourse. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 4, pp. 3–19 (In Russian).

Garbovskiy N.K. (2022) “Takoj nauki byt' ne mozhet”. K epistemologii nauki o perevode = “Such science cannot exist.” Towards an epistemology of translation science. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 4, pp. 7–24 (In Russian).

Hamp-Lyons L. (2011) *English for Academic Purposes. Handbook of Research on Second Language Learning and Teaching*. New York, Routledge. Taylor & Francis, pp. 89–105.

Komissarov V.N. (2007) *Lingvistika perevoda = Linguistics of translation*. Moscow: Izdatel'stvo LKI. 176 p. (In Russian).

Krasnopeeva E.S. (2015) *Harakteristika osobennostej ruskoyazychnogo perevodnogo diskursa s pozicij korpusnogo perevodovedeniya = Characteristics of the features of Russian-language translation discourse from the perspective of corpus translation studies. Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates. Vol. 1. No. 4 (4), pp. 65–73* (In Russian).

Kunicyna E.Yu. (2018) *Perevodcheskij diskurs kak prostranstvo igry i metaigry perevodchika = Translation discourse as a space of play and meta-game of the translator. Perevodcheskij diskurs: mezhdisciplinarnyj podhod: materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Simferopol', 26–28 April 2018 g.)*. Simferopol': ARIAL, pp. 238–340 (In Russian).

Kushnina L.V. (2013) *Perevodovedcheskij diskurs v Rossii: tradicii i sovremennost' = Translation studies discourse in Russia: traditions and modernity. Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki*, pp. 10–16 (In Russian).

Larin B.A. (1962) *Nashi zadachi = Our tasks. Teoriya i praktika perevoda. Leningradskij gosudarstvennyj universitet imeni A.A. Zhdanova. Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta*, pp. 3–7 (In Russian).

Manerko L.A. (2013) *Struktury znaniy, predstavlenyye v hudozhestvennom i akademicheskom diskursah = Structures of knowledge presented in artistic and academic discourses. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 1, pp. 100–118 (In Russian).

Mishkurov E.N. (2018) *Germenevtika perevoda (teoretiko-metodologicheskij standart) = Hermeneutics of translation (theoretical and methodological standard)*. Moscow: Voennyj universitet. 299 p. (In Russian).

Mishkurov E.N. (2021) О “diskursivno-igrovom povorote” v sovremennoj teorii i metodologii perevoda = On the “discursive-game turn” in modern theory and methodology of translation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. Izd-vo Mosk. un-ta (M.). No. 3, pp. 16–32 (In Russian).

Mishkurov E.N., Novikova M.G. (2020) *Teoriya i metodologiya perevoda v kognitivno-germenevticheskom osveshchenii = Theory and methodology of translation in cognitive-hermeneutic coverage: monografiya*. Moscow: Flinta. 300 p. (In Russian).

Mishkurov E.N., Novikova M.G. (2024) *Perevodimost' — neperevodimost': Byloe i dumy... = Translatability — untranslatability: Past and thoughts...: monografiya*. Moscow: Flinta. 248 p. (In Russian).

Nelyubin L.L., Huhuni G.T. (2003) *Tolkovyj perevodovedcheskij slovar' = Explanatory translation dictionary*. 3-e izdanie, pererabotannoe. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian).

Neterina S.S. (2017) *Aporii diskursa = Aporia of discourse*. Moscow: Institut filosofii RAN, 119 p. (In Russian).

Novikova E.Yu., Naumova A.P. (2021) *Perevodcheskij diskurs 4.0: raznobrazie formatov, zhanrov i trendov = Translation discourse 4.0: diversity of formats, genres and trends*. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie*. V. 20. No. 3, pp. 5–17 (In Russian).

Prunch E. (2015) *Puti razvitiya zapadnogo perevodovedeniya ot yazykovoj asimmetrii k politicheskoy = Puti razvitiya zapadnogo perevodovedeniya ot yazykovoj asimmetrii k politicheskoy*. Moscow: R.Valent 512 p. (In Russian).

Reformatskij A.A. (1952) *Lingvisticheskie voprosy perevoda = Linguistic issues of translation*. *Inostrannye yazyki v shkole*. No. 6, pp. 12–22 (In Russian).

Steblecova A.O. (2020) *Akademicheskij diskurs v zapadnyh issledovaniyah na rubezhe XX–XXI vv.: evolyuciya napravlenij i koncepcij = Academic discourse in Western studies at the turn of the XX–XXI centuries: the evolution of directions and concepts*. *Vestnik VolGU. Seriya 2, Yazykoznanie*. V. 19. No. 5, pp. 5–13 (In Russian).

Shcherba L.V., Matusevich M.I. (1962) *Russko-fra cuzskij slovar' = Russian-French dictionary*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej. 852 p. (In Russian).

TransEurope Vozniknovenie teorii perevoda kak nauchnoj discipliny = The emergence of translation theory as a scientific discipline [Electronic resource]. URL: <https://transeurope.ru/publications/vozniknovenie-teorii-perevoda-kak-nauchnoy-distipliny.html>. (In Russian) (date of retrieval: 20.01.2024).

Vitgeshtejn L. (2011) *Filosofskie issledovaniya = Philosophical studies*. Moscow: AST: Astrel'. (In Russian).

Voskoboynik G.D. (2004) *Lingvofilosofskie osnovaniya obshchej kognitivnoj teorii perevoda = Linguistic and philosophical foundations of the general cognitive theory of translation: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk*. Moscow. 41 p. (In Russian).

Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike: Sbornik statej = Issues of translation theory in foreign linguistics: Collection of articles. (1978). Per. s angl., nem., franc. Vstupitel'naya stat'ya i obshchaya red. perevoda V.N. Komissarova. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya, 232 p. (In Russian).

Wittgenstein L. (2009) Philosophical investigations. The German text, with an English translation by G.E. Anscombe, P.M.S. Harker and Joachim Schulte. Blackwell Publishing Ltd.

Vitgenshtejn L. (2011) Filosofskie issledovaniya = Philosophical studies. Moscow: AST: Astrel' (date of retrieval: 20.12.2024) (In Russian).

Zolotyie imena didaktiki perevoda: kollektivnaya monografiya = Golden names of translation didactics: collective monograph. (2023), pod obshchej red. N.N. Gavrilenko. 2-e izd., ster. Moscow: Flinta, 2023. 144 p. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Мишкuroв Эдуард Николаевич — доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-1, дом 1, корп. 51; axmed1232@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Eduard N. Mishkurov — Dr. Sc. (Philology), Professor, Honorary Figure of Russian Higher Education; Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University; Building 51, the 1st Building of Humanities, 1 Leninskie gory, Moscow 119991, Russia; axmed1232@mail.ru

Конфликт интересов: Положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.

ТЕОРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-1-32-51

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНАЯ И ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ВТОРИЧНАЯ ВНЕАХОДИМОСТЬ АВТОРА

Елена Ивановна Зейферт

Российский государственный гуманитарный университет, Московский
государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Для контактов: elena_seifert@list.ru

Аннотация. Опираясь на теорию авторской внеаходимости М.М. Бахтина, автор статьи предлагает выделять два типа вторичной авторской внеаходимости — интертекстуальную и переводческую. Вторичная внеаходимость — это уход автора из чужого художественного мира. При вторичной внеаходимости автор сначала погружается в другое художественное бытие, а потом из него уходит. Интертекстуальная вторичная авторская внеаходимость (трансгредиентность, внеположность) — это уход автора из изображаемого реального бытия и сопротивление в процессе творчества художественному миру другого автора как мирообразу, усмирение этого влияющего мира, вовлечение в себя через интерес к нему, с помощью ослабления своей идентичности в нём. Переводческая вторичная авторская внеаходимость (трансгредиентность, внеположность) — это уход автора-переводчика с собственной поэтикой как из художественного бытия оригинала, так и из стоящей за ним реальной действительности, воссоздание идентичности автора оригинала на иноязычной почве с помощью языкового эквивалента с целью создания текста, мерцающего как «свой»/«чужой». Анализ вторичной авторской внеаходимости позволяет выйти на уровень подлинности художественного мира, сотворённого под влиянием другого, увидеть сопротивление автора другому художественному миру или растворение в нём.

© Зейферт Е.И., 2024

Ключевые слова: авторская вненаходимость, интертекстуальная вторичная авторская вненаходимость, переводческая вторичная авторская вненаходимость, интертекстуальность, художественный перевод

Для цитирования: Зейферт Е.И. Интертекстуальная и переводческая вторичная вненаходимость автора // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2024, № 1. С. 32–51. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-1-32-51

Статья поступила в редакцию 19.01.2024;
одобрена после рецензирования 20.02.2024;
принята к публикации 20.04.2024.

THE AUTHOR'S INTERTEXTUAL AND TRANSLATION SECONDARY OUTSIDENESS

Yelena I. Zeifert

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

For contacts: elena_seifert@list.ru

Abstract. Following the theory of the author's outsideness of M.M. Bakhtin, the author of the article proposes to single out two types of the author's secondary outsideness: intertextual and translational. Secondary outsideness is the departure of the author from a foreign artistic world. The author first plunges into another artistic being, and then leaves it. Intertextual secondary outsideness (transgredient) is the author's departure from the depicted real life and his/her resistance, in the creative process, to the artistic world of another author as a world image, the pacification of this influencing world, in which s/he has gotten involved through his/her interest in it, by weakening his/her identity in it. Translational secondary outsideness (transgredient) is the departure of the author-translator with his/her own poetics from both the artistic being of the original and the reality behind it, recreating the identity of the original author on a foreign language soil with the help of a language equivalent in order to create a flickering text as "one's own"/"alien". The analysis of the author's secondary outsideness allows one to reach the level of authenticity of the artistic world created under the influence of another, to see the author's resistance to another artistic world or his/her dissolution in it.

Keywords: author's outsideness, intertextual secondary outsideness, translation secondary outsideness, intertextuality, literary translation

For citation: *Seifert E.I.* (2024). The author's intertextual and translation secondary outsideness. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal*. 1. P. 32–51. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-1-32-51

The article was received on January 19, 2024;
approved after reviewing on February 20, 2024;
accepted for publication on April 20, 2024.

Введение

Проблема вторичной авторской вненаходимости в литературоведении не ставилась, но нуждается в разработке. Активность вненаходимости (трансгредиентности) автора (Бахтин, 2000: 241) — в его бесстрастной позиции по отношению к другому и восприятию бытия как пассивного, доверчивого предмета изображения. Творчество надбытийственно. Выход автора из изображаемого бытия позволяет ему создать целостную картину. Бахтин говорит о напряжённой вненаходимости автора, позволяющей «собрать героя» (Бахтин, 1979: 15): таким же образом автор собирает, понимает и оформляет бытие. «Автор для М.М. Бахтина — это, прежде всего, иерархически организованное явление» (Фаустов, 1986: 3): первичный автор, вторичный автор (созданный первичным), биографический автор. Первичный автор характеризуется особой внеположностью (нахождением в иной плоскости бытия, принадлежностью к иному пласту бытия): человек нуждается в другом, чтобы завершить себя. Время «Я» — это ещё-не-бытие. Только в позиции трансгредиентности возможно ценностное утверждение и приятие всей наличной данности внутреннего бытия другого.

Автор рождает произведение как мирообраз, «равный» фрагменту бытия как целому бытию. Помимо реальной действительности, в поле зрения автора может попасть привлекающая его художественная реальность, созданная другим художником (а чаще несколько реальностей). Источниками творчества являются как сама действительность, воспринимаемая писателем через наблюдения, так и, возможно, созданная другим автором (другими авторами) художественная реальность. Автор и изображаемое им бытие переживают облучение этой художественной системы (систем) или отдельных её элементов. На мой взгляд, речь здесь идёт о вторичной авторской вненаходимости («вторичный» в значении «произошедший во второй раз»). Вненаходимость по Бахтину —

это обогащение реального бытия с помощью собственной авторской надбытийности, изображение его в произведении путём выхода из бытия как Творца (что создаёт целостное восприятие уже в процессе творения, затем в результате и затем в рецепции) и возвращение обновлённым в мир. Вторичная вненаходимость — это уход автора из чужого художественного мира. При вторичной вненаходимости автор сначала погружается в другое художественное бытие, а потом из него уходит. Подобная ситуация происходит и в особом типе диалога одного автора с другим — художественном переводе.

Предлагаю выделять два типа вторичной авторской вненаходимости — интертекстуальную и переводческую.

Интертекстуальная вторичная вненаходимость

Как вторичная авторская внеположность связана с интертекстуальностью?

Интертекстуальные отношения возможны между писателями и между произведениями, между текстами и внутри текста. Писатель, вдохновлённый чьим-то текстом, тоже является его читателем. Но выйдя из бытия, которое собирается изобразить, автор исключает себя и из художественных миров, созданных другими авторами. Если в акте творчества он продолжает ощущать сильную идентичность, позволившую ему духовно «присвоить» чужой художественный мир, то сам он создаёт вторичное произведение. Гарольд Блум в своей работе «Страх влияния. Карта перечитывания» (Блум, 1998) предлагает шесть стратегий преодоления страха влияния, как-то: искажение стиля старшего писателя («клинамен»), самоочищение, постепенное изживание чужого влияния («аскесис») и др. Аскесис ближе, чем другие тенденции, вторичной вненаходимости автора перед художественным бытием, созданным другим автором, но не повторяет её. Следуя дискурсивной традиции Блума, я бы назвала вторичную внеположность автора “exodus”.

Интертекстуальная вторичная авторская вненаходимость (транскрединтность, внеположность) — это уход автора из изображаемого реального бытия и сопротивление в процессе творчества художественному миру другого автора как мирообразу, усмирение этого влияющего мира, вовлёкшего в себя через интерес к нему, с помощью ослабления своей идентичности в нём. При интертекстуальной вторичной вненаходимости, которая возникает при взаимодействии с другими художественными мирами в творческом процессе, автор оказывает риторическое сопротивление другому

бытию, особенно усиленное при влиянии демиургического творчества, также превращающегося в пассивный объект с целью ослабления его влияния. Это способ выхода из довлеющего мира.

Пушкин, создающий свои «южные поэмы» как байронические, выходит из мира байроновских поэм, чтобы обогатить его. Лермонтов, подражая «южным поэмам» Пушкина и «восточным повестям» Байрона, дважды отдаляется от влияющих на него миров, усиливая свою интертекстуальную вторичную авторскую внеположность (назовём этот творческий процесс и результат цепочкой интертекстуальной вторичной авторской внеаходимости). Его лирический герой делает заявление: «Нет, я не Байрон, я другой...». Томас Манн воспринимает себя наследником Гёте до такой степени, что фразы Гёте, придуманные им, принимают за действительно принадлежащие классику. Наследование парадоксальным образом переходит и на биографию Манна: Т. Манн проживает продолжительную жизнь, как Гёте. Центральный персонаж его новеллы «Смерть в Венеции» хочет прожить долго, потому что истинно великим может быть только то искусство, которому дано было проявить себя на всех ступенях человеческого возраста. Рок-певец, поэт, фронтмен группы «Кино» Виктор Цой работает в эстетике британской группы The Cure, проразывая сквозь другое собственную поэтику.

Анализ вторичной авторской внеаходимости позволяет выйти на уровень подлинности художественного мира, сотворённого под влиянием другого, увидеть сопротивление автора другому художественному миру или растворение в нём. При исследовании влияния одного поэта на другого возможны различные способы диагностирования вторичной авторской трансгредиентности.

Крайне интересная теория интертекстуальности Ю. Кристевой как пространства возможных цитаций (Кристева, 2000), сделавшая её автора мировой величиной, сложилась под влиянием теории «чужого слова» М. Бахтина в (неявной для автора) полемике с ней. Диалог Ю. Кристевой с М. Бахтиным В. Тюпа считает «псевдиалогом», демонстрируя расхождения оснований их концепций: французская исследовательница «стремится «понятие интертекстуальности» водрузить «на место понятия интерсубъективности» (Тюпа, 2021: 15). К. Баршт делает вывод о некорректной интерпретации Кристевой мыслей Бахтина о контексте и диалоге (Баршт, 2021). Бахтинская идея диалога между текстами трансформируется в понятие диалога внутри одного произведения, в котором сосуществуют другие тексты. Кристева по сравнению с традицией М. Бахтина и Ф. де Соссюра снижает долю авторской ответственности

за интертекстуальные прослойки. Учение Кристевой привело к «семанализу»: любой текст может быть использован как одна из разгадок к пониманию смысла другого текста. Однако в первую очередь важно то, что диктует сам текст. К примеру, гипотетическая работа о влиянии поэмы А. Блока «Двенадцать» на Библию возможна, но в такой формулировке: «Влияние поэмы А. Блока «Двенадцать» на рецепцию Библии».

Для настоящего исследования понимание Ю. Кристевой интертекстуальности чрезвычайно интересно по ряду причин. По мнению французской исследовательницы, интертекстуальность — это «транспозиция одной или нескольких знаковых систем в другую знаковую систему» (Кристева, 2000: 429), интертекстуальность неотделима от продуктивности. С. Зенкин называет разрабатываемую Кристевой постструктуралистскую интертекстуальность «тотальной» (Зенкин, 2018): она больше читательская, чем писательская, читатель может обнаружить аллюзии, не заложенные автором. Н. Пьеге-Гро подчёркивает, что для Кристевой интертекстуальность — это пермутация текстов (Пьеге-Гро, 2008: 51). У Кристевой речь идёт не о заимствованиях, а о присутствии едва опознаваемых следов. Её учение подпитывается тезисами Ж. Деррида, воспринимающего мир как текст («Вне текста нет ничего») (Деррида, 2000a), его переоценкой функции знака и представлениями о тексте Р. Барта. В своём объёмном диалоге с К. Леви-Строссом Ж. Деррида уточняет, что новая структура должна разорвать с собственным прошлым (Деррида, 2000b: 360). Р. Барт, рассуждая об отличии произведения от текста, приходит к интересному выводу о том, что жизнь автора превращается в самостоятельную историю (Барт, 1989: 413). Читатель играет Текст и играет в Текст, «ищет такую форму практики, в которой он бы воспроизводился», но «чтобы практика эта не свелась к пассивному внутреннему *мимесису*...» (Барт, 1989: 415). По Ю. Лотману, в отличие от лингвистов, литературоведы изучают обычно не «ein Text», а «der Text» (Лотман, 2014: 30), следовательно, читатель художественного произведения играет определённый текст и в определённый текст.

Ж. Женетт в книге «Палимпсесты» изучает транстекстуальность как предмет поэтики: отношения текста с его паратекстом (паратекстуальность), с его жанром, вообще типом творчества, к которому он принадлежит (архитекстуальность), с другими текстами, которые говорят о тексте (метатекстуальность), с целым предшествующим текстом, предполагающие не включённость, а прививку (гипертекстуальность) или с его отдельными фрагментами,

цитатами, реминисценциями (интертекстуальность). Для Женетта интертекстуальность — это непосредственное присутствие одного текста в другом.

Поле исследования интертекстуальности, безусловно, не останавливается на постмодернизме и постструктурализме. Среди новейших интертекстуальных исследований заметна работа И. Смирнова (Смирнов, 1995), отметившего «вырождение» постструктурализма.

Интересна теоретико-литературная модель, которую я называю «облучение рефлексами». Под рефлексом имею ввиду здесь искусствоведческое явление (конечно, в его переносном значении): рефлекс (reflexus — прил. отражённый, сущ. отражение) — оптический эффект отражённого света, изменение тона или увеличение силы окраски предмета, возникающие при отражении света, падающего от окружающих его предметов. Термин «рефлекс» используется в оптике и изобразительном искусстве (в живописи, графике и фотографии), в другом значении в физиологии. Считаю, что этот термин уместен и применим в литературоведении. Это ответ от питающего произведение источника, косвенно влияющий на произведение. Процесс облучения рефлексами может подпитывать литературные явления разного масштаба — направления, стили (в том числе идиостили отдельных авторов), жанры, конкретные произведения. При облучении рефлексами литературное явление (в этом процессе растёт резко индивидуальное явление) обогащается в поле перекрестья рефлексов, идущих от предшествующих и — меньшей частью — синхронных ему литературных явлений. Взаимодействие рефлексов усиливает оригинальную ткань рождающегося произведения — его собственная природа здесь всегда ценна и первична.

Зримы тенденции этого процесса:

— процесс облучения рефлексами при формировании литературного явления сопрягается с законами развития — отрицания, перехода количества в качество и др.;

— облучённое произведение не заимствует признаки других литературных явлений, а подпитывает свои, исконные, их рефлексами;

— облучение рефлексами не стартовый, не начальный этап в процессе рождения произведения;

— в случае конкретных художественных произведений — при облучении рефлексами появляется первостепенное литературное произведение с высокой степенью оригинальности.

Пример масштабного явления, родившегося при облучении рефlekсами (а именно рефlekсами эпоса и лирики на этапе отрицания отрицания), — литературный род драмы. Драма на новом витке обобщения становится синтезом тезиса (эпоса) и антитезиса (лирики), получив не их признаки, а идущие от них рефlekсы.

Другой яркий пример — идиостиль Александра Введенского, который развивается в пространстве облучения его оригинального дара рядом питающих источников — здесь и заумь его предшественника Хлебникова (но для Введенского важна не столько фоника, сколько прагматика слова), и Козьма Прутков, и квазиграфоман капитан Лебядкин, обитающий со своей поэзией внутри прозаического шедевра, и абсурд/гротеск, и наивная поэзия, и детский фольклор. Сам Введенский не совпадает ни с одним из источников, его художественная система подпитывается их рефlekсами, энергией перекрестья. (Самобытность и прозорливость Введенского невероятна: задолго до театра абсурда он нащупывает его признаки.)

Планирую подробно развить свой тезис на материале и ряда других примеров. Озвучу два из них.

Первый пример. Метамодерн в поэзии, привлекающий сейчас внимание учёных, рождается в поле перекрестья ушедшего в периферию литературы постмодернизма и начинающего уставать метареализма. Два этих направления, не пересекаясь до определённой точки, шли своими диалектическими путями. Постмодернизм, к примеру, логично и прямо проистёк в своё время из модернизма, на этапе рождения постмодерна он по типологическому, а не генетическому родству пересёкся с постструктурализмом (который есть отрицание структурализма), в 1980-е гг. самокодифицировался и начал медленно, с тяжёлой инерцией уходить в литературные запасы. Метареализм «устал» сравнительно недавно и ещё не ушёл на «задворки литературы» (Ю. Тынянов), хотя его кодификация, самописание уже имеют свою историю. Рефlekсы, идущие, к примеру, от постмодернистской интертекстуальности и метареалистической метафорики, пересекаются и питают метамодерн. Метамодерн не выбирает «лучшие» качества постмодерна и метареализма, он выбирает те, которые позволяют ему укрепить свои позиции.

Второй пример — конкретный материал, повесть Ильи Спрингсона «Кошкин дом», первостепенное литературное явление. Оно отличается высокой оригинальностью и укрепляет свои позиции в поле перекрестья рефlekсов, идущих от различных питающих источников, — эпических странствий, одиссеи (Гомер, «Мёртвые

души»), языковой стилизации, особой природы комического у Чехова, Ильфа и Петрова, Зощенко, Довлатова (в том числе юмора в заточении), американской романной прозы (нежности к изображаемому миру у Джона Фанте, своеобразной романтики Чарльза Буковски), трагикомических ужасов, библейских параллелей, неприкаянности, «заповедности стыда» Венедикта Ерофеева, мятежного духа рок-культуры.

Внеположность автора, находящегося в диалоге с другим, может быть в разной степени отдаления от оригинала при использовании цитаты, вариативной цитаты, реминисценции, референции, аллюзии, вставного сюжета, палимпсеста и других видов интертекста. Особая авторская трансгредиентность возникает при стилизации, подражании, художественном переводе. При плагиате вненаходимость не наблюдается.

Интересно рассмотреть интертекстуальную вторичную авторскую вненаходимость в контексте сравнительного литературоведения — типологических схождений, генетического родства и контактных связей.

Под типологическими схождениями (В. Жирмунский) или типологическими общностями (Н. Конрад) понимают сходные явления и процессы в разных литературах, возникшие независимо от писательских и межлитературных контактов. При чистых типологических схождениях любого типа (одностадиальных или частных) без примеси контактно-генетических связей степень авторской вненаходимости наиболее высока. Автору, над которым не довлеет оригинал, не нужно прилагать усилий, чтобы сохранить авторскую вненаходимость, другой текст здесь не облучает его творчество (как, к примеру, происходит при контактных связях — между «Илиадой» и «Одиссеей» Гомера и «Энеидой» Вергилия, «Фаустом» Гёте и «Доктором Фаустусом» Т. Манна, поэзией Анны Ахматовой и Иосифа Бродского, Аркадия Драгомощенко и Василия Кондратьева и др.). Типологически близкими становятся, к примеру, произведения — авторские мифы, созданные с опорой на античную мифопоэтику («Кентавр» Дж. Апдайк и «Улисс» Дж. Джойса) или сказку и притчу («Кролики и удавы» Ф. Искандера и «Хор» М. Палей).

Контактно-генетические связи демонстрируют, как правило, сильное влияние текста-источника и большие усилия автора по созданию вненаходимости. Приведём характерный пример из античной классики. Две части «Энеиды» Вергилия представляют собой ассиметрию «Илиады» и «Одиссеи» Гомера — сначала странствие, потом войну. Первая половина «Энеиды» (до войны

с латинами) плотно по стилю, но благодаря странствиям и череде событий внутри них воспринимается легче второй. Детали театра военных действий во второй части здесь одновременно космичны и локальны, для Вергилия космос — это Рим. Утверждать, что две части «Энеиды» — это римские «Одиссея» и «Илиада», было бы явно обидным для радеющего за свою самостийность Вергилия, отвечавшего критикам: «Легче было бы украсть палицу у Геракла, чем строчку у Гомера». Вергилий живёт позже Гомера и знает больше его — к примеру, о Пунических войнах и разрушении Карфагена. То, что для Гомера будущее, для Вергилия — прошлое. У Вергилия единый центр: все герои влекутся за Энеем — и его нежная мать Венера, и злобная, беспокойная Юнона, и отринутая Дидона, и сын Иул, и троянский царь Ацест, и кормчий Энея Палинур, и оруженосец Ахат. Поэма Вергилия, рождённая слоями малых эпосов — эпилиев, растущая к Риму как легенде, модели всего мира, и гомеровская эпика, внутри которой максимально крупный мир-образ, при пристальном рассмотрении не похожи ни формой, ни содержанием. Месседж, направленный патриотическим Вергилием читателю: мы, римляне, создали такую же мощную поэму, как и греки, но непохожую на греческую. Он не закончил (не отточил технически) поэму, инициированную Августом, просил её сжечь, но после смерти поэта друзья Вергилия Варий и Плутий всё же опубликовали «Энеиду». Поэма мощна как раз отсутствием вторичности, опровергающим Гомера. Показательно, например, описание щита Энея (в противовес описанию щита Ахиллеса у Гомера). На щите Ахиллеса Гефест выковал два города. В одном городе — брачные пиршества, народные пляски, споры на торжище; другой город окружён ратями двух народов, вожди их — Арес и Афина в золотой одежде; мужи из засады нападают на стада, гонят овец, убивают пастухов; пашня и затем нива, жатва; на пастбище львы нападают на быка; хоровод селян. Щит выпуклый, символизирует Землю с серединным «пупом земли». Щит Энея иной: здесь Мир — Рим. Этот щит тоже куёт Вулкан (равный Гефесту в римской мифологии). Это великая история Рима — от волчицы с сосцами, питающими Ромула и Рема через похищение сабинских жён, остановивших затем битву Ромула и Татия, квадриги, разрывающие изменника Меттия, просьбу этрусского царя Порсенны о возвращении в Рим Тарквиния, осаду этрусками Рима, выкованного из серебра гуся, предупреждающего о нападающих галлах (с золотыми волосами и в золотых одеждах), моря из червонного золота с серебряными дельфинами и подробно описанной с участием богов и людей

морской битве при Акциуме между флотами Октавиана Августа и Марка Антония и Клеопатры, последней гражданской войне между римскими армиями, роstralного венка (металлического венка победителя с изображением корабельных носов) на сподвижнике Августа Агриппе до завершающей поэму сцены — изображения кесаря Августа, разбирающего дары от самых разных племён и народов. Это Pax Romana — тотальный мир с римлянами в подчинении им. Щит Энея — нарратив, история Рима, он слепок, твёрдый знак наличия и величия Рима. Сниженная, оскверняющая глаза и уши римлянина «мистерия» любви Клеопатры и Антония словно соскальзывает со щита Энея, она невидима. Героика рождает этот щит как модель развития Рима, его награду и защиту. Во всей своей поэме Вергилий демонстративно противостоит Гомеру, защищая свою авторскую венаходимость.

Интертекст и перевод неизбежно пересекаются.

Писатель читает другого автора, подражает ему. Писатель переводит иноязычного автора, напитывается его мотивами и приёмами в собственном творчестве. К примеру, диахронные и синхронные ипостаси русского поэта: Жуковский — читатель Байрона, Жуковский — подражатель Байрону, Жуковский — переводчик Байрона. От Жуковского общественность ожидала, что он преподнесёт Байрона в своих переводах русскому читателю, но так не случилось: его байронизм — наслаждение английским романтиком. Пристальное увлечение Жуковского Байроном проходит два пика: 1) конец 1810-х — начало 1820-х гг. — создание оригинальных произведений В. Жуковского, отмеченных печатью байронизма («На кончину её величества королевы Виртембергской», «Узник», «Отчёт о Луне»), переводы «Шильонского узника» и «Стансов для музыки»; 2) начало 1830-х гг. — подготовка к путешествию по Италии, усиленное чтение полного собрания Байрона, имеющегося в собственности Жуковского, замысел оригинальной поэмы в духе Байрона, которая упоминается Жуковским в черновиках как «Италия», перевод наброска 49 строфы IV песни «Чайльд-Гарольда». Жуковский предстаёт переводчиком трёх байроновских произведений — поэмы «Шильонский узник», стихотворения «Стансы для музыки» и наброска из «Паломничества Чайльд-Гарольда». Немало следов влияния английского поэта обнаруживается в оригинальных произведениях Жуковского и его замыслах («Узник», «На кончину её величества королевы Виртембергской», «Отчёт о Луне» и др.). Подражание может быть промежуточным звеном между интертекстом и переводом.

Случаи перевода одного произведения рядом переводчиков создают интересные интертекстуальные ряды. К примеру, знаменитую трагедию Гёте перевели на русский язык как Н. Холодковский и Б. Пастернак, так и, к примеру, А. Фет, стремившийся сохранить стиховую просодию подлинника, и целиком или частями многие другие переводчики. Стихотворение Э.А. По «Ворон» переводилось на русский язык К. Бальмонтом, В. Брюсовым, С. Петровым, М. Донским, В. Бетаки и др. Переводчики опираются на комплексы общих (интертекстуальных) и различных мотивов. Знаковые оригиналы играют здесь роль «текста-кода» (Лотман, 2014: 33).

Переводческая вторичная вненаходимость

Каким образом определяется внеположность автора-переводчика?

Переводческая вторичная авторская вненаходимость (трансгредиентность, внеположность) — это уход автора-переводчика с собственной поэтикой как из художественного бытия оригинала, так и из стоящей за ним реальной действительности, воссоздание идентичности автора оригинала на иноязычной почве с помощью языкового эквивалента с целью создания текста, мерцающего как «свой»/«чужой». Автор-переводчик¹ полностью уходит из мира оригинала, убирает свои поэтические элементы, чтобы сохранить идентичность его автора. Переводчик становится за текстом, его имя должно писать петитом. Если переводчик хороший, читатель даже не всегда запоминает его имя, при плохом переводе с досадой может полюбопытствовать, кто так неудачно перевёл произведение. При своей «незаметности» переводчик создаёт не оригинал, а другой текст, к тому же принадлежащий культуре языка перевода. Эта культура — дополнительный инструмент ухода переводчика из воспроизводимого художественного мира, заслонка между переводчиком и оригиналом. За подлинником стоит и реальное бытие, из которого переводчику, как и автору оригинала, тоже важно выйти. При переводческой вторичной вненаходимости переводчик стремится не привнести в чужой художественный мир собственные элементы, а только принадлежащие оригиналу или мерцающие как свои/чужие.

Автор-переводчик является автором другого текста, эквивалентного оригинальному. Ф. Шлейермахер в 1813 г. предложил два

¹ Понятия «переводчик» и «автор-переводчик» в этой статье близки друг другу.

ценных аспекта перевода (Шлейермахер, 2017): при одном подходе происходит приближение текста оригинала к читателю, принадлежащему к другой культуре, при втором — «приспособление» читателя к культуре исходного текста. (Л. Венути во второй половине XX в. назвал эти подходы соответственно «форенизация» и «домесатикация»). Переводчик является посредником между автором оригинала и читателем (Тарасова, 2017: 8). Пересоздание оригинального поэтического текста позволяет переводчику активизировать возможности родного языка в поисках заполнения возникающих лакун эквивалентами.

Ряд фундаментальных исследований по теории перевода (Гарбовский, 2013; Бархударов, 1975; Виноградов, 2004; Комиссаров, 1990; Казакова, 2001; Фёдоров, 2002; Savoy, 1957) создают и систематизируют её, привнося всё новые знания. В наиболее новой из них работе Н. Гарбовского, представляющей теорию перевода в историческом развёртывании, обстоятельное внимание уделяется логико-семантическим основаниям трансформации смысла, даётся типология трансформационных операций.

Структуралистская теория перевода базируется на теории коммуникации. Обратимся к истокам этой теории. Р. Якобсон выделяет три способа интерпретации вербального знака:

1. Внутриязыковой перевод, или переименование, — интерпретация вербальных знаков с помощью других знаков того же языка.

2. Межъязыковой перевод, или собственно перевод, — интерпретация вербальных знаков посредством какого-либо другого языка.

3. Межсемиотический перевод, или трансмутация, — интерпретация вербальных знаков посредством невербальных знаковых систем (Якобсон, 1978: 18) (Якобсон, 1978).

Перевод можно воспринимать как исследование переводчиком существенных различий между своей и другой культурами и преодоление этих препятствий. Художественный перевод граничит с культурным трансфером (Бочавер, 2017; Культурные трансферы, 2015; Лингвистика и семиотика, 2016). Разработка последнего понятия активно началась в 1980-е и в первую очередь связана с именем французского учёного М. Эспаня (Espagne, 2009), в центре внимания исследователей — переосмысление культурных фактов в попавшей под влияние культуре (Опарина, 2018: 100). Для исследователей культурного трансфера межъязыковой перевод является одной из его версий, и переводные тексты находятся в ряду с другими носителями межкультурных переносов (Опарина, 2018: 103).

Во второй половине 1950-х годов в США Э. Холлом в сотрудничестве с Дж. Трагером, учеником Б. Уорфа явления коммуникации и культуры приравнивались друг к другу. Нюансированные работы В. Аминовой и Л. Фархрутдиновой исследуют перевод на поле культурного пограничья (Аминова, 2022а; Аминова, 2022b). С. Бочавер и В. Фещенко говорят о внимании к пограничным культурным явлениям, продуктивности изменений в рамках континуального культурного пространства и принятии новых форм как результата такого взаимодействия (Бочавер, 2017).

Непереводимость² — своеобразная граница между автором и переводчиком, не пускающая последнего в мир оригинала. По словам В. Тюпы, «объект эстетический принципиально открыт человеческой субъективности, но рационально невыразим» (Тюпа, 2001: 45).

Внеположность автора-переводчика усиленно проявляется при вольном переводе (важно воссоздающее или пересоздающее начало в переводе) и снижается при пословном и дословном переводе как подготовительных этапах перевода художественного.

Ю. Лотман отмечает отличие методики Проппа и Бахтина: 1) из различных текстов, представив их как пучок вариантов одного текста, вычислить этот лежащий в основе единый текст-код (что свойственно фольклору); 2) в едином тексте вычлениваются не только разные, но, что особенно существенно, взаимно непереводимые субтексты (Лотман, 2014: 35). Один из таких субтекстов извлекает переводчик.

Заключение

Резюмируем наблюдения. Интертекстуальная и переводческая вторичная вненаходимость как уход автора (автора-переводчика) из чужого художественного мира характеризуется рядом общих и отличительных черт.

Переводчик и писатель, находящийся в диалоге, воспринимают автора и персонажей оригинала как других, которые помогают им завершить себя. Оригинал может оказывать влияние на биографию автора, находящегося с ним в диалоге, и переводчика.

Порядок преодоления действительной и художественной реальности при интертекстуальной и переводческой вторичной трансгредиентности разный: при интертекстуальной автор сначала выходит из реального бытия, а затем из чужого художественного, при

² Интересная работа Г. Сафиной отмечает принципиальную непереводимость гениального текста (Сафина, 2014).

переводческой — сначала из мира переводимого стихотворения, а потом из стоящего за этим миром реального бытия. Переводческая вторичная внеположность находится на более отдалённой авторской позиции, чем интертекстуальная.

При художественном переводе переводчик может «унаследовать» интертекстуальную вторичную авторскую трансгредиентность и даже цепочку интертекстуальной вторичной авторской внеположности. Автор в диалоге с другим и переводчик практикуют все виды транстекстуальности, по Ж. Женнету, но у автора в диалоге преобладают гипертекстуальность и интертекстуальность, у переводчика — гипертекстуальность.

И автор в диалоге с другим, и переводчик создают другой текст, но первый — свой, оригинальный, а второй — свой/чужой, эквивалент оригинала. Другая культура и непере译имое — дополнительные границы для переводческой вторичной авторской вненаходимости. Вторичная авторская вненаходимость становится индикатором подлинности/вторичности художественного текста, возникшего под влиянием другого.

Список литературы

Аmineва В.Р. Перевод как форма межкультурной коммуникации и диалога: критерии разграничения / Аминева В.Р., Фахрутдинова Л.И. // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Выпуск 7. Материалы VII Конгресса РОПРЯЛ (г. Екатеринбург, 6–9 октября 2021 года). СПб.: РОПРЯЛ, 2022. С. 410–415.

Аmineва В.Р. Перевод как форма репрезентации культурного пограничья (Translation as a form of representation of the cultural boundaries) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы, 2022. № 6. С. 84–92.

Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 413–423.

Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М., 1975. 240 с.

Баршт К.А. Возвращение поэтики. Ю. Кристева vs М.М. Бахтин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. № 18 (2). С. 242–261.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.

Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб: Азбука, 2000. 336 с.

Блум Г. Страх влияния. Карта перечитывания / Пер., сост., примеч., послесл. С.А. Никитина. Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, Екатеринбург, 1998. 364 с.

Бочавер С.Ю. Концептуализация трансфера и перевода в современной лингвистике / Бочавер С.Ю., Фешенко В.В. // Слово.ру: Балтийский акцент. Калининград, 2017. Т. 8. № 3. С. 7–29.

Виноградов В.С. Перевод: Общие и лексические вопросы. М., 2004. 240 с.

Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник и практикум для вузов. Н.К. Гарбовский. М.: Юрайт, 2023. 387 с.

Деррида Ж. О грамматологии / Жак Деррида; пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. М.: Ad marginem, 2000. 512 с.

Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Письмо и различие / Пер. В. Лапицкого. СПб: Академический проект, 2000. С. 352–368.

Зенкин С.Н. Теория литературы. Проблемы и результаты. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 368 с.

Золян С.Т. Перечитывая «О разных методах перевода» Шлейермахера: К основаниям теории переводческой относительности // Слово.ру: Балтийский акцент. Калининград, 2017. Т. 8. № 4. С. 67–80.

Казакова Т.А. Теория перевода: (Лингвистические аспекты). СПб., 2001. 254 с.

Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М., 2000. С. 427–457.

Комиссаров В.Н. Теория перевода: (Лингвистические аспекты). М., 1990. 254 с.

Культурные трансферы: Проблемы кодов. Новосибирск, 2015. 224 с.

Лингвистика и семиотика культурных трансферов: Методы, принципы, технологии. М., 2016. 500 с.

Лотман Ю.М. Текст в тексте // Образовательные технологии, 2014. № 1. С. 30–42.

Опарина Е.О. Вопросы теории перевода // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание: Реферативный журнал, 2018. С. 99–108.

Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / Пер. с фр. Г.К. Косикова, В.Ю. Лукасик, Б.П. Нарумова. Общ. ред., вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 240 с.

Сафина Г.Ф. Лирика А.С. Пушкина в переводах на татарский язык: история и поэтика: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук, Казань, 2014. 198 с.

Смирнов И.П. Порождение интертекста: Элементы интертекстуально-го анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака. СПб.: Языковый центр СПбГУ, 1995. 190 с.

Тарасова М.А. О двойственной роли переводчика поэзии и о разделении ролей // Слово.ру: Балтийский акцент. Калининград, 2017. Т. 8. № 4. С. 81–90.

Тюпа В.И. Аналитика художественного (Введение в литературоведческих анализ). М.: Лабиринт, 2001. 192 с.

Тюпа В.И. Псевдиалог: Кристева читает Бахтина // Проблемы интерпретации: Сборник научных статей к 65-летию Леонида Юделевича Фуксона / Под ред. Ю.В. Подковырина. Кемеровский государственный университет. Кемерово, 2021. С. 9–19.

Фаустов А.А. К вопросу о концепции автора в работах М.М. Бахтина // Формы раскрытия авторского сознания (на материалах зарубежной литературы). Воронеж, 1986. С. 3–10.

Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) / А.В. Федоров. М.: Филология три, 2002. 415 с.

Шлейермахер Ф. О разных методах перевода: Лекция, прочитанная 24 июня 1813 г. Вестник МГУ. Сер. 9: Филология, 2000. № 2. С. 127–145.

Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 16–24.

Espagne M. (2009) L'histoire de l'art comme transfert culturel: L'itineraire d'Anton Springer. B. 304 p.

Savory Th. (1957) Threat of Translation. Th. Savory. London, 1957. 120 p.

References

Amineva V.R. (2022) *Perevod kak forma mezkul'turnoj kommunikacii i dialoga: kriterii razgranicheniya* = Translation as a form of intercultural communication and dialogue: criteria for delimitation. *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh processov v sovremennoj Rossii*. St. Petersburg: ROPRYaL, pp. 410–415 (In Russian).

Amineva V.R. (2022) *Perevod kak forma reprezentacii kul'turnogo pogranič'ya* = Translation as a form of representation of the cultural boundaries. *Filologičeskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly*. No. 6, pp. 84–92 (In Russian).

Bahtin M.M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorčestva* = Aesthetics of verbal creativity. Moscow: Iskusstvo. 423 p. (In Russian).

Bahtin M.M. (2000) *Avtor i geroj. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* = Author and hero. To the philosophical foundations of the humanities. Saint Petersburg: Azbuka. 336 p. (In Russian).

Barhudarov L.S. (1975) *Yazyk i perevod (Voprosy obščej i častnoj teorii perevoda)* = Language and translation (Issues of general and particular theory of translation). Moscow. 240 p. (In Russian).

Barsht K.A. (2021) *Vozvrashčenie poetiki. Yu. Kristeva vs M.M. Bahtin* = The return of poetry. Yu. Kristeva vs M.M. Bakhtin. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*. No. 18 (2), pp. 242–261 (In Russian).

Bart R. (1989) *Ot proizvedeniya k tekstu* = From work to text. Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika*. Moscow: Progress, pp. 413–423 (In Russian).

Blum G. (1998) *Strah vliyaniya. Karta perečityvaniya* = Fear of influence. Reread card. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. Ekaterinburg. 364 p. (In Russian).

Bochaver S. Yu. (2017) *Konceptualizaciya transfera i perevoda v sovremennoj lingvistike = Conceptualization of transfer and translation in modern linguistics.* Slovo.ru: Baltijskij akcent. Kaliningrad, No. 3, pp. 7–29. (In Russian).

Faustov A. A. (1986) *K voprosu o koncepcii avtora v rabotah M. M. Bahtina = To the question of the concept of the author in the works of M. M. Bakhtin. Formy raskrytiya avtorskogo soznaniya (na materialah zarubezhnoj literatury).* Voronezh, pp. 3–10 (In Russian).

Fyodorov A. V. (2002) *Osnovy obshchej teorii perevoda (lingvisticheskie problemy) = Fundamentals of the General Theory of Translation (Linguistic Problems).* Moscow: Filologiya tri. 415 p. (In Russian).

Garbovskiy N. K. (2023) *Teoriya perevoda: uchebnik i praktikum dlya vuzov = Translation Theory: Textbook and Workshop for Universities.* Moscow: Yurajt. 387 p. (In Russian)

Derrida Zh. (2000) *O grammatologii = About Grammar.* Moscow, Ad marginem. 512 pp. (In Russian)

Derrida Zh. (2000) *Struktura, znak i igra v diskurse gumanitarnyh nauk = Structure, sign and play in the discourse of the humanities.* Pis'mo i razlichie. Saint Petersburg: Akademicheskij proekt, pp. 352–368 (In Russian).

Espagne M. (2009) *L'histoire de l'art comme transfert culturel: L'itineraire d'Anton Springer.* B. 304 p.

Kazakova T. A. (2001) *Teoriya perevoda: (Lingvisticheskie aspekty) = Translation Theory: (Linguistic Aspects).* Saint Petersburg. 254 p. (In Russian).

Kristeva Yu. (2000) *Bahtin, slovo, dialog i roman = Bakhtin, word, dialogue and novel.* Francuzskaya semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu. Moscow, pp. 427–457 (In Russian).

Komissarov V. N. (1990) *Teoriya perevoda: (Lingvisticheskie aspekty) = Translation Theory: (Linguistic Aspects).* Moscow. 254 p. (In Russian).

Kul'turnye transfery: Problemy kodov (2015) = *Cultural Transfers: Problems of Codes.* Novosibirsk. 224 p. (In Russian).

Lingvistika i semiotika kul'turnyh transferov: Metody, principy, tekhnologii (2016) = *Linguistics and semiotics of cultural transfers: Methods, principles, technologies.* Moscow. 500 p. (In Russian).

Lotman Yu. M. (2014) *Tekst v tekste = Text in text. Obrazovatel'nye tekhnologii.* No. 1, pp. 30–42 (In Russian).

Oparina E. O. (2018) *Voprosy teorii perevoda = Questions of the theory of translation.* Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literature, pp. 99–108 (In Russian).

P'ege-Gro N. (2008) *Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti = Introduction to the theory of intertextuality.* Moscow: Izdatel'stvo LKI. 240 p. (In Russian).

Safina G. F. (2014) *Lirika A. S. Pushkina v perevodah na tatarskij yazyk: istoriya i poetika = Lyrica A. S. Pushkin in Tatar translations: history and poetics.* Kazan'. 198 p. (In Russian).

Smirnov I. P. (1995) *Porozhdenie interteksta: Elementy intertekstual'nogo analiza s primerami iz tvorchestva B. L. Pasternaka = Generation of Intertext: Elements of Intertextual Analysis with Examples from the Works of B. L. Pasternak.* Saint Petersburg: Yazykovyj centr SPbGU. 190 p. (In Russian).

Tarasova M.A. (2017) O dvoystvennoj roli perevodchika poezii i o razdelenii rolej = On the dual role of the translator of poetry and on the division of roles. *Slovo.ru: Baltijskij akcent*. Kaliningrad, No. 4, pp. 81–90 (In Russian).

Tyupa V.I. (2001) Analitika hudozhestvennogo (Vvedenie v literaturovedcheskih analiz) = Analytics of the artistic (Introduction to literary analysis). Moscow: Labirint. 192 p. (In Russian)

Tyupa V.I. (2021) Pseudodialog: Kristeva chitaet Bahtina = Pseudo-dialogue: Kristeva reading Bakhtin. Problemy interpretacii: Sbornik nauchnyh statej k 65-letiyu Leonida Yudelevicha Fuksona Kemerovo, pp. 9–19 (In Russian).

Savory Th. (1957) Threat of Translation. London. 120 p.

Shlejermaher F. (2000) O raznyh metodah perevoda: Lekciya, pročitannaya 24 iyunya 1813 g. = On the different methods of translation: Lecture given on June 24, 1813. *Vestnik MGU*. No. 2, pp. 127–145 (In Russian).

Vinogradov V.S. (2004) Perevod: Obshchie i leksicheskie voprosy = Translation: General and lexical questions. Moscow. 240 p. (In Russian).

Yakobson R. (1978) O lingvisticheskikh aspektah perevoda = On linguistic aspects of translation. Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike. Moscow, pp. 16–24 (In Russian).

Zenkin S.N. (2018) Teoriya literatury. Problemy i rezul'taty = Theory of Literature. Problems and results. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 368 p. (In Russian).

Zolyan S.T. (2017) Perechityvaya “O raznyh metodah perevoda” Shlejermahera: K osnovaniyam teorii perevodcheskoj otноситel'nosti = Rereading Schleiermacher's On Different Methods of Translation: On the Foundations of the Theory of Translation Relativity. *Slovo.ru: Baltijskij akcent*. Kaliningrad, No. 4, pp. 67–80 (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Зейферт Елена Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и исторической поэтики Российского государственного гуманитарного университета, 125047, г. Москва, ул. Чайнова, 15, ведущий научный сотрудник научной лаборатории сравнительного литературоведения и художественной антропологии Московского государственного лингвистического университета, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, 38, с. 1; elena_seifert@list.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8117-7091>

ABOUT THE AUTHOR:

Elena I. Seifert — Dr. Sc. (Philology), Professor at Russian State University for the Humanities of Department for Theoretical and Historical Poetics, 6 Chayanov St., Moscow 125993, Russia; Leading Research Fellow at the Research Laboratory for Comparative Literature and Artistic Anthropology at Moscow State Linguistic University, 38 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russia; elena_seifert@list.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8117-7091>

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.111-26

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-1-52-80

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА СЕРИИ РОМАНОВ «ТЁМНАЯ БАШНЯ» С. КИНГА И ПОЭМЫ Р. БРАУНИНГА «ЧАЙЛЬД-РОЛАНД ДОШЁЛ ДО ТЁМНОЙ БАШНИ»

Анна Валерьевна Новицкая

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия

Людмила Сергеевна Касьяненко

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия

Олеся Сергеевна Макарова

Ставропольский государственный педагогический институт,
г. Ставрополь, Россия

Для контактов: o-ss@mail.ru; Novitskaya774874@gmail.com; fldept@inbox.ru

Аннотация. В данной статье предпринят анализ особенностей формирования многообразия жанра серии романов «Тёмная Башня» Стивена Кинга, а также роли поэмы Роберта Браунинга в преобразении образа Роланда и связанных с этим жанровыми трансформациями. В ходе исследования авторы анализируют серию романов «Тёмная Башня» и поэму «Чайльд-Роланд дошёл до Тёмной Башни», в частности, черты жанров, направлений и композиционно-стилистические особенности, заложенные в данных произведениях. При сравнении характерных особенностей творчества Р. Браунинга и С. Кинга было установлено, что романтизированное фэнтези, как таковое, включает в себя множество жанровых особенностей, которые заметно отличаются от особенностей хоррора и классической фантастики: фэнтези — это жанр на стыке с высокой фантастикой и сказанием, сказкой. При этом, тёмное фэнтези, хотя и включает в себя большую часть особенностей традиционного антуража фэнтези, но характеризуется в большей степени не связью элементов фантастики и сказания, а скорее связью готики и ужасов, от фантастики в тёмном фэнтези гораздо меньше, чем в высоком фэнтези. На этапе дискуссии

© Новицкая А.В., Касьяненко Л.С., Макарова О.С., 2024

было установлено, что лучшим методом переводоведения при работе с двумя многожанровыми произведениями является сравнительный метод, который работает по простому принципу: «На что это похоже?» В итоге мы пришли к выводу, что, с одной стороны, применение сравнительного метода приводит к тому, что в процессе анализа текста необходимо ограничиваться рамками конвенций функционального стиля, жанрового своеобразия анализируемых произведений, их художественной направленности и идиостиля автора. С другой, таким образом мы получаем возможность осуществления параллельного поиска и оптимизации данных для их последующего синтеза и интерпретации в обобщающей части.

Ключевые слова: романтизм, готика, хоррор, идиостиль, композиция, литературная традиция, образ героя

Для цитирования: Новицкая А.В., Касьяненко Л.С., Макарова О.С. Сравнительный аспект перевода серии романов «Тёмная Башня» С. Кинга и поэмы Р. Браунинга «Чайльд-Роланд дошёл до Тёмной Башни». Вестник МГУ. Серия 22. Теория перевода, 2024. № 1. С. 52–80. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-1-52-80

Статья поступила в редакцию 04.12.2023;
одобрена после рецензирования 14.04.2024;
принята к публикации 20.04.2024.

THE TRANSLATION OF S. KING'S "DARK TOWER" NOVEL SERIES AND R. BROWNING'S POEM "CHILDE ROLAND TO THE DARK TOWER CAME": A COMPARATIVE ASPECT

Anna V. Novitskaya

North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Lyudmila S. Kasyanenko

North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Olesya S. Makarova

Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia

For contacts: o-ss@mail.ru; Novitskaya774874@gmail.com; fldept@inbox.ru

Abstract. This article analyzes the formation of the diversity of the genre of the series of novels "The Dark Tower" by Stephen King, as well as the clips of Robert Browning's poem in the predominant image of the Tower of Ro-

land and the connection with these genre transformations. In the course of the study, the authors analyze the series of novels “The Dark Tower” and the poem “Childe Roland to the Dark Tower Came”, in particular, the features of the genres, the compositional and stylistic features inherent in these works. When demonstrating the characteristic features of R. Browning’s and S. King’s creative work, it was found that romanticized fantasy per se includes many genre features that differ from the manifestations of horror and classic fiction: fantasy is a genre in the style of high fantasy and concealment, a fairy tale. At the same time, dark fantasy, although it includes most of the traditional fantasy surroundings, is characterized not so much by the interrelationship between its fantasy elements and the narrative, but rather by the connection between the gothic and the horror types of fiction; there is much less science fiction in dark fantasy than in high fantasy. At the discussion stage, it was determined that the best method for translating the lead when working with two multi-genre works is the comparative method, which is based on a simple principle: “What is it like?” As a result, we came to the conclusion that, on the one hand, the use of a methodological method leads to the fact that in the process of text analysis it is necessary to limit the framework to the conventions of the functional style, the genre uniqueness of the analyzed ones, preserving their artistic orientation and the idiosyncrasy of the author. On the other hand, in this way we get the opportunity to carry out parallel search and optimization of data for its synthesis and translation into the exchange part.

Keywords: romanticism, gothic, horror, idiosyncrasy, composition, literary tradition, the image of a hero

For citation: Novitskaya A.V., Kasyanenko L.S., Makarova O.S. (2024). Comparative aspect of the translation of S. King’s “Dark Tower” novel series and R. Browning’s poem “Childe Roland to the Dark Tower came”. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal*. 1. P. 52–80. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-1-52-80

The article was received on December 12, 2023;
approved after reviewing on April 14, 2024;
accepted for publication on April 20, 2024.

Введение

Проблема перевода серии «Тёмная Башня» и всего позднего творчества Стивена Кинга занимает особое место в современной лингвистике, переводоведении. При этом особого внимания заслуживают контекстуальные особенности использования сравнительно-сопоставительного метода, с помощью которого мож-

но наиболее детально проследить эволюцию форм культурных и мистических концептов эпохи поздней готики, лежащей в основе творчества Британского поэта Роберта Браунинга и американского писателя Стивена Кинга. Носители разных культурных кодов, при формировании художественного пространства миров «Тёмной Башни», применяли одни и те же готические традиции, опираясь на творчество предшественников и адаптируя их идиостиль под свой. Сравнительный метод при переводе творческого наследия мира «Тёмной Башни» актуализирует ценность духовного опыта, что заложили в нём авторы.

С позиции переводоведения не менее важен и синкретический образ Роланда, раскрывающий семантику знаков и символов Тёмной Башни. Образ Роланда у каждого писателя и поэта — свой, но и переведённые варианты заметно отличаются от оригинала, это значит, что установить общие и уникальные черты можно только при сопоставлении отдельных художественных элементов двух авторов и на двух языках. В этом ключе отчётливо прослеживается преемственность эпического произведения — «Песни о Роланде», индексируемая в поэме Р. Браунинга «Чайльд-Роланд дошёл до Тёмной Башни» и серии романов С. Кинга «Тёмная Башня». Обращение к данной проблеме остается значимым как для сохранения общекультурных основ возвышенного героического прошлого, так и для понимания особенностей их ключевых индексов перевода современной американской литературы.

Практическая значимость исследования отражена в возможности дальнейшего изучения культурного потенциала творчества С. Кинга для русскоязычной аудитории, а также использование материалов статьи в учебных и учебно-исследовательских целях, а именно в теории и практике переводоведения. Для отечественной традиции перевода сравнение произведений Р. Браунинга и С. Кинга имеет также концептуальную ценность: в поэме «Чайльд-Роланд дошёл до Тёмной Башни», написанной более чем 700 лет после знаменитой «Песни», проглядывается душа рыцаря, посвятившего свою жизнь выполнению одной-единственной цели: нахождению Башни, оккультного места, согласно легенде, содержащего ответы на все вопросы и являющегося центром мироздания, — этот мотив содержался во многих произведениях русской литературы XIX в. и сегодня становится всё более популярным.

Новизна исследования заключается в сравнительном анализе двух художественных миров, воссоздающих одни и те же образы, но опирающиеся на разные направления и жанры для создания

«высокой» и «таинственной» психологической атмосферы. При сравнительном анализе двух произведений всегда следует особо выделять как ключевые идеи самих романов, так и мотивы героев, — всё то, что помогает детализировать описание элементов текста и элементов его интерпретации. На таком подходе строится основная часть исследования.

Двойственность плана повествования представляет не меньший интерес для отечественной традиции переводоведения, основанной, прежде всего, на трёх столпах концептуализма — восприятию, пониманию и осознанию. Реалистическая составляющая плана повествования у обоих авторов соответствует образу таинственной Башни из «Песни о Роланде», перекликающейся с концептами «чести» и «долга», в то же время, мистическая составляющая уникальна и неповторима для Р. Браунинга и С. Кинга. Используя её в контексте определённого жанра, авторы видоизменяют само понятие мистики, загадки, чтобы раскрыть эволюцию характера Роланда-стрелка и Роланда-рыцаря.

Отправной точкой при начале перевода берется знакомый со школьной скамьи персонаж. Если в эпосе Роланд представлен как благородный бретонский граф, молодой рыцарь (чайльд), то у Р. Браунинга он становится межевым рыцарем, потерявшим свой отряд, но не погибшим вместе с ним, как в оригинале. Произведение-акцептор раскрывает образ странника, отдалённо напоминающего Ивана Флягина, героя знаменитой повести Н.С. Лескова; этот образ синтезирован с классическим представлением о доблестном Роланде и архетипе готического/предромантического героя-искателя из рассказов и новелл, вновь набравших большую популярность среди британских и американских читателей в первой половине XIX века.

Цели статьи

Цель исследования — провести сравнительно-сопоставительный анализ переводов и оригинальных произведений из серии романов «Тёмная Башня» С. Кинга, определив степень влияния на автора творчества британского поэта Р. Браунинга.

Исходя из обозначенной цели исследования, выделим следующие задачи:

- 1) проанализировать особенности и характерные черты концептуализма произведений — восприятия, понимания и осознания на оригинальном языке и в переведённых вариантах;

2) определить степень влияния жанрового своеобразия на формирование уникальных культурных и мистических концептов серии романов «Тёмная Башня», исходя из наглядных примеров и общих черт всех произведений данной серии;

3) определить размер и степень влияния поэмы Р. Браунинга «Чайльд-Роланд дошёл до Тёмной Башни» на формирование уникальных стилистических особенностей серии Романов С. Кинга на основе сравнительного анализа;

4) провести дискуссию об особенностях оригиналов и переведённых вариантов произведений с опорой на полученные путём сравнения сведения.

1. Обзор литературы

В ходе исследования мы пользуемся преимущественно источниковой базой, а научная литература призвана упростить и расширить спектр сравнительного и жанрового анализа серии романов «Тёмная Башня». Базовые принципы анализа изложены в работе У. Вайнрайха «Языковые контакты», где автор подробно рассматривает сравнительный метод в переводоведении (Вайнрайх, 2000).

Исследователи ключевых жанров в творчестве С. Кинга часто отмечали тесный синтез хоррора и тёмного фэнтези. Так, О.Н. Григорьева и Г.В. Заломкина считали, что главные отличительные элементы тёмного фэнтези — магия и волшебство, которые принимают самые разнообразные формы, но, в отличие от классического фэнтези, не оставляют обширное пространство психологической достоверности, построенной отстраненной мифологизации. По этим принципы С. Кинг и выстроил серию романов: когда мифологизируются классические персонажи, но сюжет и стиль повествования имеют некоторые черты реалистичного романа, это позволяет передать реальные и чрезвычайно обострённые ощущения героев (Григорьева, 2004; Заломкина, 1999). Тёмное фэнтези мифологизирует либо персонажей, либо часть повествования, всё остальное намеренно подвергается искажению с помощью внедрения элементов готического романа.

В свою очередь А.П. Панасюк отмечает, что отечественные авторы по направлению фэнтези подражают крупным романам, романам-эпопеям или сериям романов, вроде «Властелина колец» Дж. Р. Толкина или «Дюны» Ф. Герберта. Оригинальные тексты зарубежных писателей, таких, как С. Кинг, в этом случае выступают не только в качестве материала для проведения сравнения, но и становятся ориентиром в идиостиле автора. Эту особенность мож-

но использовать и при работе с текстами в рамках одной языковой культуры, если один автор намеренно заимствует концепты и художественные особенности другого автора, черпая их из одного или нескольких произведений (Панасюк, 1976).

Анализ произведения-оригинала и самих переводов осуществляется исключительно через обращение к самим источникам. Основными языковыми источниками выступают романы С. Кинга, входящие в серию «Тёмная Башня». Данные романы имеют разную внутреннюю, логическую, и внешнюю, издательскую хронологию:

1. «Стрелок» (1982 г.). Перевод на русский язык Т.Ю. Покидаевой.
2. «Извлечение троих» (1987 г.). Перевод на русский язык Т.Ю. Покидаевой.
3. «Бесплодные земли» (1991 г.). Перевод на русский язык Т.Ю. Покидаевой.
4. «Колдун и кристалл» (1997 г.). Перевод на русский язык В.А. Вебера.
5. «Ветер сквозь замочную скважину» (2012 г.). Перевод на русский язык Т. Ю. Покидаевой, с редакцией и дополнениями.
6. «Волки Кальи» (2003 г.). Перевод на русский язык В.А. Вебера.
7. «Песнь Сюзанны» (2004 г.). Перевод на русский язык В.А. Вебера.
8. «Тёмная Башня» (2004 г.). Перевод на русский язык В.А. Вебера.

Второстепенными источниками выступают: эпическая поэма в средневековом жанре «жесты» — «Песнь о Роланде» (ок. 1129 г.) и поэма Р. Браунинга «Чайльд-Роланд дошёл до Тёмной Башни» (1855 г.), перевод Н. Эривави. Оригинальные тексты романов С. Кинга представлены с официального сайта писателя (Кинг, Киркус, 2023).

2. Стилистика и композиционные особенности оригинальной поэмы Р. Браунинга и перевода Н. Эривави

В оригинальном произведении Р. Браунинг неосознанно связывал образы Тёмной Башни и франкского рыцаря-Роланда, Роланда-странника, абсолютизируя мотив поиска пути. Вслед за ним С. Кинг решает сделать ещё больший упор на целеустремлённости Роланда, раскрыть её истоки, причинно-следственные связи и показать превращение заветной цели в одержимость, в последней

части одноимённой серии романов. В оригинальных произведениях авторы неоднократно воспроизводят старофранцузские слова. Например, существительные “aubre” («древцо»), “böele” («сущность», «внутренности»), “cherubin” («херувим»), “clarté” («отсвет», «сияние»), “chanon” («каноник», «священник»). Это сделано для того, чтобы акцентировать внимание на преемственности литературных традиций, а в случае с романами С. Кинга ещё и для того, чтобы добавить остроту в чувство юмора главного героя, пренебрежительно высказывающегося по поводу «старого доброго времени» (“bon vieux temps”) со ссылками на “clarté” и “böele” (Браунинг, 2023).

По этой причине и в оригинале и в переводе Роланд показан как потомок рыцарского ордена, но в менее благородном аспекте. Он — «скиптрейсер», охотник за головами, скитающийся без цели по безлюдной пустоши. Уже в первом романе серии «Стрелок» мы узнаем о том, что Роланда преследуют странные видения, поддавшись им, он обращается к реальному топонимическому элементу, подсознательно понимая, что в нём кроется решение его внутренних неразрешимых противоречий — концепты «тоски» и «скуки» в сознании протагониста (Кинг, 2016).

Эта характерная особенность, связывающая языки средневекового, романтического и современного Роланда также позволяет определить принципы соединения разных «негласных правил» перевода, которыми необходимо пользоваться при работе с искусственными архаизмами произведений. Этот же метод использовал и сам автор. С. Кинг считал, что старофранцузская и староанглийская лексика позволит ему создать единый мономиф в процессе художественного повествования от поэтического текста — к прозаическому. К тому же, эту особенность можно обнаружить и в творчестве Р. Браунинга (Панасюк, 1976).

Приведём пример того, как старый манер используется в оригинале. В поэме осознание себя странником, отделённым от мира, соответствует образу средневекового героя, идеалиста: “Thus, I had so long suffered in this quest, / Heard failure prophesied so oft, been writ...” («Я — странник. Я страдал. Я видел зло, / Пророчества, оставшиеся ложью...») (Браунинг, 2023). В седьмой строфе происходит самоидентификация, упоминается отряд Роланда, и завершается завязка. С начала восьмой строфы заканчивается формирование конфликта, освещаются некоторые коллизии, Роланд встаёт на тропу, ведущую к Тёмной Башне: “So, quiet as despair, I turned from him, / That hateful cripple, out of his highway / Into the path he pointed...”

(«Тих, как само отчаянье, свернул / На путь, что указал уродец старый. / День ужасом кромешным промелькнул...») (Браунинг, 2023).

В оригинале содержание строф I–VII отражено в романе С. Кинга “The Dark Tower: The Gunslinger” («Стрелок») и имеет формулу: Act1 (Ex6Is) (Кинг, Стрелок, 2016). И в поэме, и в романе поочередно происходят следующие события: 1) познание мира, 2) неприятие лжи, 3) решение следовать символу, 4) сожаление о потерянных друзьях, 5) смирение, 6) начало нового пути. К сожалению, практически во всех переводах данная контекстуальность теряется. Зато на примере поэмы прослеживается британская литературная традиция. Роланд в данном контексте напоминает байронического героя («Паломничества Чайльд-Гарольда»), однако имеет и собственные отличительные черты, его образ менее романтизирован, чем Роланд-рыцарь и Гарольд (Григорьева, 2004).

В оригинале Роланд у Р. Браунинга и у С. Кинга не видит мир идеализированным, он преследует определённую цель, а его негативная сторона раскрывает эгоизм, являющийся первоосновой поиска Тёмной Башни. В переводе на русский язык отношение Роланда как средневекового героя можно сравнить с Григорием Печориным («Герой нашего времени»). Роланд, как и Печорин, на протяжении поэмы и серии романов не верит в неизменность судьбы, но следует знакам, сохраняя агонистичный, состязательный дух. И, хотя мир Роланда не идеализированный, он имеет разрыв и достаточно острые грани, которые говорят о том, что и в поэме, и в серии романов Роланд — в большей степени романтический персонаж, а не готический (Там же).

Как в оригинале, так и в переводе элементы готики и свидетельства подражания Оссиану можно обнаружить в строфе XIV: “Alive? he might be dead for aught I know, / With that red gaunt and colloped neck a-strain, / And shut eyes underneath the rusty mane...” («Он жив? О нет! Он мертв уж сотни лет. / Пусты глазницы, ветер спутал гриву, / И плоть гниет, и обнажен скелет...») А также в строфе XXXII: “Not see? because of night perhaps? — why, day / Came back again for that! before it left...” («Как, не видать?! Е` укрыла ночь? / Не верю! День уж занялся и сгинул...») (Браунинг, 2023).

В переводе Н. Эристави отчётливо прослеживается трансформация личности Роланда-рыцаря благодаря элементам готики, которые становятся особенно актуальными во второй половине поэмы. Однако, это свойство отсутствует в завязке. Элементы «чистой» в жанровом смысле готики прослеживаются на протяжении всей поэмы только в оригинале. Так, развитие жанра происходит со

строфы II: “I guessed what skull-like laugh / Would break, what crutch ‘gin write my epitaph / For pastime in the dusty thoroughfare...” («Как череп ухмылялся... вспомнят ли / Меня — среди оставшихся в пыли / Им посланных на гибель — слишком многих?») (Браунинг, 2023). Или в строфе VI: “While some discuss if near the other graves / Be room enough for this, and when a day / Suits best for carrying the corpse away” («А есть ли место среди иных могил? / А кладбище, по счастью, недалеко? / Обрядов грустных час уж избран был...») (Браунинг, 2023).

Н. Эристави сумела сохранить и элементы, присущие для **«чёрных стихов»**, в большей степени присутствуют во второй половине поэмы, но вот для первой — остаются потеряны ради развития должного средневекового пафоса. Следование за гибкостью перевода начинается со строфы XI: “Tis the Last Judgment’s fire must cure this place, / Calcine its clods and set my prisoners free...” («Покуда Суд Последний не настал, / Не проявлю ни малого участия!...») (Браунинг, 2023). Другой пример — строфа XXV: “Desperate and done with; (so a fool finds mirth, / Makes a thing and then mars it, till his mood / Changes and off he goes!) within a rood — / Bog, clay and rubble, sand and stark black dearth...” («Здесь шелестел... и стал землёй холодной. / Безумство, исступлень! Верно, так / Из хлама создаёт себе дурак / Кумир — и с криком носится бесплодно...») (Браунинг, 2023).

Здесь поэтический перевод отражает настроение героя и передаёт развитие сюжета, но не является точным¹.

В переводе в большей степени приоритет отдаётся мистике, а не хоррору, что разрушает эмоциональный портрет Роланда, теряющего и обретающего смысл жизни. Стилистический аспект художественных произведений жанра **хоррор** заключается в использовании всевозможных выразительных средств языка на разных уровнях таких, как оноματοпея, окказионализмы, атрибутивные словосочетания, апозиопезис, повторение, парцелляция, метафора, метонимия, персонификация, гипербола, сравнение, эпитеты, ирония и т.д.

Мистика, как и готика, является неотъемлемой частью поэмы. Отличительные черты мистики — странные события, необъяснимые явления и магические существа — ярко выражены во всей по-

¹ Дословный перевод 3–6 строк XXV строфы: «В отчаянии, покончил с ними; (так, дурак веселится, сотворив нечто, и марширует, пока не изменится его настроение, и он не уйдёт!) внутри рудника — трясина, глина и щебень, песок и суровая чёрная смерть...»

эме, включая экспозицию. В переводе поэмы присутствует тема смерти/потустороннего, а фабула и детали антуража замешаны на страхе, который передаётся через воздействие на психологию читателя.

Обе черты имеют место в строфе VII: “If there pushed any ragged thistle-stalk / Above its mates, the head was chopped; the bents / Were jealous else. What made those holes and rents / In the dock’ s harsh swarth leaves, bruised as to baulk / All hope of greenness? ‘tis a brute must walk / Pashing their life out, with a brute’s intents...” («Кто опалил огнём чертополох, / Ко мне ростки последние тянувший? / Кто листья полевицы злобно сжёг, / На медленную смерть её обрёк? / Казалось, тот злодей — сам мрачный рок, / Что, забавляясь, губит всё, что суще!...») (Браунинг, 2023).

Итак, несмотря на пренебрежение стилистикой хоррора, Н. Эристави вполне адаптивно передаёт атмосферу произведения, чтобы, как и автор оригинала, вызывать у реципиента чувство страха и напряжения. Так, для писателей, работающих в жанре тёмное фэнтези, свойственно прибегать к тем же приёмам, что и писателям в жанре хоррора. Отличие заключается лишь в максимизации эффекта «завораживающего страха», доставшегося в наследство литературе ужасов от готической литературы (Григорьева, 2004; Заломкина, 1999).

Герои в переводе — обладатели сверхъестественных способностей, представители потустороннего мира, либо с ним связаны. И здесь прослеживается значительный разрыв, так как герои оригинала — только невольные свидетели сверхъестественного. Это хорошо заметно на примере основной части. Так, в строфе XIX угадывается существенный разрыв: “This, as it frothed by, might have been a bath / For the fiend’s glowing hoof — to see the wrath / Of its black eddy bespate with flakes and spumes...” («Здесь демоны — мне истина порукой — / От крови отмывают, верно, руки, / И гладь воды взрезают их рога...») (Браунинг, 2023).

Еще одна отличительная черта перевода — создание двух пластов восприятия, но пренебрежение пониманием как вторым этапом концептуализации произведения. В поэме автор использует такой приём, как «двоемирие» — сочетание рационального и иррационального понимания реальности. Строфы XXII–XXIII: “Glad was I when I reached the other bank. / Now for a better country. Vain presage! / Who were the strugglers, what war did they wage, / Whose savage trample thus could pad the dank / Soil to a plash? Toads in a poisoned tank, / Or wild cats in a red-hot iron cage — / The fight must so

have seemed in that fell cirque...” («Брод завершён. Брег новый предо мной. / Там будет лучше? Жалкая надежда! / Бойцы, увы, сомкнули в смерти вежды, / И поле брани смертной пеленой / Окутано... Стоял здесь вопль кромешный. / Кто выжил? Жабы в нежити ночной... / Да, — верно, поле битвы было тут...») (Браунинг, 2023).

«Чайльд-Роланд дошёл до Тёмной Башни» в равной степени хороша в оригинале и в переводе, но, помимо преобладающих жанров, некоторые исследователи считают, что произведению в переводе присущи элементы фантастики — спекулятивной поэзии. Спекулятивная поэзия соединяет элементы мистики и фантастики, на основе чего автор выстраивает ассоциации, вследствие чего читатель сам пытается найти объяснение содержанию текста, склоняясь то в сторону мистического, то в сторону фантастического.

В переводе Н. Эристави строфа XXXI отражает все черты спекулятивной поэзии, когда автор стремится превратить мистику не в хоррор, а в повседневную фантастику: “What in the midst lay but the Tower itself? / The round squat turret, blind as the fool’s heart / Built of brown stone, without a counterpart / In the whole world. The tempest’s mocking elf / Points to the shipman thus the unseen shelf / He strikes on, only when the timbers start...” («Что ж в сердце гор? Да — Башня, Боже мой! / Покрытый мхами камень, окна слепы / И — держит мир собою?! Как нелепо! / Несёт всю силу мощи временной? / Над ней летят века во мгле ночной, / Пронзает дрожь меня, как ветра вой!...») (Там же).

«Чайльд-Роланд дошёл до Тёмной Башни» включает в себя несколько поэтических направлений: романтизм, предромантизм с сильной стороной классицизма, готика и мистика, фантастика — спекулятивная поэзия. Кроме того, формально поэму можно отнести к жанрам фэнтези и тёмное фэнтези, в первом случае — из-за манеры повествования и художественных приёмов, с помощью которых автор создаёт мир вокруг протагониста, во втором случае — из-за наличия чёрного юмора, сочетающегося с фантазмагориями и причудливыми образами, сопровождающими Роланда на пути к Тёмной Башне.

Итак, мы определили стилистические особенности оригинала и перевода произведения. Теперь, исходя из знания особенностей художественных средств и приёмов автора, раскроем общий вариант переведённой «Тёмной Башни...» Р. Браунинга, который использовали Т.Ю. Покидаева и В.А. Вебер при анализе и последующем переводе серии романов С. Кинга:

1) тип бродячего сюжета: индийский — странник, идущий к Башне, месту паломничества, европейский — благородный рыцарь, ушедший на войну;

2) пролог: Роланд учится у старика (Колдуна), который желает направить того по ложному, с точки зрения Роланда, пути, тогда Роланд покидает старика;

3) экспозиция: Роланд в самом начале пути, вспоминает членов своего отряда и тех, кто погиб на пути к Тёмной Башне;

4) коллизия: Роланду противостоят природа и потусторонний мир, Колдун не хочет, чтобы Роланд дошёл до Тёмной Башни, вскоре сам Роланд понимает, что единственный способ добраться до неё — пожертвовать оставшимися друзьями;

5) конфликт: Роланд не хочет погибнуть сам или потерять друзей, но его мечта оказывается важнее страха смерти и товарищества, поскольку только Роланд понимает, что его друзья погибнут в дороге, но он сказать об этом не может, иначе его цель окажется под угрозой;

6) интрига: Роланд сталкивается с силой природы и душами павших товарищей, и, возможно, со стариком, упоминавшимся в начале поэмы;

7) перипетия: Роланд видит непроходимую бездну на своём пути, догадываясь о том, что его обманул Колдун и/или Дотар (строфа XXX);

8) завязка: воля Роланда позволила ему дойти до конца, бездну под ним скрыло землетрясение — вначале два холма, а затем и горы съехали к ногам Роланда. В оригинале завязка менее пафосна: “This was the place! those two hills on the right, / Crouched like two bulls locked horn in horn in fight; / While to the left, a tall scalped mountain...” (Там же);

9) кульминация: Роланд слышит звон, вспоминая тех, кем пришлось пожертвовать в пути, затем мертвецы встают из могил, Роланд трубит в рог о своей победе;

10) развязка: Роланд доходит до Тёмной Башни, на этом повествование обрывается;

11) эпилог: без эпилога;

12) точки зрения: повествование ведётся только от лица протагониста.

Общая формула переведённой поэмы выглядит так: Act1 (Ex3Is) + Act2 (4B + 4PtB2) + Act3 (CulFs2) (Там же).

Оригинальная: Act1 (Ex2Is) + Act2 (3B + 4PtB2) + Act2 (CulFs3) (Там же).

Как мы видим, формулы отличаются не значительно. Хотя, если взять за основу формулу переведённой поэмы, то она была бы нетипичной для английской литературы XIX века, а фабула в переведённом варианте интересна тем, что в ней используется два типа бродячих сюжетов — индийский и европейский. Благодаря этому Роланд Р. Браунинга включает в себя сразу два вечных образа — странник и рыцарь. Определив это, нам необходимо сравнить два мира Тёмной Башни, ответив на вопрос: «В какой степени жанры поэмы и её фабула соотносятся с жанрами и фабулами романов С. Кинга?»

Содержательную часть переведённого варианта в той или иной степени повторяют переводы следующих романов: «Стрелок», «Извлечение троих», «Бесплодные земли», «Колдун и кристалл», «Песнь Сюзанны», «Тёмная Башня». При этом, некоторые романы, включённые в серию, хотя и имеют много общего с миром Тёмной Башни Р. Браунинга (на оригинальном английском), но прямой связи не имеют из-за того, что авторы часто опускали «незначительные сцены», имеющие свои аллюзии и реминисценции. Это последние редакции романов «Смиранные сестры Элурии», «Ветер сквозь замочную скважину», «Волки Кальи», «Жребий Салема», вышедшие в издательствах «АСТ» и «Азбука» (Кинг, Киркус, 2023). Итак, мы определим общие аспекты своеобразия оригинала и перевода Н. Эрнстава, включая те, которые формально повлияли на перевод серии «Тёмная Башня».

3. «Внутренний» и «внешний» стиль оригинальных произведений С. Кинга и переводов Т.Ю. Покидаевой и В.А. Вебера

В оригинальных произведениях, составляющих целостный мир «Тёмной Башни», мистическая составляющая вызывает у героев отторжение, но фантастическая — является вполне естественной в их представлении (HImg = fantastic+). При этом сила рока в романе всегда будет сильнее воли протагониста и, тем более, второстепенных персонажей. Такая тенденция сохраняется практически во всех произведениях предшественников «Короля ужасов»: Э. Блэквуда, Г.Ф. Лавкрафта и Р.И. Говарда. Условно это можно назвать своеобразной литературной традицией, доставшейся тёмному фэнтези (Лавкрафт) от хоррора (Блэквуд), а хоррору — от готического романа (Э.А. По) (Панасюк, 1976: 27).

Можно привести пример из оригинала первой главы «Стрелка»: “The world had moved on since then. The world had emptied. The

gunslinger had been struck by a momentary dizziness, a kind of yawning sensation that made the entire world seem ephemeral, almost a thing that could be looked through” (Кинг, Киркус, 2023). В то же время, перевод Т.Ю. Покидаевой наделён неестественной фантастикой, свойственной и для Н. Эристави, работавшей с поэмой Р. Браунинга. Здесь протагонист скорее подвержен влиянию романтизма, а не готики: «С тех пор мир сдвинулся с места. Мир опустел. На стрелка накатило мимолётное головокружение, когда всё внутри вдруг обрывается и мир кажется эфемерным, почти прозрачным». Данная тенденция сохраняется на протяжении всего произведения (Кинг, 2016: 7). Преследуя Человека в чёрном, Стрелок формирует роль протагониста, но рок всё ещё остаётся основной движущей силой миропорядка, а значит, уже с первых страниц романа можно понять, что черты тёмного фэнтези в нём выражены сильнее, чем черты фантастики или обыкновенной мистики.

Если в оригинале торжествуют жанры готика и фэнтези, то с переводами дело обстоит гораздо сложнее. Например, жанр **научной фантастики**, слабо выраженный в оригинальной серии романов «Тёмная Башня», в переводах используется его особенности для развития сюжета и взаимосвязей героев. Научная фантастика описывает вымышленные технологии, основанные на реально существующих, реже — на никогда не существовавших открытиях. Часто главными элементами выступает альтернативная история, либо альтернативное общество, где место человека определяется либо его личностными качествами (меритократия), либо богатством, социальным положением, близости к власти (аристократия) (Григорьева, 2004: 22).

Наиболее распространённый элемент научной фантастики — это попытка героя описать странную технологию, опираясь на свои представления о мире. Так, Ж. Верн описывал телефон как маленькую металлическую коробку для связи на большом расстоянии. Но и есть обратный способ, когда герой из прошлого сталкивается с незнакомой технологией.

В «Извлечения троих» Эдди описывает самолёт как «воздушную карету», поскольку он раньше не видел и ничего не знал о самолётах: “Clearly he felt a new mind inside his own mind, and heard a thought not as his own thought but more like a voice from a radio: I’ve come through. I’m in the sky-carriage” (Кинг, Киркус, 2023). Но перевод упускает «ностальгию по старине», стараясь контекстуализировать дальнейшее развитие сюжета по первой части — «Стрелку»: «Он явственно ощутил у себя в мозгу присутствие чужого сознания

и услышал чужую мысль не так, как человек слышит собственные свои мысли, а скорее, как голос по радио: Я прошёл. Я в воздушной карете» (Кинг, 2017: 12).

Все романы серии, прежде всего, относятся к жанру **тёмное фэнтези**. Этот жанр базируется на истории, связанной с чувством ужаса, как в готическом романе и литературе ужаса, но ключ повествования составляют не элементы мистики, а элементы фэнтези. Все роли персонажей в произведении определены их отношением к вымышленной реальности. Но, в отличие от персонажей оригинальных, персонажи переведённых версий признают потусторонний мир, но стремятся на него повлиять, вмешаться в ход событий и изменить их (Кинг, Киркус, 2023).

Помимо того, в переводах все серии присутствуют слишком ярко элементы **социальной фантастики** — жанра, основанного на построении новых моделей общества, позитивных или негативных открытиях, влияющих на социальную природу человека и способы восприятия им окружающего мира. В более узком смысле социальная фантастика — это поджанр научной фантастики, основанный на идее принципиального изменения (улучшения/ухудшения) социума с помощью возможностей научной элиты или обобщённых возможностей какого-либо общества.

В оригинальной серии, помимо фэнтези, легко прослеживаются только такие жанры, как **литература ужасов** и **готический роман**. Отдельные фикции, представленные в работах С. Кинга, позволяют судить как о мистификации реальных событий, так и, например, о мистификации психологического типа, при которой элементы мистики носят отвлечённый или латентный характер. Иногда мистификация используется интертекстуально, позволяя читателю воспринять мистику как часть действительности.

Приведём в пример отрывок из романа «Колдун и кристалл»: “With the light came the maddening hum of Blaine’s slotrans engines, running at full capacity. There was a blur of pink above the concrete ridge which bore the rail; a rooster-tail of dust, stones, small dismembered animals, and whirling foliage followed along after. The doe was killed instantly by the concussion of Blaine’s passage. Too large to be sucked in the mono’s wake, she was still yanked forward almost seventy yards, with water dripping from her muzzle and hoofs. Much of her hide (and the boneless fifth leg) was torn from her body and pulled after Blaine like a discarded garment” (Кинг, Киркус, 2023) («Со светом пришёл сводящий с ума рёв моторов монопоезда, мчащегося на полной скорости.

Что-то розовое пролетело поверх бетонных столбов, на которых покоился рельс, оставляя за собой вихри пыли, летящие камни, разорванных зверушек, взметнувшуюся в воздух прошлогоднюю листву. Олениха погибла мгновенно. Воздушный водоворот, вызванный Блейном, не засосал её, слишком большая, но проволока ярдов семьдесят. Вода капала с морды и копыт. Клок шкуры и пятую ногу оторвало и унесло вслед за Блейном, как подхваченную ветром шляпу».) (Кинг, 2015: 4).

Серии романов «Тёмная Башня» также присущи такие жанры, как **вестерн** и **триллер**, но развитие на уровне тёмного фэнтези и литературы ужасов данные жанры получают только начиная с романа «Волки Кальи». При сочетании различных жанров образ Роланда у С. Кинга заметно отличается от образа Роланда в эпосе, однако, прослеживается эволюция образа Роланда из поэмы Р. Браунинга.

В оригинале С. Кинга Роланд — последний член древнего рыцарского ордена стрелков. Поначалу в одиночку, а потом с группой верных друзей он совершает длительный поход по опустошённому миру, напоминающем Америку Старого Запада, в котором присутствует магия. Приключения Роланда и его спутников включают в себя посещение других миров и временных эпох, включая Нью-Йорк конца XX века и опустошённый пандемией гриппа мир «Противостояния». Но здесь отсутствует сильная мотивация.

В.А. Вебер позволяет почувствовать реальную мотивацию персонажа. В переведённой версии «Волков Кальи» Роланд уверен, что, если он дойдёт до центра всех миров, до Тёмной Башни, он сможет подняться на её верхний уровень, чтобы увидеть, кто управляет мирозданием, и, возможно, восстановить порядок мира. Задача главного антагониста, Колдуна, — помешать Роланду и разрушить Тёмную Башню (Кинг, Волки Кальи, 2019).

Фабулы основных частей серии «Тёмная Башня» I, II, III, IV, VI, VII имеют общие черты с фабулой переведённой поэмы Н. Эристави, что заставляет в лишней раз задуматься о том, что переводчики ссылались на эту работу так же, как и С. Кинг на оригинал. Довольно странное решение, однако, содержательную часть полностью повторяет только последний одноимённый роман.

В заключительной части “The Dark Tower VII: The Dark Tower” Роланд и его отряд (ка-тета), преследуемые сыном Алого Короля, достигают границ Тёмной Башни. Но Роланд расстается с отрядом. Происходит столкновение Роланда и Человека в чёрном, одного из

главных антагонистов серии, сохранившего образ старца-колдуна из поэмы. После победы отряд ненадолго возвращается к Роланду, но вскоре Роланд понимает, что оставшийся путь он должен проделать сам — слишком много людей пострадало за его мечту. Одолев Алого Короля, Роланд достигает Тёмной Башни (Кинг, 2019).

Если в поэме Р. Браунинга на этом повествование обрывается, то у С. Кинга Роланд продолжает продвигаться по коридорам Башни. Он слышит голос, который рассказывает ему историю создания Башни, а затем и его собственную судьбу: каждая дверь в центральном зале иллюстрирует один из эпизодов жизни Роланда, его борьбы. Но Роланда интересует лишь комната на самой вершине. Символ на дверной ручке — роза, оплетающая револьвер, а на самой двери написано «Роланд». Нужно сказать, что более детально этот эпизод раскрыт именно в переводе В.А. Вебера: открыв дверь, Роланд находит знакомую пустыню, фигура вдаль — Колдун, Уолтер О’Дим, всё это время желавший разрушить Тёмную Башню. Роланд понимает, что он проделывал этот путь уже сотни раз, но всё равно решает зайти в комнату (Кинг, 2015).

В поэме «Чайльд-Роланд дошёл до Тёмной Башни» конечность, достижение цели — самоцель. С. Кинг попробовал глубже раскрыть поданную Браунингом тему искания. Роланд пытался найти себя, он идеалист, которого вдохновила мечта увидеть вблизи Башню, на которую часто смотрел в детстве. Тем не менее, только в переводе ради своей цели он повёл весь свой отряд на верную смерть. Роланд всегда считал Колдуна своим врагом, хотя, мотивы Уолтера к концу заключительной части позволяют судить о нём, как о герое, или — антигерое. Но эта специфика не настолько сильна в англоязычной версии, на русском Роланд предстаёт перед читателем едва ли не злодеем (Браунинг, 2023).

В то же время у Т.Ю. Покидаевой единственным злодеем, антагонистом оказывается сам Роланд, поскольку все его противники, негативные персонажи на самом деле догадывались о природе Тёмной Башни. Именно поэтому Колдун желал её разрушить, но Роланд на протяжении всего цикла говорил, что Колдун лжёт, не уточняя, о чём. Возможно, внесценически он пытался донести истину до Роланда, и потому оказался его врагом. Слова Оракула в «Извлечении троих», в самом начале пути Роланда, могли также свидетельствовать о том, что Роланд уже не в первый раз приходит к нему (Кинг, Извлечение троих, 2017). В этой развязке и особенностях подачи сюжета заключается главное различие между романами С. Кинга и поэмой Р. Браунинга.

Тем не менее, фабулы романа и поэмы весьма схожи. Для наглядности разберём фабулу заключительной части.

1) тип бродячего сюжета: индийский + европейский;

2) пролог: Роланд сбегает от Колдуна и пренебрегает его советом разрушить Тёмную Башню, но теперь его преследует сын Алого Короля;

3) экспозиция: Роланд вспоминает о потерянных членах отряда, говоря себе, что дойти до Тёмной Башни — уже не только мечта, но и долг и перед ними;

4) коллизия: Роланду вновь противостоит природа и потусторонний мир, Колдун не может остановить его отряд, тогда ему противостоит Алый Король, символизирующий негативную сторону Судьбы как внесценического персонажа. Понимая силу врага, Роланд смиряется с мыслью, что ему придётся принести в жертву оставшихся друзей;

5) конфликт: Роланд боится смерти друзей, и потому просит немногих уцелевших не ждать его у входа в Башню, а вернуться домой. Здесь прослеживается отличие от образа Роланда у Р. Браунинга — в поэме Роланд погубил весь отряд, однако, в цикле С. Кинга также упоминается о том, что у Роланда уже был отряд, из которого никто не уцелел;

6) интрига: Роланд опять сталкивается с природой, судьбой и различными мистическими явлениями, причём всё имеет определенный образ; так, образ судьбы — это Алый Король;

7) перипетия: схватка Роланда и Алого Короля;

8) завязка: в схватке Роланд выходит победителем благодаря своей воле;

9) кульминация: Роланд слышит звон, вспоминая о членах своего отряда и понимает, что победил;

10) развязка: Роланд доходит до Тёмной Башни, заходит внутрь и слушает историю Башни;

11) эпилог: Роланд входит в комнату, на двери которой написано его имя, он видит Колдуна и начало своей истории, делая шаг вперед;

12) точки зрения: в частях I, II, III, IV, VI, VII повествование ведётся от лица автора, протагониста и нескольких второстепенных и внесценических персонажей (Кинг, Киркус, 2023).

Общая формула романа выглядит так: Act1 (Ex4Is) + Act2 (5B + 4PtB2) + Act3 (CulFs3); мы видим, что увеличилось количество экспозиционных, поворотных и кульминационных элементов, по

сравнению с формулой поэмы Act1 (Ex3Is) + Act2 (4B + 4PtB2) + Act3 (CulFs2) (Кинг, Киркус, 2023).

Меньшее количество мотивов в экспозиции и барьеров в основной части свидетельствует о том, что воплощение Судьбы в образе Алого Короля создало большее художественное пространство в преддверии конфликта, при этом кульминационная часть расширилась за счёт того, что Роланд смог войти в Тёмную Башню, которая фактически предстала внесценическим персонажем. Именно поэтому историю Башни можно считать дополнительным кульминационным элементом (Кинг, 2019).

4. Результаты и дискуссия

В своём творчестве С. Кинг не раз опирался на произведения британских поэтов, но именно Р. Браунинг оказал на американского писателя наибольшее влияние. Поэму «Чайльд-Роланд дошёл до Тёмной Башни» можно отнести к романтизму, предромантизму и готике, но также поэма содержит элементы мистики и фантастики — спекулятивной поэзии. Несмотря на то, что поэма была написана в 1855 году, формально её можно отнести к жанру Тёмное фэнтези.

Романтизм и его жанровые особенности отражены, прежде всего, в романтизированном образе Роланда у В.А. Вебера. В поэме, в отличие от эпоса и романов не присутствует любовная линия Роланда, однако романтизм проявляется в основных конфликтах — реакциях протагониста на возникающие барьеры, представлении протагониста о союзниках и противниках и в его точке зрения — ракурсе повествования (Pr: B, Img, As), что соответствует формуле романтического произведения, где интерпретация события протагонистом PrInt соответствует Pr: B, Img, As (Заломкина, 1999: 83).

На основе проведённого исследования можно утверждать, что поэма Р. Браунинга «Чайльд-Роланд дошёл до Тёмной Башни» и цикл «Тёмная Башня» С. Кинга имеют схожее жанровое своеобразие, но романы С. Кинга также включают в себя такие жанры, как триллер и вестерн, элементы которых не присутствуют в поэме. Фабула поэмы, так или иначе, находит своё отражение в частях I, II, III, IV, VI, VII. «Смирненные сёстры Элурии», «Ветер сквозь замочную скважину» и «Волки Кальи» — книги, рассказывают о судьбе отряда Роланда и развивают цикл, но не соотносятся с сюжетом поэмы. Непосредственно фабула седьмой, заключительной части «The Dark Tower VII: The Dark Tower» практически полностью по-

вторяет фабулу поэмы и, в некоторой степени, логически довершает её (Кинг, 2019).

О том, почему образ Башни у Т.Ю. Покидаевой тревожил Роланда, становится ясно по мере развития сюжета. Роланд — избранный, который должен достичь края земли, чтобы спасти этот мир и бесчисленных обитателей иных миров. Поначалу, однако, Роланду нет дела до окружающих его людей. Спасти или убить кого-то — скорее дело привычки для наследника рыцарских традиций, поэтому и путь к Башне — авантюра, способная подарить ему экзистенциальный смысл, перекликающийся с гнетущей действительностью. Почему Роланд предстал читателю «потерянным» в хорошо знакомом ему мире становится ясно по мере его рассказов о детстве и юности, о том, как героя обучали ремеслу «стрелка». Нарисованный в форме крайнего гротеска, образ Роланда со временем раскрывается в реалистическом плане (Кинг, 2019).

Роман (повесть) «Смиранные сёстры Элурии» в переводе В.А. Вебера из сборника «Всё предельно» открывает повествование о тайной истории мира Тёмной Башни, рассказывая о «страннике из Гилеада» со стороны и от лица протагониста. События, происходящие до видения в «Стрелке», позволяют оценить нравственные качества и поступки Роланда с позиции скиптрейсеров, глубже понять мораль общества, которое его окружало с детства. Особенно подробно, с дополнениями переводчика показан эпизод в пустыне: Роланд прибывает в феод Меджис, преследуя «Человека в чёрном». Погоня приводит рыцаря в Элурию, пустынное поселение, где его встречают чудовища и наёмники. Несколько лирических отступлений и размышления героя в палатке-госпитале и у могилы пса позволяют раскрыть символический смысл и некоторые сюжетные элементы из романов «Колдун и кристалл» и «Песнь Сюзанны». Свойственную циклу «Тёмная Башня» философию С. Кинг формировал также на основе произведений «Человек в чёрном костюме» и «Всё, что ты любил когда-то, ветром унесёт», которые, как и «Смиранные сестры Элурии», вошли в сборник «Всё предельно» (Кинг, 2015).

«Стрелок» — одно из двух главных произведений (наряду с одноимённым), необходимых для анализа образов Башни и Роланда. Скиптрейсер, отчаянно преследующий Человека в чёрном вдоль безжизненной пустыни, вспоминает о прошлом, как он разговаривал с человеком по имени Браун о том, что для него значит жизнь и идеал, и какво заниматься охотой за головами. Ради достижения цели Роланд убивает всех жителей Талла, а позже, сжа-

лившись, спасает маленького мальчика по имени Джейк. Так автор показывает двойственность характера Роланда. Когда Чёрный человек сообщает, что будет ждать рыцаря в окрестностях Тёмной Башни, путь к которой Роланд сможет узнать только в обмен на жизнь Джейка, протагонист решительно отказывается причинять вред ребёнку, считая, что сможет исполнить своё предназначение не жертвуя невинными. Роланду снится долгий сон: он ведёт спокойную беседу с Чёрным человеком. Тот даёт рыцарю несколько важных подсказок, откуда и как следует начать путь. Аксиологическое содержание самой беседы станет понятно в романе «Песнь Сюзанны». Ночь заканчивается, Роланд и Джейк отправляются в путь (Кинг, 2016).

Роман «Извлечение троих» рассказывает о путешествиях Роланда в иные миры, он собирает команду для долгого странствия. Потеряв старых товарищей, он не сразу решаетеся принять новых, собрать свой «ка-тет». Только скрытые человеческие качества или потенциал (как в случае с Эдди) заставляют Роланда заново стать «рыцарем» в их глазах. Но главный мотив Роланда — предсказание Чёрного человека: трое избранных, «Узник», «Госпожа Теней» и «Смерть» помогут совершить успешный крестовый поход. Возможно, что именно поэтому Роланд соглашается взять в команду бывшего наркомана Эдди Дина и женщину-инвалида Одетту Холмс (Сюзанну). Они необходимы ему для того, чтобы столкнуться в последнем бою с Чёрным человеком. Тем не менее, Роланд начинает привыкать к новым друзьям, жалея, что в конце придётся ими пожертвовать. До этого момента суть конфликта между Роландом и Чёрным человеком остаётся неизвестной (Кинг, 2017).

В переведённой серии романов «Тёмная Башня» смешаны стилистические и лексико-семантические элементы разных жанров: литературы ужасов, фантастики и фэнтези, детектива, мистического/готического романа, фикции, триллера и вестерна. На первый взгляд, такое жанровое своеобразие достаточно сложно использовать для создания целостного художественного пространства, однако, именно это и удалось «Королю ужасов». Чтобы показать серую картину американской повседневности, автор часто ссылается на классиков в том или ином жанре. В качестве «образца» и планового шаблона С. Кинг взял два ключевых архетипа, — Роланд из эпоса и Роланд из поэмы Р. Браунинга. Первый, сочетая в себе возвышенный лик бретонского графа и горделивый нрав рыцаря, чаще используется в статичных сценах, при целеполагании и мотивировании действий. Второй, цинич-

ный и беспринципный странник, — раскрывается в динамичных сценах, когда его команда (ка-тет) проходит проверку на решимость (Песнь о Роланде, 2023).

Роман «Ветер сквозь замочную скважину» наименее близок к оригинальной истории. Он описывает путешествия Роланда, его становление на «путь Луча», древний культ, способный подсказать тому, кто ему следует, простейший способ достичь желаемого. Роланд узнает новое имя Чёрного человека — Рэндалл Флэгт и приёмы, жизненно важные для выживания в пустыни. Переведённая версия содержит множество аллюзий на сказку Л. Баума «Удивительный волшебник из страны Оз», на итог противостояния Роланда и его оппонента, а оригинал — только первые намёки на то, что Человек в чёрном на самом деле не является злодеем по своему архетипу (Кинг, Ветер сквозь замочную скважину, 2015). Сущность странствий ка-тета и роль фигуры Отца Каллахана в мире Тёмной Башни раскрывается в романе «Жребий Салема (“Salem’s Lot”», предшествующем по хронологии «Песни Сюзанны» (Кинг, Киркус, 2023).

В завершающих частях («Волки Кальи», «Песнь Сюзанны», «Тёмная Башня») переводчик часто обращается к элементам научной фантастики, апеллируя к советским и ныне постсоветским классикам, тогда как С. Кинг — к своим любимым писателям А. Азимову, Г. Уэллсу, Р. Брэдли. Довольно рискованный ход хорошо показывает, как синкретизм, выработанный при формировании центрального противостояния и конфликта, может плавно включить в себя новое жанровое своеобразие. Думается, что такой подход призван обратить внимание как на самого Роланда, так и на заветную Башню. Тем более что, исходя из финала серии и итогового решения протагониста, становится ясно: он и Башня есть неделимая сущность, субстанция, идентичная той, что движет антагонистами. Противостояние между Роландом и Чёрным человеком построено таким образом, чтобы подтолкнуть читателя к ощущению сродства и отсутствию глобального происшествия как такового. В то же время переводы ранних произведений у Т.Ю. Покидаевой ярче показывают, как с развитием сюжета, события, разворачивающиеся вокруг ка-тета Роланда образуют реальную опасность для его мира. Победа над Алым Королём и поиск Башни рисуют из фигуры Роланда образ Спасителя, от которого он как может открещивается.

В конце концов, на грани реального и ирреального, метафизического сражения становится очевидным лишь то, что ни одна из

сторон не уступит другой. Иное понимание структуры сюжета и особенностей его развития приходит только в «Песни Сюзанны», когда Роланд и Чёрный человек меняются местами: Роланд оказывается эгоистичным злодеем, а Чёрный человек — бесславленным героем и жертвой. То же оказывается и с серийными убийцами, маньяками, чудовищами и монстрами, ставшими жертвами Тёмной Башни. По факту, серия оригинальных романов, как и их переводы, стирает различия между добром и злом, правильным и неправильным. То, о чём стремится поведать автор-рассказчик, — что каждым человеком управляют его эмоции и тайные, бессознательные желания, страсти, ради которых он проживает жизнь (Кинг, Бесплодные земли, 2017).

Образ Роланда у В.А. Вебера многогранен: он романтик и циник, хладнокровный убийца и наёмник, рыцарь с острым чувством справедливости и принципиальный человек, готовый пожертвовать всем для вещей, имеющих в его глазах значимость. Только такой, как он, мог успешно завершить странствие и, потеряв всё, зайти на самый верхний этаж Тёмной Башни, без намерения спасти мир или возвращать к жизни погибших товарищей. У С. Кинга, напротив, решение Роланда — это выбор эгоистичного, но не злого героя, лишившегося своего предназначения, — продолжать погоню за Чёрным человеком, чтобы снова оказаться в начале пути. Нужно сказать, что Роланд Т.Ю. Покидаевой оказался ближе к оригиналу, если суммировать отдельные культурные концепты, гибкость и эмоциональное насыщение художественной атмосферы.

Заключение

Таким образом, проведя сравнительный анализ переводов «Тёмной Башни» С. Кинга и перевода поэмы Р. Браунинга с их оригиналами, мы пришли к выводу, что жанровое многообразие данных произведений, их фабула и особенности личностей главных героев определены многовековой трансформацией образа Роланд-рыцаря. Так, в самом начале поэмы Р. Браунинга «Чайльд-Роланд дошёл до Тёмной Башни» определяется ракурс повествования — повествование героя-рассказчика Au(NrH). В оригинале Роланд рассказывает свою историю, исходя из своих переживаний, а в переводах он будто бы объясняет идеализированную и романтизированную составляющие сюжетной линии. С помощью раскрытия образа Роланда Р. Браунинг В.А. Вебера постепенно склоняет читателя к тому, что окружающие его мистические, сверхъестественные явления — следствия поэтического описания природы или же

просто особенности восприятия героем своего нелёгкого пути. Эта особенность отсутствует в романе С. Кинга «Тёмная Башня», так как все события, разворачивающиеся вокруг протагониста, можно отнести к категории сверхъестественного, но при этом они не являются всецело особенностями восприятия героя или интерпретации им окружающей местности.

Р. Браунинг следует ритмической, синтаксической и лексической букве английского поэтического текста. Те отступления, что делает Роланд, по факту являются дополнительными характеристиками «паломничества» героя. То же мы видим у Дж. Г. Байрона в «Паломничестве Чайльд-Гарольда» или в «Короле Лир» У. Шекспира. Словесная репрезентация движения вызывает у читателя чувство сопричастности, заставляя встать на тот же путь, что и Роланд. Словообразовательное пространство перевода Н. Эристави в данном случае — это обнажённый сигнал, который отсылает читателя к семантико-символическим полям лексем средневековых произведений о Роланде.

Ключевая особенность ракурса повествования переводов Т.Ю. Покидаевой и В.А. Вебера, разворачивающегося исключительно вокруг личности Роланда, — это мистицизм и, в некотором смысле, фатализм. Во второй половине поэмы Роланд готов признать власть судьбы над собой, но он не готов остановиться, не готов пожертвовать своей мечтой даже ради собственных друзей и убеждений. Но, если средневековый образ Роланда — христианский, то почему Р. Браунинг решил сделать выбор в сторону мистического образа, по-прежнему сохраняющего все прочие признаки романтизма, но не религиозную составляющую?

Роланд у Т.Ю. Покидаевой — эгоистичный персонаж, близкий к оригиналу, но он слишком благородный. Он обладает особой впечатлительностью, которая делает ракурс повествования более широким. С каждой строфой нарастает поэтизация духовных сторон бытия, возникают напряжение и этический максимализм, свойственный для романтической традиции английской поэмы.

Переводы романов «Тёмная Башня» ретранслируют и актуализируют для современного российского читателя древнейшие мифологические образы, в том числе образ самого Роланда, который как перенимает элементы образов в эпосе о Роланде и в поэме Р. Браунинга, так и имеет свои собственные черты: Роланд эгоистичный персонаж, который тем не менее обладает всеми качествами протагониста романтического/готического романа. Если

Р. Браунингу для создания «мастерской писателя» было достаточно мистификации, то С. Кинг использовал образы мифологического характера, которые были вылощены в духе средневековой схоластики. Фэнтези как жанр даёт возможность применять миф как средство изменения ракурса повествования от автора — к герою, и наоборот.

Такой подход позволил гармонично соединить элементы разных жанров, используя все типы повествования.

Дело в том, что мистический (а не готический) герой — всегда ближе к российскому читателю из-за своих личностных переживаний, которые и создают катехизис, заставляя сопереживать герою. Мистика как таковая, как правило, отталкивает читателя от героя и от предмета его исканий, но в то же время вновь пережитый героем мистический опыт позволяет ему показать уровень личного, индивидуального опыта и уже через него вызвать благосклонность читателя. Роланд упорствует в своих мистических порывах, он не опирается на коллективный опыт, не пользуется всеобщим достоянием. Несмотря на то, что Роланд странствовал вместе с другими героями, его удручала мысль о том, что по достижению цели каждый будет вправе потребовать свою долю.

Чайльд-Роланд и его целеустремлённость в своё время вдохновили множество писателей классического направления, позже переосмысление образа Роланда коснулось тех, кто проводил литературные эксперименты в области предромантизма и готики. Из этих экспериментов наиболее устойчивыми для традиции романтизма оказались близкие к эпическим, средневековым концептам. Эти концепты, к сожалению, оказались потеряны в переводе. Только в оригинале Роберт Браунинг описывает Чайльд-Роланда как персонажа романтического и мистического, с элементами готики. Безосновательным остаётся выпад в сторону излишней склонности автора к натурализму и реализму в поэме, но столь же безосновательным можно назвать излишний натурализм, унаследованный только в переводах С. Кинга на русский язык.

Список литературы

Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. М.: БГК им. И.А. Бодуэна Де Куртенэ. Серия: Корпус гуманитарных дисциплин, 2000. 274 с.

Григорьева О.Н. Цвет и запах власти: лексика чувственного восприятия в публицистическом и художественном текстах: учебное пособие / О.Н. Григорьева. М.: Флинта, 2004. 248 с.

Заломкина Г.В. Пространственная доминанта в готическом типе сюжетного развертывания // Вестник Самарского государственного университета 1999. № 3. С. 78–88.

Кинг С. Бесплодные земли: из цикла «Тёмная Башня»: роман / Стивен Кинг; пер. с англ. В.А. Вебера. М.: Издательство. Серия: Король на все времена, 2017. 605 с.

Кинг С. Ветер сквозь замочную скважину: из цикла «Тёмная Башня»: роман / Стивен Кинг; пер. с англ. В.А. Вебера. М.: Издательство. Серия: Король на все времена, 2015. 384 с.

Кинг С. Волки Кальи: из цикла «Тёмная Башня»: роман / Стивен Кинг; пер. с англ. В.А. Вебера. М.: Издательство. Серия: Король на все времена, 2019. 763 с.

Кинг С. Всё предельно. М.: Издательство АСТ. Серия: Король на все времена, 2015. 608 с.

Кинг С. Извлечение троих: из цикла «Тёмная Башня»: роман / Стивен Кинг; пер. с англ. В.А. Вебера. М.: Издательство. Серия: Король на все времена, 2017. 441 с.

Кинг С. Колдун и кристалл: из цикла «Тёмная Башня»: роман / Стивен Кинг; пер. с англ. В.А. Вебера. М.: Издательство. Серия: Король на все времена, 2015. 800 с.

Кинг С. Песнь Сюзанны: из цикла «Тёмная Башня»: роман / Стивен Кинг; пер. с англ. В.А. Вебера. М.: Издательство. Серия: Король на все времена, 2019. 637 с.

Кинг С. Стрелок: из цикла «Тёмная Башня»: роман / Стивен Кинг; пер. с англ. В.А. Вебера. М.: Издательство. Серия: Король на все времена, 2016. 288 с.

Кинг С. Тёмная Башня: из цикла «Тёмная Башня»: роман / Стивен Кинг; пер. с англ. В.А. Вебера. М.: Издательство. Серия: Король на все времена, 2019. 811 с.

Панасюк А.П. К вопросу об экспрессии как лингвистической категории. М.: Изд-во МГУ, 1976. 79 с.

Песнь о Роланде. Французский эпос: Пер. Ф.Г. де Ла Барт / Lib.ru Библиотека Максима Мошкова. URL: http://az.lib.ru/f/francuzskij_epos/text_1897_la_chanson_de_roland.shtml [дата обращения: 08.10.23].

Browning R. Childe Roland to the Dark Tower Came. Mark Tomforde's Website. Department of Mathematics University of Colorado. URL: <https://marktomforde.com/academic/miscellaneous/stories/childe-roland.html> [date of the application: 08.10.2023].

King S. Kirkus. Books by Stephen King. URL: <https://www.kirkusreviews.com/author/stephen-king> [date of the application: 08.10.2023].

References

Browning R. Childe Roland to the Dark Tower Came, Mark Tomforde's Website. Department of Mathematics University of Colorado. URL: <https://marktomforde.com/academic/miscellaneous/stories/childe-roland.html> = date of the application: 08.10.2023.

Grigor'eva O.N. (2004) *Cvet i zapah vlasti: leksika chuvstvennogo vospriyatiya v publicisticheskom i hudozhestvennom tekstah: uchebnoe posobie* = The color and smell of power: vocabulary of sensory perception in journalistic and literary texts: a textbook. Moscow: Flinta. 248 p. (In Russian.).

King S. (2015) *Koldun i kristall: iz cikla "Temnaya Bashnya": roman = Wizard and Glass: from the Dark Tower series: a novel; trans. from English V.A. Veber.* Moscow: Izdatel'stvo. Seriya: Korol' na vse vremena. 800 p. (In Russian.).

King S. (2015) *Veter skvoz' zamochnyuyu skvazhinu: iz cikla "Temnaya Bashnya": roman = The Wind Through the Keyhole: from the Dark Tower series: a novel; trans. from English V.A. Veber.* Moscow: Izdatel'stvo. Seriya: Korol' na vse vremena. 384 p. (In Russian.).

King S. (2015) *Vse predel'no = Everything's Eventual.* Moscow: Izdatel'stvo AST. Seriya: Korol' na vse vremena. 608 p. (In Russian.).

King S. (2016) *Strelok: iz cikla "Temnaya Bashnya": roman = The Gunslinger: from the Dark Tower series: a novel; trans. from English V.A. Veber.* Moscow: Izdatel'stvo. Seriya: Korol' na vse vremena. 288 p. (In Russian.).

King S. (2017) *Besplodnye zemli: iz cikla "Temnaya Bashnya": roman = The Waste Lands: from the Dark Tower series: a novel; trans. from English V.A. Veber.* Moscow: Izdatel'stvo. Seriya: Korol' na vse vremena. 605 p. (In Russian.).

King S. (2017) *Iz vlechenie troih: iz cikla "Temnaya Bashnya": roman = The Drawing of the Three: from the Dark Tower series: a novel; trans. from English V.A. Veber.* Moscow: Izdatel'stvo AST. Seriya: Korol' na vse vremena. 441 p. (In Russian.).

King S. (2019) *Pesn' Syuzanny: iz cikla "Temnaya Bashnya": roman = Song of Susannah: from the Dark Tower series: a novel; trans. from English V.A. Veber.* Moscow: Izdatel'stvo. Seriya: Korol' na vse vremena. 637 p. (In Russian.).

King S. (2019) *Temnaya Bashnya: iz cikla "Temnaya Bashnya": roman = The Dark Tower: from the Dark Tower series: a novel; trans. from English V.A. Veber.* Moscow: Izdatel'stvo. Seriya: Korol' na vse vremena. 811 p. (In Russian.).

King S. (2019) *Volki Kal'i: iz cikla "Temnaya Bashnya": roman = Wolves of Calla: from the Dark Tower series: a novel; trans. from English V.A. Veber.* Moscow: Izdatel'stvo. Seriya: Korol' na vse vremena. 763 p. (In Russian.).

King S. Kirkus, Books by Stephen King. URL: <https://www.kirkusreviews.com/author/stephen-king> = date of the application: 08.10.2023.

Panasyuk A.P. (1976) *K voprosu ob ekspressii kak lingvisticheskoy kategorii = On the issue of expression as a linguistic category.* Moscow: Izd-vo MGU. 79 p. (In Russian.).

Pesn' o Rolande. Francuzskij epos: trans. F.G. de La Bart = Song of Roland. French epic: Trans. F.G. de La Barthe, Lib.ru — Biblioteka Maksima Moshkova. URL: http://az.lib.ru/f/francuzskij_epos/text_1897_la_chanson_de_roland.shtml = date of the application: 08.10.2023.

Vajnrakh U. (2000) *Yazykovye kontakty. Sostoyanie i problemy issledovaniya = Language contacts. State of the art and problems of research.* Moscow: BGK Im. I.A. Boduena De Kurtene. Seriya: Korpus gumanitarnykh discipline. 274 p. (In Russian.).

Zalomkina G.V. (1999) Prostranstvennaya dominanta v goticheskom tipe syuzhetnogo razvertyvaniya = Spatial dominant in the Gothic type of plot development, *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3, pp. 78–88 (In Russian.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Новицкая Анна Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1, Novitskaya774874@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-4908-6402

Касьяненко Людмила Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1, fldept@inbox.ru; ORCID ID: 0000-0002-2323-1712

Макарова Олеся Сергеевна — кандидат педагогических наук, доцент, преподаватель иностранного языка, Ставропольский государственный педагогический институт, г. Ставрополь, ул. Ленина 417, o-ss@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-3914-9385

ABOUT THE AUTHORS:

Anna V. Novitskaya — Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of English, North Caucasus Federal University, 1 Pushkin St., Stavropol, Russia; Novitskaya774874@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-4908-6402

Lyudmila S. Kasyanenko — Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of English, North Caucasus Federal University, 1 Pushkin St., Stavropol, Russia; fldept@inbox.ru; ORCID ID: 0000-0002-2323-1712

Olesya S. Makarova — Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor at Stavropol State Pedagogical Institute, 417 Lenin St., Stavropol, Russia; o-ss@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-3914-9385

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the authors state that there is no conflict of interests.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.161.1, 811.111-26

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-1-81-97

«НЕИЗВЕСТНЫЕ» ЦИТАТЫ В РОМАНЕ Р. ЖЕЛЯЗНЫ “CREATURES OF LIGHT AND DARKNESS” КАК ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Ганна Алексеевна Филатова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

Для контактов: gphilatova@gmail.com

Аннотация. Важным интертекстуальным явлением, позволяющим, с одной стороны, включить произведение в контекст уже существующих текстов, а с другой — актуализировать игру с читательскими ожиданиями, являются прецедентные высказывания. Цитата в художественном произведении потенциально способна выполнять множество функций: она может служить прямым указанием на автора или конкретное произведение, может подразумевать широкий культурный кругозор читателя, может формировать внутренний контекст произведения (отсылая к якобы существующим работам самих персонажей) и т.д. Целью статьи является анализ прецедентных высказываний в романе Р. Желязны “Creatures of Light and Darkness”, для которого в целом характерно широкое использование прецедентных феноменов разных типов и уровней. В качестве иллюстративного материала использованы три русских перевода романа Р. Желязны. Основной метод исследования — сопоставительный семантико-синтаксический анализ. Ряд цитат в романе Р. Желязны изначально предполагает некоторую «недосказанность», «недоговорённость», когда читатель или должен обладать широким кругозором, чтобы опознать отсылку к прецедентному тексту, или должен попробовать догадаться, о чем идёт речь. Особенно интересен случай, когда источник цитирования неизвестен и неопознаваем, — так возникает интерпретационная лакуна, служащая вызовом читателю. Переводчики ищут способы передать и одновременно компенсировать подобную недоговорённость разными средствами, включая в отдельных случаях уничтожение самой недоговорённости (например, вводя указание на претексты, хотя в оригинальном

произведении этого нет). Результаты исследования позволяют определить перевод, наиболее близкий к оригиналу в прагматическом плане, а также сделать выводы о некоторой преемственности переводов.

Ключевые слова: цитирование, прецедентный текст, перевод, сопоставительный анализ, Р. Желязны

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке РФФ (грант № 23-18-00260 «Дискурсивный и прагматический потенциал грамматики глагола в русском языке в сопоставлении с другими славянскими и английским языком»).

Для цитирования: Филатова Г.А. «Неизвестные» цитаты в романе Р. Желязны “Creatures of Light and Darkness” как проблема переводческой интерпретации // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2024. № 1. С. 81–97. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-1-81-97

Статья поступила в редакцию 06.07.2023;
одобрена после рецензирования 08.04.2024;
принята к публикации 20.04.2024.

“UNKNOWN” QUOTATIONS IN R. ZELAZNY’S NOVEL “CREATURES OF LIGHT AND DARKNESS” AS A PROBLEM OF TRANSLATION INTERPRETATION

Ganna A. Filatova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: gphilatova@gmail.com

Abstract. Precedent statements are an important intertextual phenomenon that makes it possible to include the work in the body of already existing texts but to actualize the game with the readers’ expectations. A quotation has the potential to perform many functions: it can serve as a direct reference to the author or a specific work, it can imply a broad cultural outlook of the reader, it can form the internal context of the work, as if these quotations were taken from texts invented by the characters themselves, etc. The aim of the article is to analyze the precedent statements in the novel of R. Zelazny “Creatures of Light and Darkness”. The extensive use of different types and levels of precedent phenomena characterizes this fiction novel as a whole. Three Russian translations of R. Zelazny’s novel were used as illustrative material. The method of research is contrastive semantic-syntactic analysis. A number of quotations in the novel

© Filatova G.A., 2024

by R. Zelazny's novel initially assumes some "understatement", when the reader either has to have a broad outlook in order to recognize the reference to the precedent text, or must try to guess what it is about. It is especially interesting when the source of the quotation is unknown and unrecognizable, so there is an interpretive lacuna that serves as a challenge to the reader. Translators look for ways to convey and simultaneously compensate for this reticence by various means, including, in some cases, eliminating the reticence itself (e. g. by introducing a reference to pretexts, although this does not exist in the original work). The results allow us to identify the translation that is closest to the original in pragmatic terms, as well as to conclude that there is some continuity in the translations: while the earlier translations are significantly different, the later translation uses some of its predecessors' solutions.

Keywords: citation, precedent phenomena, translation, contrastive analysis, R. Zelazny

Acknowledgement. The study was written with the support of the Russian National Science Foundation (project No. 23-18-00260 "Discursive and pragmatic potential of Russian verb grammar in comparison with other Slavic languages and the English language").

For citation: *Filatova G.A.* (2024) "Unknown" quotations in R. Zelazny's novel "Creatures of Light and Darkness" as a problem of translation interpretation. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal*. 1. P. 81–97. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-1-81-97

The article was received July 10, 2023;
approved after reviewing on April 08, 2024;
accepted for publication on April 20, 2024.

Введение

Прецедентные феномены входят в ядро языковых средств хранения и трансляции культурной информации и представляют собой важную часть когнитивного сознания лингвокультурного сообщества. Подобные интертекстуальные единицы — важный элемент моделирования сферы адресата. Н.А. Фатеева отмечает, что интертекстуальные ссылки способны к выполнению конструктивной, текстопорождающей функции интертекстуализации (Фатеева, 2000: 38), тем самым дополняя классическую модель функций языка по Р.О. Якобсону (Якобсон, 1975: 4–8). В частности, интертекстуальные элементы могут выполнять апеллятивную функцию языка: употребление таких единиц формирует отсылку к определённому

типу адресата — тому, кто сможет эту отсылку в тексте опознать и адекватно оценить, какая информация за ней стоит, что именно подразумевалось автором, какие конкретно лингвокультурные и лингвосоциальные аспекты необходимо учесть для правильного понимания текста. Изучение того, как функционируют подобные отсылки в текстах, насколько они потенциально понятны адресату и насколько возможно сохранить их при переводе, является актуальной задачей исследования.

Материалы и методы

Статья посвящена анализу интертекстуальных цитат в романе Р. Желязны “Creatures of Light and Darkness”. Включение таких единиц является значимым элементом игры с прецедентными феноменами, характерной для данного произведения в целом. Объектом исследования являются преобразования прецедентных текстов — цитатных комплексов при переводе на русский язык, а в качестве материала используются русские переводы романа Р. Желязны “Creatures of Light and Darkness”. Первоначально это было некоторое письменное упражнение (Kovacs, 2009), и сам Желязны не планировал его публиковать, однако впоследствии, поддавшись уговорам писателя С. Дилэни, всё же выпустил роман: в 1968–1969 гг. текст с некоторыми сокращениями появился в журнале научной фантастики “If”, а немного позже роман был издан в виде одной книги в издательстве “Doubleday” (Нью-Йорк). Задуманная «экспериментальность» текста проявилась в сочетании элементов разных литературных родов, жанров и функциональных стилей: при том, что большая часть текста представляет собой стандартный третьеличный нарратив в рамках художественного функционального стиля, в нём довольно много лирических фрагментов, эпилог оформлен как пьеса, а монологи одного из героев построены по принципам жанров официально-делового функционального стиля; кроме того, текст насыщен обращениями к имплицитному адресату, что превращает классический нарратив в более сложный комплекс.

Перевод романа на русский язык был впервые опубликован в 1992 г. — это перевод В. Лапицкого «Порождения света и тьмы» и два анонимных перевода от издательства «Див» и от издательств «Топикал», «Тонар»; в 1993 г. был выпущен перевод М. Денисова и С. Барышевой «Создания света — создания тьмы». В 2003 г. (спустя 10 лет) вышел последний из известных на данный момент переводов «Создания Света, Создания Тьмы», выполненный коллективом переводчиков издательства «Центрполиграф», работавших

под псевдонимом А. Ганько. В нашей статье мы сосредоточимся на изучении авторизованных переводов.

Используемый метод исследования — сопоставительный семантико-синтаксический анализ, при котором можно рассмотреть материал «в ракурсе интерпретации смыслов, заложенных автором текста, и функций, реализуемых задействованными им языковыми средствами» (Уржа, 2016: 55; Уржа, 2020: 75). Метод позволяет проанализировать, как переводчики справились с проблемой распознавания и атрибуции цитат в романе и как различные переводческие стратегии могли повлиять на интерпретацию текста читателем.

Прецедентные высказывания в романе Р. Желязны

В романе Желязны соединяет футуристические технологии с элементами фэнтези и включает в текст большое число разнообразных прецедентных феноменов (Гудков, Красных, Захаренко, Багаева, 1997: 83), которые должны быть известны потенциальному читателю для наиболее полного понимания сюжетных отсылок и аллюзий. При этом в роман включаются прецедентные феномены разных типов (Там же: 83). Чаще всего встречаются прецедентные имена, которые уже сами по себе заставляют читателя декодировать определённые смыслы. Упоминаемые личности — как реально существующие, так мифические и вымышленные — опознаются как некоторые знаковые фигуры и самим фактом упоминания отсылают к целому ряду культурных пластов. Основным источником заимствований прецедентных имён для романа стала египетская мифология (боги Сет, Осирис, Анубис, Гор, Исида), но также Желязны использовал и мифы других культур (греческие Тифон и Цербер, скандинавские Норны).

Прецедентные высказывания для данного романа Желязны являются важным средством воздействия на адресата (читателя), поскольку их использование, в том числе в переосмысленном виде, стимулирует необходимость задумываться не только над сюжетом, но и над дополнительными смыслами, которые вносят цитаты. Прецедентное высказывание — это «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица, которая может быть и не быть предикативной» (Захаренко, 2000: 46), при этом необходимо отметить, что прецедентное высказывание входит в когнитивное пространство целиком, то есть воспринимается как единица, не требующая привлечения контекста для опознавания (Там же: 47).

Прецедентные феномены вне зависимости от своего источника (реальные исторические деятели и события или литературные и мифологические произведения) обладают разной степенью узнаваемости. Если упоминается какая-либо прецедентная единица, то возникающие ассоциации связаны как с ней самой — это может быть конкретная фраза или текст, личность или событие, — так и с целым комплексом смыслов, которые существуют вокруг неё (например, историческая личность не мыслится в отрыве от прецедентных ситуаций, в которых действовала, литературный персонаж не существует в отрыве от прецедентного текста и порождаемых высказываний), тем самым актуализируется ряд представлений. При этом, разумеется, читатель должен быть способен распознать возникающую языковую и смысловую игру, а для этого ему необходим некоторый «базовый» набор знаний. Однако В.В. Красных отмечает, что прецедентные имена и прецедентные высказывания, играя роль средства апелляции к такому тексту, хотя и «могут выступать в качестве символов прецедентных текстов», скорее предполагают наличие в когнитивной базе не самого текста, а его «инварианта восприятия» (Красных, 1997: 8); таким образом, отдельные феномены являются вполне распознаваемыми даже в том случае, если читатель не читал источник или слабо представляет себе характеристики упомянутой личности.

Данное исследование не ставит целью выявить и точно определить терминологические различия между терминами «интертекстуальность» и «прецедентность». Кроме того, понимание интертекстуальности само по себе является дискуссионным, а определение границ этого термина зависит от исследователя (см., например, систематизацию определений интертекстуальности (Петрова, 2017)). Однако во избежание путаницы оговорим, что в данной работе вслед за И.В. Арнольд мы будем определять интертекстуальность как «включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменных цитат, аллюзий и реминисценций» (Арнольд, 1999: 356), в таком случае прецедентные высказывания мы понимаем как конкретные средства выражения интертекстуальных связей.

Для переводчиков включение цитат в роман может стать как самой лёгкой частью работы над текстом — когда нужно просто найти перевод источника цитаты на русский язык, — так и довольно серьёзной проблемой: начиная с ситуаций, когда существует несколько равнозначных переводов источника и заканчивая ба-

нальной необходимостью увидеть и опознать цитату в тексте. Рассмотрим, какие трансформации использовали переводчики Желязны, чтобы передать и форму, и значение интертекстуального элемента.

(1) R. Zelazny¹:

«*The Prince Who Had Been A Toad touches a red spot on his shoulder, says to Vramin, "Did you not know that it has been written, 'Be kind to bird and beast'?"*² "*Kipling*," says Vramin, smiling. "Also, the *Koran*».

(1a) В. Лапицкий³:

«*Принц Который Был Жабой потирает красное пятно у себя на плече и говорит Врамину:*

— Ты что, не знаешь, что написано было: "*Добр будь к птице и зверю*"?

— *Киплинг*, — говорит, улыбаясь, Врамин. — А ещё — *Коран*».

(1b) М. Денисов, С. Барышева⁴:

«*Принц-Который-был-Жабой дотрагивается до красного пятна на плече и говорит Фрамину: — Разве не знал ты, что сказано: "не обижай птицу и зверя"?*

— Верно, сказано, — отвечает Фрамин, улыбаясь. — У *Киплинга*. И ещё в *Коране*».

(1c) А. Ганько⁵:

«*Принц-Что-Был-Жабой потирает красное пятнышко на плече и укоряет Врамину:*

— Разве не знал ты, что сказано: "*Будь милостив к птице и зверю*"?

— *Киплинг*, — улыбается Врамин. — А также *Коран*».

В примере 1 в тексте прямо даётся указание на источник цитаты, причём данный источник не связан с миром, в котором развивается действие — в нём, судя по всему, мир, в котором расположена планета Земля, существует, но в числе «прочих миров», о которых не сообщается ничего конкретного. Высказывание персонажа отсылает к внефикциональной действительности — миру читателя

¹ Здесь и далее цит. по: Zelazny R. *Creatures of Light and Darkness* (Электронный ресурс). Режим доступа: https://bookscafe.net/read/zelazny_roger-creatures_of_light_and_darkness-156503.html#p1.

² В примерах все подчёркивания выполнены автором статьи.

³ Здесь и далее цит. по: Желязны Р. *Порождения Света и тьмы* / Пер. с англ. В. Лапицкого. М.: «Э», 2017. С. 11–252.

⁴ Здесь и далее цит. по: Желязны Р. *Создания света — создания тьмы* / Пер. с англ. М. Денисова, С. Барышевой. М.: Аргус, 1993. С. 15–173.

⁵ Здесь и далее цит. по: Желязны Р. *Создания Света, Создания Тьмы* / Пер. с англ. А. Ганько. М.: Центрполиграф, 2003. С. 5–217.

и тем текстам, которые существуют в нём (это Коран и произведения Р. Кипплинга). При этом поиск корректного источника цитаты оказался затруднён. Можно предположить, что формулировка в оригинале актуализирует стихотворение Кипплинга «Баллада о Востоке и Западе», однако в таком случае точная цитата должна была бы выглядеть как “do good to bird and beast”; кроме того, у Кипплинга контекст предполагает другую трактовку данной строки: «сделать добро птицам и зверям» означает оставить им убитых в бою людей. Возможно, это отсылка в целом к произведениям Кипплинга, показывающим важность сохранения живой природы и бережного отношения к ней. Указание на Коран имеет схожую природу: с одной стороны, источник цитаты эксплицирован, но с другой, не вполне очевидно, о какой конкретно суре идёт речь. При этом практически полное соответствие данной цитате можно найти в поэме А. Остина “A Tower of Babel: A Poetical Drama”: “We must be kind to bird, and beast, and tree, even as to man” (акт V, сцена IV) (Austin, 1874: 219), что вполне может соотноситься с ироническим использованием этой фразы Врамином. Однако представляется маловероятным, чтобы Железны включил заведомо ошибочное двойное указание на автора, использовав при этом цитату из не самого популярного, а потому с трудом опознаваемого произведения.

Значительных различий между переводами не наблюдается, поэтому читатель, даже имея только некоторое общее представление о Коране и творчестве Кипплинга, потенциально способен понять отсылку.

(2) R. Zelazny:

«“What fools these mortals be,” says the green man, who is one of the few persons living able to put quotation marks around it and know why».

(2a) В. Лапицкий:

«— “Как безумен род людской”, — говорит зелёный человек, один из горстки живых существ, способных взять эту фразу в кавычки — и знать почему».

(2b) М. Денисов, С. Барышева:

«— Какие дураки эти смертные, — усмехается зелёный человек, один из немногих живущих, способных сказать так и знать почему».

(2c) А. Ганько:

«— Какие глупцы все эти смертные! — усмехается зелёнобородый, ибо он принадлежит к числу тех немногих живущих, кто вправе делать подобные замечания».

Пример 2 представляет собой более сложный случай интертекстуального включения, поскольку в реплику персонажа включена точная цитата из другого произведения, но при этом ни в самом тексте, ни в сносках нет указаний на атрибуцию. В английском тексте «зелёный человек» использует крылатое выражение из комедии У. Шекспира “A Midsummer Night’s Dream” («Сон в летнюю ночь», акт III, сцена 2). В отличие от примера 1, где источник выражения, пусть и не вполне определённый, был эксплицирован, в данном случае имеется указание на цитатный характер высказывания: *one of the few persons living able to put quotation marks around it* (тот, кто может взять фразу в кавычки — то есть процитировать). Учитывая, что в фикциональной вселенной Шекспира (как и Киплинга, и Корана) предположительно не существует, такое высказывание снова смешивает мир произведения и реальный мир читателя. При этом не только в оригинале, но ни в одном из переводов нет указания на конкретное произведение, откуда цитата взята, тем самым предполагается довольно высокий уровень культурного фона даже у русскоязычного потенциального адресата.

В переводе Лапицкого фраза выглядит более возвышенно и претенциозно (за счёт краткой формы прилагательного «безумен» и перифразы «род людской»), что хорошо согласуется с дальнейшим раскрытием личности персонажа — он волшебник и поэт, вполне закономерно, что он и сам использует специфическую лексику, и цитирует произведения определённых стилей и жанров. В других переводах структура высказывания очень близка, и расхождение состоит в первую очередь в использовании конкретных лексем («дураки» — «глупцы»).

Разница между переводами связана не только с различной задачей самого высказывания, но и с полным отсутствием в переводах Денисова — Барышевой и Ганько какого-либо указания на цитатность фразы. Только в переводе Лапицкого используется атрибутированный перевод комедии, выполненный Т. Щепкиной-Куперник, — таким образом, если адресат знаком с творчеством Шекспира в её переводе, он способен распознать и оценить отсылку. В остальных вариантах перевода данный метатекстовый комментарий опущен, что нельзя объяснить какими-то прагматическими задачами, поэтому невозможно с точностью определить, является ли данное высказывание реминисценцией на какое-либо реальное произведение или это просто реплика персонажа. Возможно, это связано с тем, что сами переводчики не смогли опознать данное выражение как цитату.

(3) R. Zelazny:

«A line comes into Vramin's head: *“Die Luft ist kuhl und es dunkelt, und ruhig fließt der Rhein.”* He does not recall the source, but knows the feeling».

(3a) В. Лапицкий:

«Строка приходит в голову Врамину: *Die Luft ist kuhl, und es dunkelt, und ruhig fließt der Rhein.*

Он не помнит, откуда она, но ему знакомо заложенное в ней чувство».

(3b) М. Денисов, С. Барышева:

«В голове Фрамина проходит давняя полузабытая строка: *“Die Loft ist kohl und es dunkelt, und ruhig fließt der Rein”*. Он не помнит, откуда она, но ощущение ему знакомо».

(3c) А. Ганько:

«В голове Врамина мелькает строчка: *“Die Luft ist kühl und es dunkelt, und ruhig fließt der Rhein”*. Источника он не помнит, но ощущение знакомо».

(3d) анонимный перевод⁶:

«В голову Брамина приходит строчка из стихов немецкого поэта о берегах Рейна. Он не помнит её источника, но ощущение ему знакомо».

Пример 3 примечателен тем, что прецедентное высказывание не просто включается в произведение, но даётся на немецком — языке оригинала стихотворения. Это строка из стихотворения Г. Гейне “Die Lorelei”, однако в тексте романа снова наблюдается отсутствие указаний на атрибуцию (например, в виде вербализованного комментария, как в примерах выше, или сноски). Интересно, что переводчики романа полностью повторили эту идею для самого текста (цитата так же даётся на немецком языке), однако во всех вариантах приводятся сноски с переводом строки на русский язык и указанием автора:

«Воздух свеж и темно, и течёт спокойно Рейн. (Гейне)» — в переводе Денисова — Барышевой,

«Темно, и свежестью веет, и Рейна тих поток» (Гейне) — в переводе Ганько;

и единственный вариант с включением автора — в переводе Лапицкого:

«Прохладой сумерки веют,

И Рейна тих простор.

Генрих Гейне (Пер. А. Блока)».

⁶ Цит. по: Желязны Р. Создания Света, Создания Тьмы... / Пер. с англ. М.: Топикал; Тонар, 1993. С. 5–148.

У Лапицкого при этом указывается не только автор немецкого текста, но и автор русскоязычного варианта. В случае с другими переводами не вполне понятно: это либо авторский перевод с немецкого, либо малоизвестный перевод этого стихотворения. Нами были проанализированы 7 наиболее известных переводов “Die Lorelei”⁷, и во всех случаях эта строка выглядит иначе. Если допустить, что и у Денисова — Барышевой, и у Ганько это авторский перевод немецкой строки, то интересно отметить, что вариант Ганько представляет собой контаминацию предыдущих переводов. В немецком тексте первый предикат — составной именной (*ist kühl*), два следующих — простые глагольные (*dunkelt, fließt*). В переводе Блока полностью меняется структура предложения: два первых предиката сворачиваются в признаковые существительные (*прохлада, сумерки*) и добавляется другой предикат (*веют*), а в последнем простом предложении полностью перестраивается грамматическая основа, и вместо *ruhig fließt der Rhein* (‘тихо течет Рейн’) получается именной предикат и другой субъект — «Рейна тих простор». У Денисова — Барышевой структура предложения достаточно близка к оригиналу: только один глагольный предикат заменяется на предикатив (*темно* вместо *es dunkelt* (‘темнеет’)). В переводе же Ганько мы видим разные кусочки: предикатив «темно», как в переводе Денисова — Барышевой, и предложения «свежестью веет» и «Рейна тих поток» — как у Блока, с незначительными различиями в лексике. Если бы переводчики «Центрполиграфа» переводили, используя только немецкий оригинал, маловероятно, что у них получилось предложение, так же отличающееся от текста Гейне, как и у предыдущих переводчиков.

Для данного примера достаточно интересно привести и вариант анонимного перевода: в нём совсем отсутствует цитата, зато довольно условно передано содержание (единственное верно проинтерпретированное слово — название реки) добавлено указание на некоторого автора. Вероятно, анонимный переводчик не был знаком с немецким языком и не стал рисковать и пытаться его перевести или найти уже существующий вариант на русском языке.

(4) R. Zelazny:

«*“Were it not for the fact that he had promised to give my name back to me- my real name-before I slay him, I would not have agreed to do this thing for him.”*
“I realize that, Lord Randall, my son”, says Vramin».

⁷ Переводы А. Блока, Н. Вольпина, В. Левика, А. Майкова, С. Маршака, Л. Мей, В. Шнейдера.

(4a) В. Лапицкий:

«— <...> Если бы он не обещал мне вернуть моё имя — моё настоящее имя — перед тем, как я убью его, я бы не согласился на это.

— Понятно мне это, Лорд Рэндалл, мой сын».

(4b) М. Денисов, С. Барышева:

«— <...> Если бы он не обещал мне вернуть моё имя — моё настоящее имя, — прежде чем я убью его, я бы не согласился.

— Это я понимаю, лорд Рэндалл, сын мой, — говорит Фрамин».

(4c) А. Ганько:

«— <...> И не пообещай он назвать моё имя — моё истинное имя, перед тем как я его убью, я ни за что не согласился бы на это.

— Всё понятно, лорд Рэндалл, сын мой, — кивает Фрамин».

Пример 4 — распространённый для данного произведения случай использования прецедентного текста «из внетекстовой реальности». «Лорд Рэндалл, сын мой» — это завершающая куплеты формула из народной шотландской баллады “Lord Randal”. В оригинальном тексте у читателя нет никакой подсказки об источнике цитирования (ни сноски, ни прямого указания на исходный текст); возможно, для носителей английского языка как на момент написания романа, так и во времена более поздних изданий данная баллада являлась популярным прецедентным текстом и не требовала пояснений. При этом данное высказывание, как и многие другие фразы этого персонажа, носит цитатный характер, потому что это Фрамин (он же — «зелёный человек» из примера 2) говорит это одному из главных персонажей, которого зовут Вэйким, а героя с именем Лорд Рэндалл в романе вовсе нет.

Различия между переводами связаны в первую очередь с инверсией в обращении (*мой сын — сын мой*), которая меняет актуальную структуру предложения (тема-рематическое членение). Перевод Лапицкого вновь следует за оригиналом и не даёт указаний на источник цитаты, что, однако, затрудняет опознавание выражения для русскоговорящих читателей. Можно даже предположить, что титул «Лорд Рэндалл» относится к кому-то из персонажей, просто про него адресату пока ещё не рассказали. Другие переводы приводят сноску с указанием происхождения прецедентного высказывания:

«Лорд Рэндалл, сын мой, тебя опоили...» (строка из шотландской народной баллады) — у Денисова и Барышевой,

«Лорд Рэндалл, сын мой, тебя опоили...» (строка из народной баллады) — у Ганько.

В англоязычной культуре существует много вариантов данной баллады. Так, например, американский фольклорист Ф. Чайлд приводит 19 вариантов этого произведения, и это только поздние записи (Аринштейн, 1988: 464), при этом композиционно и сюжетно все они близки друг другу и различаются в основном именем главного героя, а В. Скотт в своей вступительной заметке к публикации баллады отмечает, что наиболее популярным было имя Рональд (Там же: 464). Наиболее распространёнными переводами баллады на русский язык являются тексты С. Маршака «Лорд Рональд» и Игн. Ивановского «Лорд Рэндэл». Сложно установить, использовались ли какие-то существующие тексты баллады переводчиками Желязны, поскольку форма имени совпадает во всех переводах (*Рэндалл*), при этом это не те варианты, опубликованные ко времени выхода романа (вариант Маршака, видимо, впервые опубликован в 1969 г. (хотя черновые варианты перевода появились уже в 1915–1916 гг.), вариант Ивановского — в 1970–1980-х гг.). В переводе Лапицкого нет примечаний, которые помогли бы учесть широкий контекст и выявить источник, а при сопоставлении текстов имеющих сносок возникают подозрения, что переводчики «Центрполиграфа» просто переписали эту цитату из перевода Денисова — Барышевой. Такой вариант баллады нами, к сожалению, не был найден, но формулировки в сносках совпадают почти полностью, что, в свою очередь, может свидетельствовать о том, что авторы самого позднего перевода не стали сами искать цитируемый источник, а использовали материал предыдущего текста.

В заключение приведём пример, демонстрирующий сложность определения источника цитаты: действительно ли это прецедентное высказывание, которое нужно опознать, или это авторский текст, претендующий на то, чтобы казаться чьей-то цитатой.

(5) R. Zelazny:

«Think instead of broken horses, the curse of the Dutchman, and perhaps a line by the mad poet Vramin, such as, “The bulb resurrects the daffodil, within its season”».

(5a) В. Лапицкий:

«Подумай взамен про обузданных лошадей, о проклятии Летучего Голландца и, может быть, о строке безумного поэта Врамина, например такой: “И луковичка возродит в свой срок изжелта-бледный нарцисс”».

(5b) М. Денисов, С. Барышева:

«Не вспоминай о нём, думай о выезженных лошадях, о проклятии Летучего Голландца или, быть может, о строке безумного поэта Фрамина: “И луковица воскресит нарцисс, когда придёт пора”».

(5с) А. Ганько:

«Лучше думать о загнанных лошадах, о проклятии Летучего Голландца или вспомнить строку безумного поэта Врамина: “И луковица воскресит жёлтый нарцисс в пору цветения”».

Сложно сказать, действительно ли это «стихи безумного поэта», которые он сочинил сам, или это такой же случай, как примеры, рассмотренные нами выше: цитирование Шекспира, где говорящий сознательно «заключает строку в кавычки», или воспроизведение строки на немецком языке с неуточнённой атрибуцией («не помнит, откуда она» — то есть потенциально может принадлежать и ему самому).

Заключение

Цитаты в фантастическом романе Р. Желязны помогают поддерживать интертекстуальную игру с читателем, актуализируя его фоновые знания. Высказывания, указывающие на нефикциональную реальность в заявленном фантастическом повествовании, вносят некоторый диссонанс в сюжет, запутывают читателя, вызывают у него вопросы, что это за цитата, откуда она и какие дополнительные смыслы привносит, тем самым привлекая его внимание. Всё это задаёт достаточно высокие требования к уровню лингвокультурных знаний потенциального адресата.

Различия между переводами связаны, во-первых, с выбором варианта цитаты, а во-вторых, с самим фактом обнаружения переводчиком прецедентного текста и его оформлением. Наиболее последовательно включение цитат в роман и их оформление как «чужого текста» проводит В. Лапицкий. Он сохраняет все случаи использования прецедентных высказываний, повторяет их оформление в оригинальном тексте, а также почти во всех случаях соблюдает отсутствие пояснений для читателя (только в одном случае указывает в сноске перевод немецкой цитаты и её автора). Кроме того, он чаще других использует атрибутированные переводы, давая, таким образом, читателям шанс догадаться, что это цитата. Перевод М. Денисова и С. Барышевой и перевод А. Ганько очень похожи по включению и оформлению цитат, а в некоторых случаях содержат один и тот же текст, при этом вариант Ганько появился значительно позже. Можно предположить, что авторы самого позднего перевода использовали наиболее выгодные решения предыдущих версий, уточняя некоторые переводческие решения в определённых случаях.

Список литературы

Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 444 с.

Аринштейн Л.М. Комментарии // Английская и шотландская народная баллада: сб. / сост. Л.М. Аринштейн. М.: Радуга, 1988. С. 455–511.

Гудков Д.Б., Красных В.В., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация / под ред. В.В. Красных, А.И. Изотова. М.: Диалог-МГУ, 1997. Вып. 1. С. 82–103.

Захаренко И.В. О целесообразности использования термина «прецедентное высказывание» // Язык, сознание, коммуникация / под ред. В.В. Красных, А.И. Изотова. М.: Диалог-МГУ, 2000. Вып. 12. С. 46–53.

Красных В.В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация / под ред. В.В. Красных, А.И. Изотова. М.: Диалог-МГУ, 1997. Вып. 2. С. 5–12.

Петрова Н.В. Проблема определения термина «интертекстуальность» // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева, 2017. № 2 (40). С. 196–200.

Уржа А.В. Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики. М.: Спутник+, 2016. 350 с.

Уржа А.В. Приближение или дистанцирование? Использование дейкисиса, анафоры и настоящего исторического в русских переводах «Приключений Тома Сойера» // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание, 2020. № 3. С. 72–83.

Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000. 280 с.

Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 195–230.

Austin A. (1874) The tower of Babel, a poetical drama. (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://archive.org/details/towerbabelapoet00austgoog/page/n231/mode/2up>

Kovacs C.S. (2009) "...And Call Me Roger": The Early Literary Life of Roger Zelazny. The Collected Stories of Roger Zelazny. Vol. 2: Power & Light. Framingham: NESFA Press, pp. 531–570.

References

Arnold I.V. (1999) Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost' = Semantics. Stylistics. Intertextuality. St. Petersburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 444 p. (In Russian).

Arinshteyn L.M. (1988) Kommentarii = Comments. *Angliyskaya i shotlandskaya ballada: sbornik*. Moscow: Raduga, pp. 455–511 (In Russian).

Austin A. (1874) The tower of Babel, a poetical drama. (Electronic version). URL: <https://archive.org/details/towerbabelapoet00austgoog/page/n231/mode/2up>

Gudkov D.B., Krasnykh V.V., Zakharenko I.V., Bagayeva D.V. (1997) Pretsedentnoye imya i pretsedentnoye vyskazyvaniye kak simvolyy pretsedentnykh

fenomenov = A Precedent Name and a Precedent Utterance as Symbols of Precedent Phenomena. *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya*. Moscow: Dialog-MSU. Issue 1, pp. 82–103 (In Russian).

Fateyeva N.A. (2000) Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Intertekst v mire tekstov = The Counterpoint of Intertextuality, or Intertext in the World of Texts. Moscow: Agar. 280 p. (In Russian).

Jacobson R. (1975) Lingvistika i poetika = Linguistics and Poetics. *Strukturalizm: "za" i "protiv"*. Moscow: Progress, pp. 195–230 (In Russian).

Kovacs C.S. (2009) "...And Call Me Roger": The Early Literary Life of Roger Zelazny, *The Collected Stories of Roger Zelazny*. Vol. 2: Power & Light. Framingham: NESFA Press, pp. 531–570.

Krasnykh V.V. (1997) Sistema pretsedentnykh fenomenov v kontekste sovremennykh issledovaniy = The System of Precedent Phenomena in the Context of Modern Research. *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya*. Moscow: Dialog-MSU. Issue 2, pp. 5–12 (In Russian).

Petrova N.V. (2017) Problema opredeleniya termina "intertekstual'nost" = The Problem of Defining the Term "Intertextuality", *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'yeva*. No. 2 (40), pp. 196–200.

Urzha A.V. (2016) Russkiy perevodnoy khudozhestvennyy tekst s pozitsiy kommunikativnoy grammatiki = Russian Translated Fiction Text from the Perspective of Communicative Grammar. Moscow: Sputnik+. 350 p. (In Russian).

Urzha A.V. (2020) Priblizheniye ili distantsirovaniye? Ispol'zovaniye deyksisa, anafory i nastoyashchego istoricheskogo v russkikh perevodakh "Priklyucheniya Toma Soyvera" = Approximating or Distancing? The Use of Deixis, Anaphora and Historic Present in Russian Translations of "The Adventures of Tom Sawyer", *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*. Vol. 19, no. 3, pp. 72–83 (In Russian).

Zakharenko I.V. (2000) O tselesoobraznosti ispol'zovaniya termina "pretsedentnoye vyskazyvaniye" = On the Expediency of Using the Term "Precedent Statement". *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya*. Moscow: Dialogue-MSU. Vol. 12, pp. 46–53 (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Филатова Ганна Алексеевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Ленинские горы, 1; gphilatova@gmail.com; ORCID: 0000-0001-8911-0350.

ABOUT THE AUTHOR:

Ganna A. Filatova — Cand. Sc. (Philology), Lomonosov Moscow State University, Senior Teacher at the Department of Russian Language at the Faculty of Philology, Moscow, Leninskiye gory, 1; gphilatova@gmail.com; ORCID: 0000-0001-8911-0350.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-1-98-118

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА

Елена Александровна Княжева

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

Для контактов: knel@cs.vsu.ru

Аннотация. Оценка качества перевода является одним из механизмов развития переводческой отрасли и важнейшим инструментом в области подготовки переводчиков, что обуславливает актуальность заявленной темы. Цель данного исследования заключается в представлении общей картины взглядов на проблему оценки качества перевода и различий в подходах к её решению. Основной задачей исследования является изучение когнитивно-терминологического и системно-деятельностного аспектов, в результате которого были сделаны выводы, касающиеся существенных различий в концептуализации понятия *качество перевода* и необходимости разграничения между *процессом* оценки качества и её *результатом*. Анализ использования термина *качество перевода*, проведённый на материале метапереводческого дискурса, продемонстрировал, что его научная интерпретация связана с трактовкой данного термина как оценочного показателя выполненного перевода и как основной переводоведческой категории, требующей системного исследования и описания. Согласно проведённому анализу, использование данного термина в метапереводческом дискурсе может указывать на достаточно высокий уровень перевода *per se*, однако в сочетании с дополнительными оценочными характеристиками может также обозначать различные уровни качества, вплоть до самого низкого. Оценка результатов перевода, осуществляемая через классические оценочные термины, к которым относятся эквивалентность и адекватность, как правило, требует уточнений, связанных с их концептуальным содержанием, соответствующим конкретной научной парадигме. Существование различных, в том числе и противоположных

точек зрения на теорию и практику оценки качества перевода объясняется сложным и многоаспектным характером данного объекта изучения. Новизна проведённого исследования заключается в разграничении между результатом оценки качества перевода и её процессом, рассматриваемом как вид интеллектуальной деятельности. В результате проведённого исследования разработана модель, отображающая структуру оценочной деятельности в сфере перевода. Основными компонентами данной модели являются сфера оценки, её субъект и объект, цель оценочной деятельности, метод оценки, оценочные критерии и параметры. Предлагаемый в работе подход позволяет принимать во внимание различные ракурсы изучения проблемы оценки качества перевода и видеть комплекс мотивов и отдельных самостоятельных действий, обуславливающий конечный результат.

Ключевые слова: оценка качества перевода, эквивалентность, адекватность, сфера перевода, интеллектуальная деятельность, структура оценочной деятельности

Для цитирования: Князева Е.А. О некоторых аспектах исследования проблемы оценки качества перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2024. № 1. С. 98–118. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-1-98-118

Статья поступила в редакцию 19.12.2023;
одобрена после рецензирования 16.04.2024;
принята к публикации 20.04.2024.

ASPECTS OF TRANSLATION QUALITY PROBLEM

Yelena A. Knyazheva

Voronezh State University, Voronezh, Russia

For contacts: knel@cs.vsu.ru

Abstract. Translation quality evaluation is generally referred to as one the mechanisms for translation industry development and the most important tool in the field of translator training, which determines the relevance of the stated topic. The purpose of this study is to review the problems and approaches to translation quality evaluation highlighting the differences in their treatment. The paper focuses on the study of the cognitive-terminological and system-activity aspects of translation evaluation, with special emphasis on the borderline between the process of quality evaluation and its result. An analysis of the term *translation quality* as used in meta-translation discourse demonstrated signifi-

cant differences in the conceptualization of this notion. In translation theory, the term is generally used as an evaluative indicator of translation results, although in a broader sense it also refers to one of the main categories of translation studies that requires systematic research and description. In meta-translation discourse, *translation quality* may refer to a fairly high level of translation *per se*, but in combination with additional descriptive characteristics the term can also indicate different levels of quality, down to the lowest. To assess the results of translation using classical evaluative terms, namely equivalence and adequacy, it is generally necessary to clarify their conceptual content, which corresponds to a particular scientific paradigm. The existence of different and/or opposing points of view on the theory and practice of translation quality evaluation is accounted for by the complex and multidimensional nature of the phenomenon under consideration. The novelty of the conducted research lies in the distinction between translation evaluation *as a result* and translation evaluation *as a process* considered as a type of intellectual activity. Finally, we developed a model which reflects the structure of evaluation activities in the field of translation. The main components of this model are: the evaluation sphere, the evaluation actor, the object under evaluation (i.e. translation results), the purpose of evaluation activity, the evaluation method, the criteria and the parameters of evaluation. Following the system-activity approach one can take into account various facets of the problem of translation quality evaluation as well as the complex of motives and individual independent steps that determine the end result.

Key words: translation quality evaluation, equivalence, adequacy, translation area, intellectual activity, evaluation activity structure

For citation: Knyazheva Ye.A. (2024) Aspects of translation quality problem. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal. 1. P. 98–118. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-1-98-118

The article was submitted on December 19, 2023;
approved after reviewing on April 16, 2024;
accepted for publication on April 20, 2024.

Введение

Проблема оценки качества перевода традиционно является поводом для достаточно острых дискуссий в переводческом сообществе, представленном переводчиками-практиками, переводоведами и преподавателями перевода. Актуальность данной проблемы обусловлена как самим существованием общественной потребности в переводе, так и тем, что оценка перевода является одним из механизмов развития переводческой отрасли и важней-

шим инструментом в области подготовки переводчиков. Поэтому как понятие и соответствующий термин, оценка качества перевода может трактоваться и в узком, и в широком смысле. В первом случае подразумевается проверка перевода, осуществляемая на основе сопоставления исходного и переводного материала. Во втором речь идёт о важнейшей переводоведческой категории, требующей многоаспектного изучения. Теоретические взгляды на проблему качества перевода, получившие отражение в работах В.Н. Комиссарова (Комиссаров, 1990), В.С. Виноградова (Виноградов, 2007), Ю.В. Ванникова (Ванников, 1988), Н.К. Гарбовского (Гарбовский, 2004), А.Д. Швейцера (Швейцер, 1988), В.В. Сдобникова (Сдобников, 2015) и др., свидетельствуют о неоднозначности интерпретации данной проблемы в русле различных переводоведческих подходов. В отечественной традиции теоретический аспект проблемы оценки качества перевода преимущественно представлен нормативным разделом общей теории перевода. К классическим нормативным требованиям общего характера относятся достижение адекватности и эквивалентности перевода, к рекомендациям частного порядка — различные правила перевода, охватывающие достаточно широкий спектр явлений — от лексических и структурных экзотизмов и культурно-маркированных единиц до технического оформления текста. Данная проблема также освещается в многочисленных исследовательских работах, посвящённых критическому анализу переводных текстов.

В зарубежном переводоведении и, в частности, в исследованиях Ю. Найды (Nida, 1964), Г. Тури (Toury, 1980), Д. Селескович и М. Ледерер (Selescovitch, Lederer, 1989), К. Норд (Nord, 2006), Дж. Хаус (House, 1997) доминирует функциональный подход, в соответствии с которым важнейшим критерием успешности перевода является адекватное воспроизведение прагматики текста и обеспечение соответствующей реакции получателя. В скопос-теории Г. Вермеера и К. Райс (Reiß, Vermeer, 2013) главным условием обеспечения высокого уровня качества является соответствие перевода его цели, что достигается за счёт выбора адекватной переводческой стратегии. С позиций коммуникативно-функционального подхода, понимание цели перевода, т.е. того, кем и как этот перевод будет использоваться, определяется конкретной коммуникативной ситуацией, в которой создаётся перевод. Таким образом, для осуществления качественного перевода переводчику необходимо учитывать тип и параметры конкретной коммуникативной ситуации, определяющей формат переводного текста.

Если же говорить о традициях, сложившихся в сфере профессионального перевода, то в данном случае главным ориентиром для исполнителя и оценивающего перевод эксперта является производственная документация — стандарты качества и конкретное техническое задание на перевод, которое включает требования и пожелания заказчика, а во многих случаях и глоссарий отраслевых терминов, рекомендуемых к использованию. Отдельные переводческие компании также разрабатывают процедуры и критерии оценки переводов, которые, как правило, ориентированы на достаточно узкую сферу деятельности. Однако это относится, прежде всего, к переводу информативному. Что касается художественного перевода, то на этапе внутренней промежуточной оценки его результаты оцениваются редактором, что является частью «производственного цикла», а его внешняя оценка осуществляется как специалистами в области критики перевода, так и его конечными получателями.

Научная значимость нашего исследования заключается в представлении общей картины взглядов на проблему оценки качества перевода и подходов к её решению. Основное внимание в данной статье уделяется результатам изучения когнитивно-терминологического и системно-деятельностного аспектов проблемы оценки качества перевода. И поскольку в нашем случае речь идёт об оценке качества перевода, которая осуществляется человеком, мы исходим из того, что профессиональная оценка основана на той парадигме, которой придерживается оценивающий перевод специалист, в том числе и трактовки понятия *качество перевода*, которой он придерживается, а также его практическом опыте. Объединяющим началом указанных аспектов, первый из которых ориентирован на изучение концептуализации понятия *качество перевода*, а второй — на исследование процесса оценки качества перевода, является аксиологический характер категории качества перевода, включающий оценку по умолчанию.

В силу сложившейся традиции изучение проблемы оценки качества перевода осуществляется с помощью метода сравнения результатов оценки с текстами переводов и оригиналов. Однако в нашем случае изучение материала метапереводческого дискурса также потребовало использования методов теоретического анализа, направленного на рассмотрение содержательной стороны понятия *качество перевода*. При изучении отдельных прецедентов и их систематизации использовались методы описания, обобщения и классификации.

Проведённое исследование показало, что целый ряд вопросов, касающихся концептуальных и критериальных ориентиров оценки, остаётся по-прежнему дискуссионным. Означает ли это, что мы имеем дело с непрекращающейся полемикой теоретиков и практиков перевода на вечную, но не теряющую своей актуальности тему, или же, напротив, со своеобразной полипарадигмальностью, позволяющей получить всестороннее представление об изучаемом объекте? В настоящей работе мы представим свои соображения по данному вопросу, основанные на некоторых результатах исследования, проведённого в этой области.

1. Результаты исследования и их обсуждение

1.1. Когнитивно-терминологический аспект исследования проблемы оценки качества перевода

Согласно общей теории качества, которая начинает активно разрабатываться с 60-х годов XX века, термин *качество* определяется как соответствие требованиям, предназначению или эталону. Различные дефиниции данного термина, предложенные представителями философии, политэкономии и промышленного производства, впоследствии получили обобщение в документах Международной организации по стандартизации ISO в виде определения качества как «совокупности характеристик объекта, относящихся к его способности удовлетворять обусловленные или предполагаемые потребности» (Краткий курс по управлению качеством, 2013: 6).

Со своей стороны отметим, что общая трактовка качества как соответствия требованиям или соответствия предназначению также работает и в сфере перевода, однако тезис о соответствии эталону является достаточно дискуссионным, особенно когда речь идёт об обучении переводчиков. Если понимать эталон как единственный правильный перевод (а это заблуждение чрезвычайно распространено не только среди студентов, но и среди преподавателей), то велик риск отождествления учебного перевода с тестом, и тогда такой элемент обучения переводу как процесс принятия переводческого решения оказывается под вопросом. Впрочем, последнее является темой для отдельного разговора.

Необходимо также сказать и о том, что в общей теории качества традиционно выделяют *оценку продукта*, т.е. результата какой-либо материальной или интеллектуальной деятельности; *оценку исполнителя*, т.е. уровня квалификации лица, осуществляющего

деятельность; и *оценку процесса деятельности*. При этом вполне очевидно, что указанные виды оценки взаимосвязаны с точки зрения их влияния на конечный результат, хотя в каждом конкретном случае — в зависимости от поставленной задачи — оценивается, определяется или измеряется либо качество конечного продукта, либо качество организации процесса, либо уровень и компетентность исполнителя. При этом характеристики объекта оценки определяются на основе конкретных оценочных критериев, что получило отражение в международном стандарте качества письменного перевода ISO 17100:2015, европейском стандарте EN 15038 и ряде других нормативных документов, регламентирующих переводческую деятельность.

Что касается значения составного термина *качество перевода*, то, на первый взгляд, содержание данного понятия является вполне прозрачным. Однако несмотря на то, что соответствующий термин получил широкое распространение в метапереводческом дискурсе¹, его использование по-прежнему говорит об очевидной для любого исследования необходимости «договориться о терминах». В первую очередь хотелось бы отметить, что в определённых микро- и макроконтекстах реализуется коннотативный компонент значения данной терминологической единицы, связанный со своеобразной презумпцией положительной оценки, например: «Такое «Заявление о соответствии» повышает уверенность заказчиков в *качестве перевода* (курсив мой — Е.К.), так как выполнение требований «Рекомендаций» по *качеству* (курсив мой — Е.К.) поддаётся проверке в отношении каждого отдельного переводного текста»². Вместе с тем, описание качества конкретных переводов, как правило, включает использование целого спектра дополнительных оценочных характеристик, например: «...перевод остаётся переводом, каким бы он ни был с точки зрения качества — *отличным, так себе, плохим* или вообще *безобразным* (курсив мой — Е.К.)» (Сдобников, 2016: 271). Таким образом, само понятие качества перевода может включать указание на его достаточно высокий уровень по умолча-

¹ Согласно трактовке В.Б. Кашкина, метапереводческий дискурс включает разнообразный спектр устных и письменных текстов — предисловий к переводам, рецензий, сносок, примечаний, размышлений о переводе, отражающих обыденные и научные представления. Эти аспекты и жанры объединяет их расположение вне собственно текста перевода как объекта критики (Кашкин, 2010: 315).

² Письменный перевод. Рекомендации переводчику и заказчику. Электронный ресурс: <https://www.russian-translators.ru/projects/metodologicheskie-rekomendatsii/01/>

нию, что, однако, не исключает использования таких определений, как *приемлемое, удовлетворительное* или же *неприемлемое* (Альбукова, 2016: 65). Обратим внимание и на то, что толкование термина *качество перевода* допускает различные уровни абстракции. Так, например, в толковом переводоведческом онлайн-словаре данный термин трактуется как «*оценочный показатель* (курсив мой — Е.К.) сделанного перевода, определяемый точностью, сжатостью, ясностью, литературностью переведённого текста» (Нелюбин, 2003: 75).

Согласно другому подходу, представленному в работах И.И. Убина, И.А. Пушнова (Убин, Пушнов, 2011: 26), С.А. Семко (Семко, 2005: 36) и В.В. Сдобникова (Сдобников, 2015: 27), качество перевода является одной из основных переводоведческих категорий, требующих системного исследования и описания. В своём исследовании мы придерживаемся второго из упомянутых здесь подходов, который был реализован в нашей работе, посвящённой теории и практике оценки качества перевода (Княжева, 2023).

Изучение когнитивно-терминологического аспекта рассматриваемой проблемы также предполагает необходимость обращения и к классическим понятиям эквивалентности и адекватности. Нетрудно заметить, что использование данных терминов, как правило, требует уточнения, так как в данном случае мы сталкиваемся с достаточно разнообразным концептуальным наполнением их содержательной стороны. Как отмечает Н.К. Гарбовский, в самом содержании понятия *эквивалентность* заложена известная доля относительности, что, в свою очередь, ставит «сложный вопрос о том, в каком отношении текст перевода оказывается равнозначным, равноценным, равносильным тексту оригинала. Этот вопрос пытается решить наука о переводе на протяжении многих столетий» (Гарбовский, 2004: 265–266). Таким образом, вполне закономерным оказывается тот факт, что в переводоведческой литературе термин *эквивалентность* часто используется с тем или иным уточняющим определением: *формальная, функциональная, стилистическая, семантическая, прагматическая, текстуальная* и т.д. (Gorlee, 1994: 170).

Интересно и то, что признание перевода эквивалентным, т.е. обладающим максимальной лингвистической близостью к тексту оригинала, ещё ничего не говорит о его качестве. Успешность перевода может скорее быть связана с достижением *необходимого уровня* эквивалентности, соответствующего конкретной коммуникативной ситуации и/или поставленным при переводе задачам.

Такие учёные, как В.Н. Комиссаров Н.К. Гарбовский, А.Д. Швейцер придерживаются мнения о том, что залогом успешности перевода является воспроизведение прагматики исходного сообщения (текста), что во многих случаях обеспечивается именно благодаря отходу от эквивалентности, понимаемой как семантико-структурный параллелизм (Комиссаров 1973: 190; Гарбовский, 2004: 294; Швейцер, 1988: 94).

Что касается термина *адекватность*, то при его использовании также возникает необходимость в уточнениях, касающихся, пожалуй, главного вопроса: на основании чего перевод признаётся адекватным или неадекватным? Если исходить из того, что оценка качества перевода осуществляется путём установления соответствия, то, согласно лингвистической теории, адекватным считается перевод, в котором верно передано содержание исходного текста и соблюдены нормы переводящего языка (Семко, 1988: 72). Однако понятие верности содержанию подразумевает некие отношения между исходным и переводным текстами и всегда связано с вопросом о соответствующих критериях, что, по сути, возвращает нас к понятию эквивалентности.

В соответствии с парадигмой системного подхода к переводу Н.К. Гарбовский предлагает другую интерпретацию понятия адекватности, которая распространяется не на степень соответствия текста перевода тексту оригинала, а на те свойства перевода, «которые проявляются в его взаимодействии с окружающей средой. Адекватность перевода предполагает его соответствие тем ожиданиям, которые возлагают на него участники коммуникации, а также тем условиям, в которых он осуществляется» (Гарбовский, 2004: 289).

Мысль о том, что признание перевода адекватным требует учёта конкретной коммуникативной ситуации, в которой создавался перевод, также звучит и в более ранних работах по общей теории перевода. Например, с точки зрения В.Н. Комиссарова, достоинства перевода могут оцениваться не только путём установления степени эквивалентности оригиналу, но и с позиций достижения той цели, ради которой перевод создавался (Комиссаров, 1973: 190). Рассуждая об обеспечении коммуникативной равноценности перевода, В.Н. Комиссаров отмечает, что адекватность измеряется профессионализмом переводчика и в конечном итоге зависит от доверия получателя. Ещё одна интересная трактовка адекватности содержится в концепции А.Д. Швейцера, который вслед за К. Райс и Г. Вермеером связывает адекватность с процессуальной сторо-

ной перевода, а именно «с условиями протекания межъязыкового коммуникативного акта, его детерминантами и фильтрами, с выбором стратегии перевода, отвечающей коммуникативной ситуации. Иными словами, если эквивалентность отвечает на вопрос о том, соответствует ли конечный текст исходному, то адекватность отвечает на вопрос о том, соответствует ли перевод как процесс данным коммуникативным условиям» (Швейцер, 1988: 95).

Истории и теории перевода известны многочисленные примеры противоречивых требований к переводу, на основании которых выносилось то или иное оценочное суждение. В наиболее яркой форме это получило отражение в известных парадоксах Т. Сейвори (Savory, 1957), отражающих хорошо узнаваемую картину, которая нередко создаёт впечатление замкнутого круга (Приводится по: Швейцер, 1988: 61–62). Однако выход за рамки этого круга вполне возможен, если рассматривать оценку качества перевода не только как умозрительную категорию, но и как практическую задачу, решение которой осуществляется в процессе интеллектуальной деятельности.

1.2. Системно-деятельностный аспект исследования проблемы качества перевода

В соответствии с реализуемым нами подходом, оценка качества перевода может также рассматриваться как особый вид интеллектуальной деятельности, в результате которой формируется оценочное суждение. В области психологии понятие «интеллектуальная деятельность» рассматривается в соотношении с такими близкими понятиями, как «мышление», «мыслительная деятельность», «умственные действия», направленные на процесс решения задач (Воронин, 2006: 36). Исходя из того, что исследование любой деятельности предполагает описание тех факторов, которые оказывают определяющее влияние на её конечный результат, нами была разработана модель, отображающая структуру оценочной деятельности в сфере перевода, представленная на рисунке 1. Учитывая то обстоятельство, что в настоящее время набирает популярность автоматическая оценка перевода, уточним, что наша модель относится исключительно к тем ситуациям, когда оценку качества перевода осуществляет человек.

В верхней позиции блок-схемы, приведённой на рисунке 1, расположен компонент *Сфера оценки*, который, по нашему мнению, играет определяющую роль, поскольку именно сфера деятельности обуславливает конкретное наполнение таких компонентов модели,

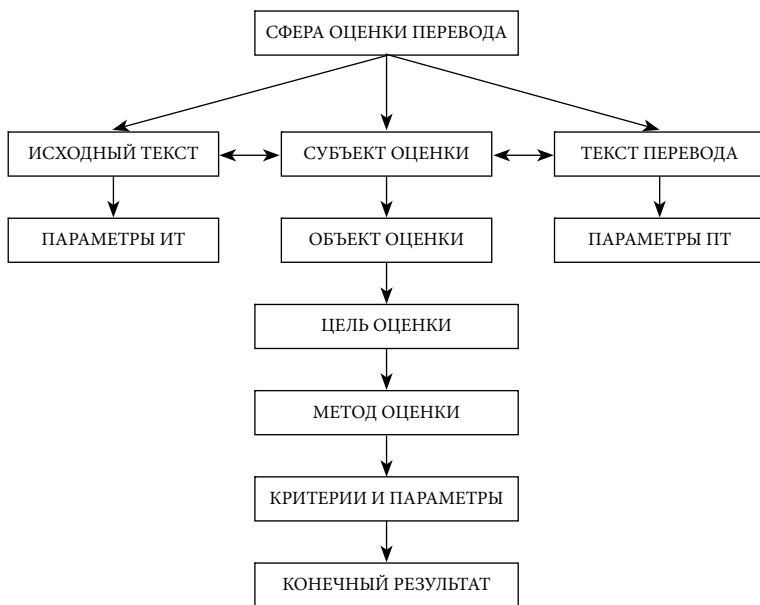

Рис. 1. Оценка качества перевода как вид интеллектуальной деятельности

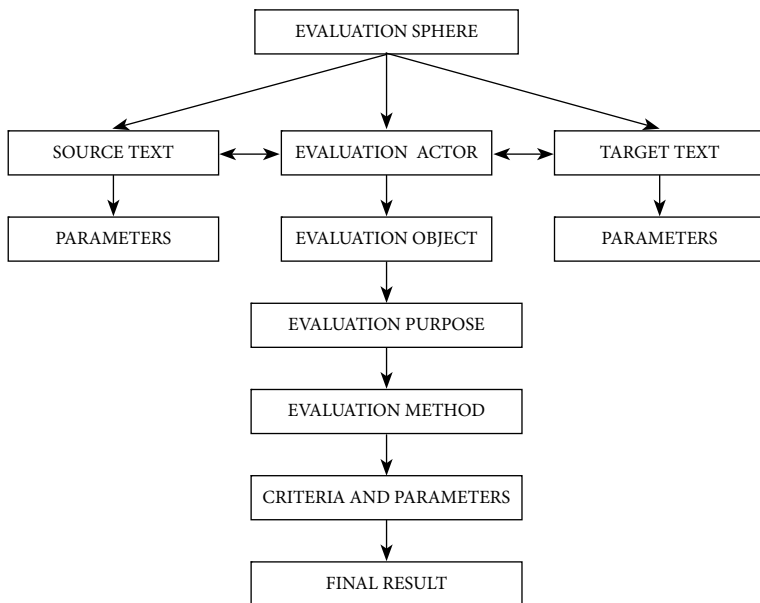

Fig. 1. Translation Quality Evaluation as a Type of Intellectual Activity

как субъект оценки, цель оценки, оценочные критерии, параметры и формат оценки. На сегодняшний день мы выделяем *учебную сферу оценки перевода*, которая ориентирована на подготовку будущих переводчиков, *индустриальную сферу оценки перевода*, включающую работу профессиональных переводческих фирм и агентств, и *научно-исследовательскую сферу оценки перевода*, связанную с деятельностью теоретиков и критиков перевода. Однако реальность такова, что оценка перевода осуществляется также и с непрофессиональных позиций в лице его конечных получателей, что позволяет говорить об *общественной сфере оценки перевода*, которая стала доступной для наблюдения благодаря бурному развитию интернет-коммуникации.

Соответственно, *субъект оценки* может являться представителем каждой из перечисленных сфер, т.е. оценка переводов осуществляется как специалистами в области перевода (переводчиками, редакторами, переводоведами), так и представителями широкой общественности (конечными получателями перевода, его инициаторами или заказчиками). Это уточнение является существенным, так как данные факторы определяют уровень оценки — профессиональный или же непрофессиональный, — от которого во многом зависит её цель, а также использование методов и критериев, как формализованных, так и понимаемых интуитивно.

В том случае, если *субъектом оценки* является специалист в области перевода, характер его оценочного суждения обусловлен его интерпретационной позицией по отношению к исходному материалу, которая формируется на основе теоретических знаний и практического опыта, а также и вкусовых предпочтений субъекта оценки. Если же говорить об оценке непрофессиональной, то заказчик, как правило, оценивает перевод на основе соответствия предъявляемым требованиям и/или его ожиданиям. Что касается конечного получателя, то подобная оценка, в первую очередь, обусловлена субъективными представлениями о том, каким должен быть перевод, устраивающий данного субъекта, и обычно осуществляется с позиций «нравится / не нравится».

Объектом оценки, на который направлена интеллектуальная деятельность субъекта, является конкретный результат перевода. В этом случае важнейшими характеристиками объекта оценки являются вид речевой деятельности, т.е. устный перевод / письменный перевод, а также цель данного перевода, обуславливающая выбор переводческой стратегии и качество переводящего языка.

Мысль о том, что особенности письменной и устной коммуникации и жанровая принадлежность исходного текста, собственно, и определяют отбор и ранжирование критериев оценки по принципу их приоритетности, является в настоящее время общепризнанной. Однако это утверждение можно считать справедливым по отношению к стандартным ситуациям перевода, предполагающим создание функционального аналога исходного текста. В нестандартных ситуациях цель перевода обусловлена спецификой конкретной коммуникативной ситуации и может быть представлена эксплицитно в виде пожеланий заказчика или инициатора перевода, а также в техническом задании на перевод.

Подчеркнём, что профессиональная оценка перевода осуществляется в сопоставлении с исходным материалом, а в ситуации непрофессиональной оценки такое сопоставление, за некоторыми исключениями, не осуществляется, поскольку это требует знания языка оригинала, а также достаточно высокой речевой и лингвистической культуры, позволяющей осуществить своего рода «экспресс анализ» оригинала. Поэтому основные оценочные критерии, как правило, связаны с языковым оформлением текста перевода и имеют ярко выраженный вкусовой характер. В этом заключается одна из причин скептического отношения специалистов к точке зрения получателя как представителя непрофессиональной среды.

Как и любая другая деятельность, оценка качества перевода осуществляется с определённой *целью*, причём представители учебной, индустриальной, научно-исследовательской и общественной сфер видят цель оценки перевода по-разному. Так, цель оценки в учебной сфере является дидактической, поскольку она напрямую связана с установлением степени сформированности необходимых переводческих компетенций на разных этапах обучения. В индустриальной сфере оценка осуществляется с целью определения готовности конечного продукта и его соответствия техническому заданию, но помимо этого оценка также может осуществляться и с целью определения уровня исполнителя и относиться к способам контроля и обеспечения качества, практикуемым в той или иной переводческой компании. В научной сфере цель оценки перевода обусловлена задачами конкретного исследования, которое может проводиться как в области перевода, так и в области лингвистики.

Что касается цели оценки перевода со стороны представителей непрофессиональной среды, то, как мы уже отметили выше, на-

блюдаемая здесь картина достаточно неоднородна. Тем не менее, на сегодняшний день можно выделить следующие основные тенденции. Цель оценки в лице заказчика перевода или его представителя связана с производственной необходимостью принять работу. Цель оценки переводческого продукта со стороны конечного получателя достаточно часто обусловлена потребностью общения, что наблюдается, например, при обсуждении переводных кинофильмов и сериалов в социальных сетях. Вместе с тем одним из движущих мотивов конечного получателя оценить перевод может быть и стремление реально улучшить результат перевода, что наиболее ярко проявляется в отзывах пользователей о переводе компьютерных игр.

В ситуации, когда оценка качества перевода осуществляется на профессиональном уровне, субъект оценки, как правило, следует определённому *методу*, который применяется либо в силу сложившихся в конкретной сфере традиций, либо может представлять собой определённую последовательность действий, практикуемую по тем или иным причинам данным субъектом. В настоящее время в целях оценки переводов применяются традиционные, измерительные и экспериментальные методы, причём традиционные методы, основанные на сопоставлении исходного и переводного текстов и анализе результата перевода, являются достаточно востребованными во всех сферах перевода. Отметим, что сегодня возрастает интерес к измерительным и экспериментальным методам оценки, что особенно характерно для индустриальной и научной сферы. С нашей точки зрения, следование определённому методу задаёт общую направленность процедуре оценки, принципам подхода к объекту оценки (конкретному результату перевода) и характеру интерпретации полученных результатов.

Следование методу также предполагает использование определённых оценочных *критериев*, на основе которых проводится анализ результата перевода. В то же время выбор конкретных критериев обусловлен комплексом всех предыдущих позиций: сферой оценки, её субъектом и целью, параметрами объекта и методом. Так, в учебной сфере в качестве критериев служат классические нормативные требования, а также прогнозируемые параметры объекта (перевода), которые обусловлены объективными факторами (канал коммуникации и речевой жанр) и факторами субъективными (интерпретационная позиция и вкусовые предпочтения субъекта оценки). В сфере индустриального перевода основой для отбора критериев является переводческое задание, целевое на-

значение перевода и всё те же нормативные требования, однако здесь приоритеты устанавливаются в соответствии с требованиями заказчика. В научной сфере основой для выбора оценочных критериев является научная парадигма, носителем которой является исследователь, а в ряде случаев и собственная теоретическая концепция автора. В общественной сфере критерии, как уже было упомянуто выше, в основном понимаются интуитивно и основаны на индивидуальных представлениях о «хорошем переводе» как своеобразном эталоне.

К *параметрам* оценки мы относим переводческие ошибки, которые являются достаточно универсальным инструментом. Однако в данном случае неизбежно возникает вопрос о том, что понимается под переводческой ошибкой и какого рода ошибки, с точки зрения субъекта оценки, являются наиболее критичными в каждом конкретном случае.

Причины, характер и степень критичности переводческих ошибок получили достаточно подробное освещение в коллективной монографии Д.М. Бузаджи, В.В. Гусева, В.К. Ланчикова и Д.В. Псурцева (Бузаджи и др., 2009), Н.К. Гарбовского (Гарбовский, 2004), М.А. Куниловской (Куниловская, 2013), А.Б. Шевнина (Шевнин, 2003). По нашим наблюдениям, существенные различия в предлагаемых типологиях связаны как со спецификой того материала, на котором выстраивалась та или иная классификация (художественный или информативный перевод), так и с подходом к анализу переводческих ошибок — чисто лингвистическим, переводоведческим, редакторским или же дидактически ориентированным.

И наконец, в нижней позиции нашей модели находится компонент *конечный результат*, под которым имеется в виду оценочное суждение о качестве перевода, представленное в определённом формате. Например, в учебной сфере оценка может иметь как вербальную форму в виде суждения или комментария преподавателя о результате перевода, так и форму оценки в баллах. В индустриальной сфере оценка также может осуществляться вербально, однако наиболее распространённой формой является таблица Excel, в которой представлены фрагменты исходного текста, результаты редакторской правки и квалификация допущенных переводчиком ошибок. В некоторых крупных фирмах, где регулярно практикуется внутренний аудит, результаты оценки оформляются в виде письменного заключения. Экспертная оценка перевода, выполненного сотрудниками другой компании или фрилансерами, также оформляется в виде экспертного заключения, которое может быть

заверено нотариально. Что касается оценки конкретного исполнителя, то она может быть выражена в форме более высокой или низкой оплаты его труда или дальнейшего служебного продвижения. В научно-исследовательской сфере оценка качества перевода, как правило, осуществляется в форме анализа переводного текста в сопоставлении с исходным, а её конечный результат может быть представлен в виде научной работы (доклада, статьи, монографии) или её фрагмента. В общественной сфере наиболее распространённой формой оценки являются комментарии конечных получателей в социальных сетях. Таким образом содержание и формат оценки перевода, понимаемой как конечный результат, обусловлены целевыми, нормативными и ситуативными факторами, относящимися к той сфере деятельности, в которой осуществляется оценка, включая и то обстоятельство, принималось ли оценочное решение на основе анализа (что характерно для оценки профессиональной) или же в большей степени интуитивно (что наблюдается в ситуации непрофессиональной, или потребительской оценки).

2. Заключение

Проблема оценки качества перевода относится к категории сложных объектов исследования, требующих многоаспектного подхода. Несмотря на то, что сам факт существования различных, а иногда и противоположных взглядов на трактовку понятия качества перевода и способы его оценки нередко создаёт ощущение исследовательского тупика, эта ситуация имеет и вполне определённые позитивные стороны, поскольку позволяет получить более полное и всестороннее представление об объекте изучения. Наблюдаемый сегодня разброс мнений в позициях переводчиков, критиков перевода и его конечных получателей говорит о том, что оценочная деятельность во многом обусловлена влиянием субъективного фактора. На первый взгляд, это может показаться существенным препятствием на пути научного изучения качества перевода как переводоведческой категории. Однако при дальнейшем осмыслении данного феномена становится очевидно, что различия в результатах оценки перевода имеют, как это ни парадоксально, вполне объективную основу, непосредственно связанную с фактором личности оценивающего субъекта и той сферой деятельности, в рамках которой осуществляется данная оценка. Это во многом объясняет неизбежность существования различий в оценочных подходах, основанных на определённых приоритетах, равно как

и индивидуальных представлениях об онтологии, технологии и общественном предназначении перевода.

Целесообразность обращения к когнитивно-терминологическому аспекту данной проблемы заключается в том, что помещение объекта изучения в более широкие или более узкие рамки позволяет более чётко определить вектор исследования и соответствующую методологию. В свою очередь, выделение деятельностного аспекта оценки качества перевода позволяет принимать во внимание различные ракурсы рассмотрения данной проблемы и видеть определённые закономерности в мотивах и отдельных самостоятельных действиях, обуславливающий конечный результат.

Список литературы

Альбукова О.В. Обзор существующих подходов к проблеме оценки качества перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, Грамота, 2016. № 4 (58) в 3-х ч. Ч. 2. С. 65–69. [Электронный ресурс] // URL: (www.gramota.net/materials/2/2016/4-2/17.html) (дата обращения: 02.11.2023).

Бузаджи Д.М., Гусев В.В., Ланчиков В.К., Псурцев Д.В. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок / под ред. д-ра филол. наук, проф. И.И. Убина. М.: ВЦП, 2009. 120 с.

Ванников Ю.В. Проблемы адекватности перевода: Типы адекватности, виды перевода и переводческой деятельности // Текст и перевод. М.: 1988. С. 34–37.

Виноградов В.С. Романские языки: общие и лексические вопросы: учеб. пособие. 4-е изд. М.: КДУ, 2007. 238 с.

Воронин А.Н. Интеллектуальная деятельность: проявление интеллекта и креативности в реальном взаимодействии // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2006. Т. 3. № 3. С. 35–58.

Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Издательство Московского университета, 2004. 544 с.

Кашкин В.Б. Парадоксы границы в языке и коммуникации (монография). Серия «Аспекты языка и коммуникации». Выпуск 5. Воронеж: Воронежский государственный университет; Издатель О.Ю. Алейников, 2010. 382 с.

Княжева Е.А. Оценка качества перевода: история, теория, практика: монография. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2023. 248 с.

Комиссаров В.Н. Слово о переводе (Очерк лингвистического учения о переводе). М.: Международные отношения, 1973. 216 с.

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 252 с.

Краткий курс по управлению качеством: учебное пособие / Москва: РИПОЛ классик, Окей-книга, 2013. 144 с. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.iprbookshop.ru/73387.html> (дата обращения: 04.12.2023).

Куниловская М.А. Классификация переводческих ошибок и их разметка в brat // Проблемы теории, практики и дидактики перевода: сборник научных трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып. 16. Т. 1. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2013. С. 59–71.

Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.

Письменный перевод. Рекомендации переводчику и заказчику. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.russian-translators.ru/projects/metodologicheskije-rekomendatsii/01/> (дата обращения: 07.11.2023).

Сдобников В.В. Оценка качества перевода (коммуникативно-функциональный подход): монография. М.: Флинта: Наука, 2015. 112 с.

Сдобников В.В. Коммуникативно-функциональный подход к переводу: в защиту здравого смысла // Лингвистика без границ. Сборник статей памяти доктора филологических наук, профессора В.Б. Кашкина / Под ред. К.М. Шилихиной. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016. С. 264–274.

Семко С.А. Лекции по теории перевода // Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып. 5. Нижний Новгород: НГЛУ имени Н.А. Добролюбова, 2005. 136 с.

Убин И.И., Пушинов И.А. Перевод в европейском сообществе: объём перевода и оценка качества перевода. Обзор / под ред. И.И. Убина. М.: Всероссийский центр переводов научно-технической литературы и документации, 2011. 56 с.

Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 280 с.

Gorlee D. (1994) *Semiotics and the Problem of Translation (With Specific Reference to the Semiotics of Charles S.Pierce)*. Amsterdam; Atlanta. 255 p.

House J. (1997) *Translation Quality Assessment: A Model Revisited*. Gunter Narr Verlag. 207 p.

Nida E. (1964) *Towards a Science of Translating*. Leiden. 331 p.

Nord C. (2006) *Loyalty and Fidelity in Specialized Translation*. Artigos e comunicações: Confluências Revista de Tradição Científica e Técnica. Maio. No. 4, pp. 29–41.

Reiß K., Vermeer H. (2013) *Towards a General Theory of Translational Action/ Scopus Theory Explained*. Translated from German by Christiane Nord. — Manchester: St. Jerome Publishing. 221 p.

Savory T. (1957) *The Art of Translation*. London: Johnathan Cape. 159 p.

Selescovitch D., Lederer M.A. (1989) *Systematic Approach to Teaching Interpretation*. — European Communities. 238 p.

Toury G. (1980) *In Search of a Theory of Translation*. Tel-Aviv. 159 p.

References

Al'bukova O.V. (2016) *Obzor sushchestvuyushchih podhodov k probleme ocenki kachestva perevoda = Reviewing existing approaches to the problem of translation quality evaluation*. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, Gramota. No. 4 (58), Vol. 3, part 2, pp. 65–69. Available at: www.gramota.net

gramota.net/materials/2/2016/4-2/17.html (accessed: 02.11.2023) (In Russian).

Buzadzhi D.M., Gusev V.V., Lanchikov V.K., Psurcev D.V. (2009) Novyj vzgljad na klassifikaciju perevodcheskih oshibok / pod red. d-ra filol.nauk, prof. I.I. Ubina = A new approach to the classification of translation errors, ed. By prof. I.I. Ubin, DSc in Philology. Moscow, Russian Translation Centre. 120 p. (In Russian).

Vannikov Ju. V. (1988) Problemy adekvatnosti perevoda: Tipy adekvatnosti, vidy perevoda i perevodchepskoj dejatel'nosti = Translation adequacy issues: types of adequacy, types of translation and translation activities. Text and translation, Moscow, pp. 34–37 (In Russian).

Vinogradov V.S. (2007) Romanskije jazyki: obshhie i leksicheskie voprosy: ucheb.posobie = Roman languages: general and lexical issues: a study guide. 4th edition, Moscow: Knizhnyj dom Universitet. 238 p. (In Russian).

Voronin A.N. (2006) Intellektual'naya deyatelnost': proyavlenie intellekta i kreativnosti v real'nom vzaimodejstvii = Intellectual activity: intelligence and creativity in an actual interaction. Psihologiya. Zhurnal Vysšej shkoly ekonomiki, Vol. 3. No. 3, pp. 35–58 (In Russian).

Garbovskiy N.K. (2004) Teoriya perevoda = Translation theory. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 544 p. (In Russian).

Gorlee D. (1994) Semiotics and the Problem of Translation (With Specific Reference to the Semiotics of Charles S. Peirce). Amsterdam; Atlanta. 255 p.

House J. (1997) Translation Quality Assessment: A Model Revisited. Gunter Narr Verlag. 207 p.

Kashkin V.B. (2010) Paradoksy granicy v yazyke i kommunikacii (monografiya) = Boundary paradox in language and communications (a monograph). Ser. "Aspekty yazyka i kommunikacii", Issue 5, Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet; Izdatel' O.YU. Alejnikov. 382 p. (In Russian).

Knyazheva E.A. (2023) Ocenka kachestva perevoda: istoriya, teoriya, praktika: monografiya = Translation quality evaluation: history, theory, and practice: a monograph. 2nd ed Moscow: Flinta. 248 p. (In Russian).

Komissarov V.N. (1973) Slovo o perevode (Ocherk lingvisticheskogo ucheniya o perevode) = A word about translation (an essay on the linguistic theory of translation). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 216 p. (In Russian).

Komissarov V.N. (1990) Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) = Translation theory (linguistic aspects). Moscow: Vysshaya Shkola. 252 p. (In Russian).

Kratkij kurs po upravleniyu kachestvom: uchebnoe posobie = A brief course in quality management: a study guide. (2013) Moscow: RIPOL klassik, Okejkniga. 144 p. Available at: <https://www.iprbookshop.ru/73387.html> (accessed: 04.12.2023) (In Russian).

Kunilovskaja M.A. (2013) Klassifikacija perevodcheskih oshibok i ih razmetka v brat = Error-based TQA and Error Mark-up in BRAT. Issues of translation theory, practice and didactics. Series "Language. Culture.

Communication”, No. 16, Vol. 1. Nizhniy Novgorod, NGLU, pp. 59–71 (In Russian).

Nelyubin L.L. (2003) *Tolkovyj perevodovedcheskij slovar’* = Translator’s dictionary. 3rd ed. Moscow: Flinta: Nauka. 320 p.

Pis’mennyj perevod. Rekomendacii perevodchiku i zakazchiku = Translation. A guide for translators and their clients. Available at: <https://www.russian-translators.ru/projects/metodologicheskie-rekomendatsii/01/> (accessed: 07.11.2023) (In Russian).

Reiß K., Vermeer H. (2013) *Towards a General Theory of Translational Action/ Scopus Theory Explained*. Translated from German by Christiane Nord. Manchester: St. Jerome Publishing. 221 p.

Savory T. (1957) *The Art of Translation*. London: Johnathan Cape. 159 p.

Sdobnikov V.V. (2015) *Ocenka kachestva perevoda (kommunikativno funkcional’nyj podhod): monografiya* = Translation quality evaluation (a communicative-functional approach): a monograph. Moscow: Flinta: Nauka. 112 p. (In Russian).

Sdobnikov V.V. (2016) *Kommunikativno-funcional’nyj podhod k perevodu: v zashchitu zdravogo smysla* = Communicative-functional approach to translation: on behalf of the common sence. *Linvistika bez granic. Sbornik statej pamyati doktora filologicheskikh nauk, professora V.B. Kashkina*. Pod red. K.M. SHilihinovj. Voronezh: NAUKA-YuNIPRESS, pp. 264–274 (In Russian).

Selescovitch D., Lederer M.A. (1989) *Systematic Approach to Teaching Interpretation*. European Communities. 238 p.

Semko S.A. (2005) *Lekcii po teorii perevoda* = Lectures on translation theory. Ser. “Yazyk. Kul’tura. Kommunikaciya”, Issue 5, Nizhnij Novgorod: NGLU imeni N.A.Dobrolyubova. 136 p. (In Russian).

Shvejcer A.D. (1988) *Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty* = Translation theory: status, issues, aspects. Moscow: Nauka. 280 p. (In Russian).

Nida E. (1964) *Towards a Science of Translating*. Leiden. 331 p.

Nord C. (2006) *Loyalty and Fidelity in Specialized Translation*. *Artigos e comunicações: Confluências Revista de Tradição Científica e Técnica*. Maio. No. 4, pp. 29–41.

Toury G. (1980) *In Search of a Theory of Translation*. Tel-Aviv. 159 p.

Ubin I.I., Pushnov I.A. (2011) *Perevod v evropejskom soobshchestve: ob’yom perevoda i ocenka kachestva perevoda*. *Obzor* = Translation in the European community: the volume of translation and translation quality evaluation. Pod red. I.I. Ubina. Moscow: Vserossijskij centr perevodov nauchno-tekhnicheskoj literatury i dokumentacii. 56 p. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Княжева Елена Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», 304018, г. Воронеж, Университетская площадь, 1; knel@cs.vsu.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5104-1820>; knel@cs.vsu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Yelena A. Knyazheva — Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Associate Professor in the Department of Translation and Professional Communication. Voronezh State University, 1 Universitetskaya pl., Voronezh, 394018, Russia; knel@cs.vsu.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5104-1820>

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81`25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-1-119-142

ПЕРЕВОД КИТАЙСКИХ ТОПОНИМОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК: УЧЁТ СЕМАНТИЧЕСКИХ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ

Анастасия Алексеевна Политова

Институт иностранных языков Сучжоуского университета, КНР

Для контактов: anastasia_politova@mail.ru

Аннотация. Топонимы как разновидность имён собственных являются особым пластом каждого языка, что и обуславливает сложность в выборе способов их перевода на иностранный язык. Анализ способов перевода российских топонимов на китайский язык выявил структурированность и адаптивность китайских правил перевода к семантическим особенностям индивидуализирующих компонентов топонимов, в то время как в российской практике пока нет единства в способах перевода китайских топонимов. На основе результатов сравнения и обобщения китайского опыта перевода топонимов России на китайский язык в данной статье предлагается список правил, при которых китайские топонимы могут быть калькированы с учётом культурно-семантических особенностей их индивидуализирующего компонента. Данные правила способствуют структурированию практики перевода китайских топонимов на русский язык, раскрывают их семантические, географические, природные и культурные особенности, предоставляя носителям языка перевода такой же объём информации о месте, какой имеют носители языка оригинала.

Ключевые слова: топонимы Китая, калькирование, стандартизация, китайско-русский, перевод топонимов

Благодарность. Публикация является промежуточным результатом проводимого в рамках проекта Министерства науки и технологий КНР «Исследование стратегий перевода китайских топонимов на русский язык в рамках проекта по усилению влияния китайской культуры» (QN2022014003L) исследования и выполнена при поддержке программы провинции Цзянсу «Выдающийся постдокторант» (江苏省卓越博士后计划).

Для цитирования: Политова А.А. Перевод китайских топонимов на русский язык: учёт семантических и функциональных особенностей // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2024. № 1. С. 119–142. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-1-119-142

Статья поступила в редакцию 31.12.2023;
одобрена после рецензирования 16.04.2024;
принята к публикации 20.04.2024.

TRANSLATING CHINESE TOPONYMS INTO RUSSIAN IN VIEW OF THEIR SEMANTIC AND FUNCTIONAL CHARACTERISTICS

Anastasia A. Politova

School of Foreign Languages of Soochow University, Suzhou, Jiangsu province,
People's Republic of China

For contacts: anastasia_politova@mail.ru

Abstract. As part of the proper names system, toponyms represent a particular layer of every language that hardens the choice of strategy to translate them into foreign languages. An analysis of the ways of translating Russian toponyms into Chinese has revealed that Chinese translation rules are structured and adaptive to the semantic characteristics of individual components of toponyms. In contrast, the Russian translation practice still needs more unity in translating Chinese toponyms. Based on the results of the comparison and summary of the Chinese experience of translating Russian toponyms into Chinese, the current paper presents rules for applying semantic loaning to the translation of Chinese toponyms with regard to the cultural and semantic characteristics of individual components of toponyms. These rules contribute to structuring the translation of Chinese toponyms into Russian and uncover their semantic, geographical, natural, and cultural characteristics, thus providing speakers of the target language with the same amount of information about a place accessible to the source language speakers.

Keywords: Chinese toponyms, loan translation, standardization, Chinese-Russian, toponyms translation

Acknowledgement. The article is an intermediary result of the research project titled “Study on translation strategies of Chinese toponyms into Russian as a part of the project of strengthening the influence of the Chinese culture” (QN2022014003L) sponsored by the Ministry of Science and Technology of the People's Republic of China and is supported by the Jiangsu Province Outstanding Postdoctoral Fellow program (江苏省卓越博士后计划).

© Politova A.A., 2024

For citation: *Politova A.A.* (2024). Translating Chinese toponyms into Russian in view of their semantic and functional characteristics. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya Perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal*. 1. P. 119–142. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-1-119-142

The article was received on December 31, 2023;
approved after reviewing on April 16, 2024;
accepted for publication on April 20, 2024;

Введение

Географические названия не только выполняют роль указателей и помогают ориентироваться в пространстве, выполняя свою номинативную функцию, но и являются носителями культурной и лингвистической информации, т.е. обладают кумулятивной функцией или, как её ещё называют, сигнификативной (Верещагин, Костомаров, 2005: 98). При этом необходимость раскрытия кумулятивной функции определяется кодифицированностью топонимов. Так, к кодифицированным и закреплённым на государственном уровне топонимам можно отнести названия стран и провинций, дромонимы, астионимы и комонимы. К менее кодифицированным относятся гидронимы, оронимы, спелеонимы, дри-монимы, хоронимы и урбанонимы. У первой группы топонимов семантическая наполненность хоть и присутствует, но вторична перед устоявшимися фонетическими переводами и устоявшейся практикой перевода. Топонимы второй группы в переводе менее кодифицированы, более подвижны. Они являются важной частью общественно-политического дискурса, через который в том числе реализуется выдвинутая в 2013 году задача «Интересно и правдиво рассказывать истории Китая» (讲好中国故事). У большинства топонимов второй группы нет устоявшегося перевода, что оставляет вопрос выбора способа перевода открытым и предоставляет возможность для регламентирования и унификации практики перевода с целью сделать названия мест более прозрачными для носителей языка перевода, другими словами, с целью предоставить носителям языка перевода такой же объём информации о месте, как и носителям языка оригинала. Таким образом, в качестве предмета данного исследования в статье выступают преимущественно топонимы второй группы, которые допускают применение правил калькирования.

Цель данной статьи — на основе структурно-семантических особенностей индивидуализирующих компонентов китайских топонимов и анализа китайской практики перевода топонимов России на китайский язык предложить правила перевода индивидуализирующих компонентов или топоформантов китайских топонимов на русский язык.

Топоформант — это компонент топонима, раскрывающий «природу предмета», характеризующий «объект, к которому относится название» и дающий «первичную информацию о нём», и компонент, выражающий смысловое содержание топонима (Соловьев, 1975: 15–16). Китайские топонимы образуются в строгом соответствии с законами китайского языка, поэтому выделение и калькирование топоформанта, т.е. индивидуализирующего компонента, является первым шагом в создании стандартизированной и структурированной системы топонимов Китая в русском языке. Данные правила способствуют унификации практики перевода топонимов Китая на русский язык, сохраняют номинативную функцию топонимов, раскрывают культурную и природно-географическую уникальность китайской топонимики.

Намеченная цель предполагает решение следующих задач: 1) проанализировать китайские правила использования калькирования при переводе топонимов на китайский язык и привести примеры из практики перевода; 2) на основе семантических и культурных особенностей китайских топонимов предложить правила использования калькирования для перевода китайских топонимов на русский язык; 3) определить роль калькирования в практике перевода китайской топонимики.

В рамках исследования были изучены правила перевода и проанализированы переводы российских топонимов на китайский язык, представленные в китайских учебных пособиях по переводу с китайского на русский, справочниках географических названий и словарях. Анализ выявил, в каких случаях при переводе топонимов России на китайский язык применяется способ калькирования. Затем на основе семантических особенностей индивидуализирующих компонентов топонимов Китая, представленных в научных исследованиях и китайской практике перевода, и с использованием топонимов, отобранных методом целевой выборки из «Словаря географических названий Китайской Народной Республики» (中华人民共和国地名词典) в 19 частях, предлагаются правила калькирования китайских топонимов на русский язык, которые раскрывают заложенные в названиях географические и культурные

особенности места. Предлагаемые правила калькирования могут быть рассмотрены в качестве универсальных, однако на данном этапе исследования применяются лишь к ограниченной группе топонимов.

Общенаучные методы описания и анализа выявили преимущества калькирования для перевода топонимов, а методы семантического анализа, сравнения и индукции позволили разработать рациональные правила калькирования китайских топонимов на русский язык.

Современная практика перевода топонимов

Унифицированный и стандартизированный перевод топонимов, особенно в реалиях глобализации и активного взаимодействия между странами, является важной и крайне сложной задачей. Сложность отчасти связана с дилеммой переводимости и непереводимости топонимов, а также «необходимостью» калькировать или транскрибировать топоним.

Топонимы относятся к прецизионной лексике: при передаче на другой язык они требуют соблюдения точности. Однако необходимость в точности не приравнивается к призыву механической передачи фонетической формы. Один из частых вопросов, который могут задавать себе переводчики при переводе ономастической лексики, в том числе и топонимов: «Какой способ перевода использовать при переводе топонимов?» Ответ на этот вопрос не всегда можно найти в справочниках, так как опыт показывает, что, с одной стороны, у одного и того же китайского топонима может существовать несколько вариантов перевода на русский язык, с другой, всегда встречаются топонимы, которые ещё не переводились на русский язык. В данном случае можно воспользоваться приёмом аналогии, но при этом неизбежно возникают омофоны, которые требуют дальнейшего уточнения их географического положения с указанием уезда, города и провинции.

А.В. Федоров, основывающийся в своих рассуждениях о стратегиях перевода топонимов на уже существующих примерах, указывает на «разрозненность» переводческой практики и объясняет это известностью и значимостью топонимов. Он отмечает, что для перевода названий улиц с чётко выраженным образным значением, местностей и зданий допустимо применение калькирования, а известные оронимы передаются транскрипцией. Однако у данного правила есть исключения: «известные топонимы» переводятся методом калькирования, а топонимы с более узким местным значени-

ем транскрибируются (Федоров, 2002: 177). Про отсутствие чётких правил перевода топонимов говорили С.И. Влахов и С.П. Флорин в своей монографии (Влахов, Флорин, 1980: 217).

На сегодняшний день выделяются три способа перевода имён собственных, разработанные на примерах из языков с алфавитной письменностью: транслитерация, транскрипция и семантическое калькирование. Применительно к китайскому языку, имеющему иероглифическую письменность, уместно будет говорить о транскрибо-транслитерации и семантическом калькировании. Транскрибо-транслитерация¹ позволяет передать звуковой облик иностранного (китайского) слова, а калькирование делает «имена собственные легко запоминаемыми», позволяет понять историю, стоящую за именем/названием, и раскрывает природные и географические особенности определённой местности (Ли Гуйшэн, 1997: 55). Питер Ньюмарк, проанализировав способы перевода имён собственных с разных европейских языков, отметил, что с учётом чувства национального достоинства у представителей наций, растущего интереса людей к другим культурам и учащающихся взаимодействий между культурами имена собственные переводятся преимущественно фонетическим способом с кратким объяснением, что является «оптимальным знаком уважения к иностранным культурам» (Ньюмарк, 2001: 83). При этом семантическое калькирование также считается предпочтительным способом перевода, если название топонима связано с флорой и фауной или отражает природно-географические особенности объекта (Ермоленко, Ибраимова, 2020).

Таким образом, сложившиеся «преференциальность» и «вариативность» при выборе способов перевода, отсутствие на сегодняшний день единых правил перевода китайских топонимов на русский язык, тенденция к использованию транскрибо-транслитерации, опущение культурных и географических особенностей топонимов, отражённых в географических названиях Китая, и стремление к раскрытию доступной на лексическом уровне содержательной

¹ Под термином «транскрибо-транслитерация» в данной статье подразумевается «транскрибирование с элементами транслитерации». Как отмечает Л.С. Бархударов, транскрибирование или транскрипция передаёт звуковую форму слова, а транслитерация — его графическую оболочку (Бархударов, 1975: 97). Говоря о китайском языке, имеющем графическую систему письма, ведущим является способ транскрибирования с небольшим числом исключений, которые передаются способом транслитерация. Это и позволяет говорить о транскрибо-транслитерации или транскрибировании с элементами транслитерации (Дубкова, Колышкина, 2017: 20–24).

части топонимов при сохранении индивидуальности топонимики страны — всё это и обуславливает актуальность данной статьи и важность разработки правил калькирования топонимов Китая на русский.

Перевод топонимов России на китайский язык

Опыт России и Китая в переводе топонимов в языковой паре русский-китайский показывает, что исследователи уже достигли относительного компромисса в переводе топонимов России на китайский язык, закрепив правила и нормы перевода в руководствах и словарях.

Вопросам перевода русских топонимов на китайский язык посвящено ряд научных публикаций (Жаравина, Александрова, 2022; Цзян Сяоцзюнь, 2020; Варакина, Левченко, 2019; Дондокова, 2019). В 1978 году Китай опубликовал «Отчёт о переходе на систему пиньинь при романизации китайских топонимов и о правилах унификации написания» (关于改用汉语拼音方案作为我国人名地名罗马字母拼写法的统一规范的报告), где представлены подробные правила транслитерации китайских топонимов. В 1982 году Комиссия КНР по географическим названиям представила «Общие правила перевода и написания иностранных географических названий на китайском языке» (далее — «Правила»), где даны подробные правила перевода топонимов с русского, английского, французского, испанского и арабского языков на китайский язык. В «Правилах» предпочтение отдаётся транскрипто-транслитерации. При этом требуется сохранять уже устоявшиеся переводы и применять способ калькирования в шести случаях:

1) топоним отражает географические особенности или указывает местоположение: *Минеральные воды* / 矿水城, *Ростов-на-Дону* / 顿河畔罗斯托夫;

2) в географическом названии используется имя известного человека и/или титул: *залив Петра Великого* / 彼得大帝湾;

3) в топонимах на исходном языке (ИЯ) заложен определённый смысл, передача его способом транскрибирования² приведёт к слишком длинному названию в языке перевода (ПЯ): *Октябрьский канал* / 十月运河, *остров Октябрьской Революции* / 十月革命岛;

4) в топонимах присутствуют числа или даты: *12 лет Октября* / 十月革命十二周年镇, *Три Озера* / 三湖镇;

² Здесь использован данный термин ввиду того, что в оригинале указано 音译 [yīnyì].

5) на другие мировые языки топоним передаётся способом калькирования;

6) в топониме присутствуют определения — слова, обозначающие части света (северный, восточный), размер (большой, малый), цвет (красный, чёрный), положение (нижний, верхний), время (новый, старый) и т.д.: *Северный Кавказ* / 北高加索, *Западный Берёзовый* / 西别廖佐维岛, *Восточный Зугмар* / 东祖格马拉河, *Южно-Сахалинск* / 南萨哈林斯克 (市), *Юго-Конево* / 南科涅沃 (镇), *Красный окуль* / 红奥昆湖, *Новый Оскол* / 新奥斯科尔 (市), *Нижняя Ларба* / 下拉尔巴河, *Верхняя Панзыревка* / 上潘济列夫卡河, *Верхняя Теря* / 上捷里亚河, *Северо-Восточный мыс* / 东北角 и другие³.

Анализ правил калькирования и переводов топонимов России выявил не только то, что при переводе российских топонимов на китайский язык используются разные способы перевода, но и то, что перевод осуществляется с учётом структурных и семантических особенностей топонимов России: родовое слово всегда калькируется и передаётся эквивалентом китайского языка (см. Политова, 2022), например, *Западный Берёзовый (остров)* / 西别廖佐维岛, (*река*) *Нижняя Ларба* / 下拉尔巴河, *залив Петра Великого* / 彼得大帝湾, а индивидуализирующий компонент передаётся тремя разными способами: смешанным (*Верхняя Теря* / 上捷里亚河⁴), полностью калькируется (*Октябрьский канал* / 十月运河) или полностью подвергается транскрипто-транслитерации (р. *Агул* / 阿古尔河).

Калькирование в переводе топонимов Китая на русский язык

Согласно скопос-теории Х. Фермеера и К. Райс, цель перевода обуславливает выбор способа перевода. Транскрипто-транслитерация позволяет точнее идентифицировать нужный объект на местности, т.к. передаёт фонетическую оболочку топонима с соблюдением всех его фонологических особенностей (Ермолович, 2001: 19). Такой способ перевода подходит для составления картографических справочников. Так, в 1983 году Главное управление геодезии и картографии при Совете министров СССР выпустило «Инструкцию по русской передаче географических названий Ки-

³ Исключения для калькирования взяты из «Общих правил перевода и написания иностранных географических названий на китайском языке» (1982), примеры подобраны автором с переводами из (Чжоу Цзюньин, 2003).

⁴ Подчёркнутая часть калькируется, а выделенная жирным шрифтом транскрипто-транслитерируется, но оба слова входят в состав индивидуализирующего компонента гидронима «р. Верхняя Теря».

тая», в которой прописаны правила передачи китайских топонимов на русский язык. Однако, «механическая транслитерация» не может гарантировать передачу «содержательных элементов структуры», а «задача переводчика — в каждом конкретном случае выявить эти элементы и попытаться донести их до читателя» (Ермолович, 1981: 71).

Транскрипто-транслитерация, передавая фонетическую форму топонима, делает внутреннюю форму, понятную для носителя языка оригинала, непрозрачной для адресата перевода, что лишает топоним в языке перевода семантической наполненности. При этом и калькирование не может служить универсальным способом перевода топонимов ввиду их первостепенных функций — номинативной и указательной. Однако, даже выполняя функцию географических «меток»⁵, китайские топонимы могут представлять собой «топонимы-описания», название которых основываются на одном из множества признаков объекта, который в момент называния «представляется для именующих наиболее важным, а быть может, и единственным, заслуживающим, с их точки зрения, внимания» (Суперанская, 1985: 38). Например, из названия топонима носители китайского языка понимают особенность географического места: 天门山 / гора Небесные врата — ороним с естественной аркой в скале, 九寨沟 / Долина девяти сёл — долина, вдоль которой расположено девять поселений, 珠江 / Жемчужная река, названная так по одной из легенд, обе из которых указывают на наличие драгоценной жемчужины, которая при падении в воду увеличилась до огромных размеров (Сыту Шанцзи, 2009: 2–3). Таким образом, чтобы не терять этих особенностей, в ряде случаев можно прибегать к полному или частичному калькированию для предоставления носителям языка перевода возможности получить такой же объём информации о данном топониме, который доступен носителям китайского языка, тем самым, эффективнее воздействовать на адресата и создать более понятную и лёгкую для запоминания систему топонимов Китая в русскоязычном пространстве.

На основе предложенных в 1982 году Комиссией КНР по географическим названиям «Правил» проанализируем семантические особенности индивидуализирующих компонентов китайских топонимов и рассмотрим возможности их калькирования с учётом входящих в их состав компонентов и этимологии названия. Как отме-

⁵ Здесь «метка» не имеет в виду понятие А.В. Суперанской «топоним-метка», а лишь указывает на номинативную, навигационную роль топонима.

чает Ван Ляньцзэнь (2020), китайские топонимы, «имеющие явный смысл», следует передавать калькированием. Тем не менее, практика перевода показывает: 1) географические особенности китайской топонимики на русском языке не всегда раскрываются; 2) применяются разные способы перевода: 黄河 / река Хуанхэ⁶ и Жёлтая река Хуанхэ⁷. При этом перевод-калька гидронима 黄河 / Жёлтая река представлен в качестве общепринятого перевода в «Большом русско-китайском словаре» (2001). На английский и французский языки 黄河 по-прежнему переводится как *Yellow River* или *le fleuve Jaune* (Фань Шаочжун, 2002; Дай Вэйдун, 2015; Хуан Цзяньхуа, 2014; У Гуанхуа, 2010; Яо Сяопин, 2009) с указанием транскрипто-транслитерации в некоторых словарях (Дай Вэйдун, 2015; У Гуанхуа, 2010; Яо Сяопин, 2009).

Прилагательное 黄 / жёлтый входит в состав ещё нескольких гидронимов и оронимов Китая: 黄海 [huánghǎi], 黄河 [huánghé], 黄土高原 [huángtǔ gāoyuán] и 黄山 [huánghān]. Среди них 黄海 в словарях и учебных пособиях переводится как *Жёлтое море* («Большой русско-китайский словарь», 2001; Ху Гумин, 2010: 46), 黄土高原 — *Лёссовое плато* («Большой русско-китайский словарь», 2001). При этом, 黄山 является «ложным другом переводчика». Прилагательное 黄 / жёлтый в 黄山 указывает не на географическую особенность, а на легендарного правителя Китая Хуан-ди, который, согласно легенде, вместе со своими двумя подчиненными провел в *горах И* или *Чёрных горах* / 黟山⁸ более десяти лет, чтобы приготовить пилюлю Бессмертия (Сяо Лэй, Хэ Жуи, 2005: 230). Следовательно, ввиду исторического контекста и сохранения культурной коннотации идентифицирующий компонент этого оронима следует транскрипто-транслитерировать⁹, что подчёркивает его уникаль-

⁶ Гидроузел Саньмэнься на реке Хуанхэ [электронный ресурс] // CGTN, 2022. URL: <https://russian.cgtm.com/t/BfjIA-BcA-CAA/EfabEA/index.html> (дата обращения: 20.12.2023).

⁷ Жёлтая река Хуанхэ: колыбель китайской цивилизации [электронный ресурс] // CGTN, 2022. URL: <https://russian.cgtm.com/news/2022-10-02/1576583718866485249/index.html> (дата обращения: 20.12.2023).

⁸ Название гор Хуан в династию Цинь.

⁹ При переводе на английский язык используется такая же практика: 黄山 транскрипто-транслитерируется как Mount Huang (Дай Вэйдун, 2015), транскрипто-транслитерируется с пояснением Mount Huang (in Anhui Province) (У Гуанхуа, 2010; Яо Сяопин, 2009) или передаётся смешанным способом с калькированием родового слова и транскрипто-транслитерацией всего топонима Huangshan Mountain (Дай Вэйдун, 2015; Фань Шаочжун, 2002).

ность и выделяет из числа топонимов, обозначающих географические особенности.

Анализ топонимов с компонентом 黃 и их переводов показал, что калькирование гидронима 黄河 не только унифицирует переводы топонимов с данным компонентом и делает их более узнаваемыми на разных языках, но и подчёркивает географические и культурные особенности Китая. Отсюда вытекает первое правило применения семантического калькирования: топонимы, в состав которых входят иероглифы, обозначающие цвет, передаются способом калькирования, например, 紫金山 / Пурпурно-золотистая гора, 黄岩岛 / остров Жёлтой скалы, 白沙湖 / озеро Белые пески, 白沙岛 / остров Белые пески, 黑河 / Чёрная река и др.

Среди китайских топонимов также имеются топонимы с числительными. Например, 九寨沟 / Долина девяти деревень или сел, 五台山 / гора Пяти пиков, 九顶山 / гора Девяти вершин, 三江平原 / Равнина трёх рек или Сунгарийская равнина, 第二广场 / Вторая площадь и др. Калькирование данных топонимов делает их более понятными для носителей языка перевода, облегчает процесс запоминания названий географических объектов Китая и повышает туристическую привлекательность мест. При этом под данное правило не попадают названия провинций и городов, входящие в состав выделенной нами первой группы, например, 四川省 / провинция Сычуань.

Калькирование также может быть применимо к топонимам, отражающим внешние признаки географических объектов Китая, географические характеристики или особенности флоры и фауны. Например, 龟山 / Черепаший гора, 珠江 / Жемчужная река, 天门山 / гора Небесные врата и др. При этом, для некоторых гидронимов и оронимов калька не рекомендована, так как она приведёт к созданию ошибочного образа в языке перевода. Так, 金鸡湖 лучше перевести способом транскрипто-транслитерации как озеро Цзиньцзи, а не озеро Золотого петуха / фазана, т.к. своё название озеро получило, по одной версии, по фонетическому подобию с 金镜湖 [jīnjìnghú] / озеро с золотой поверхностью (Ши Сяопин, 2015: 160). А по двум другим, название основывается на легендах. Согласно одной из легенд, своё название озеро получило в честь мифического золотого петуха, который спустился на плывущую по озеру лодку, перевозящую рис. По другой легенде, озеро было названо в честь несчастной дочери правителя Царства У Фучая, которая, узнав, что её отец хочет откупиться ею от Царства Юэ, бросилась в воду. Озеро называли в её честь 琼姬湖 [qióngjīhú], а уже

позже из-за диалектных особенностей произношения озеро получило своё современное название (Юань Хэнлэй, 2021: 24). Таким образом, рассмотренные версии происхождения названия озера Цзинцзи говорят о необходимости проверять источники перед тем, как калькировать топонимы, которые, при буквальном истолковании иероглифов, выражают географические характеристики или особенности флоры и фауны.

В современном китайском языке много и топонимов, в состав которых входят стороны света. Стороны света, как и числа, входят в число переводимой лексики, имеющей точные эквиваленты, поэтому индивидуализирующие компоненты, состоящие из обозначающих стороны света слов или включающие такие слова, попадают под критерий частичного или полного семантического калькирования. Например, 南溪 / Южный ручей, 西湖 / Западное озеро¹⁰, 北海 / Северное озеро¹¹, 华北平原 / Северо-Китайская равнина, 东北平原 / Северо-Восточная равнина, 西四环北路 / Северная улица западного четвёртого кольца, 小北街 / Малая Северная улица и др. При этом стороны света, входящие в состав ойконимов, следует передавать транскрибно-транслитерацией, как это уже принято в переводах многих ойконимов: 山东省 / провинция Шаньдун, 南京 / г. Нанкин, 西安 / г. Сиань, 屏南县 / уезд Пиннань, 南安县 / уезд Наньань, 东沙群岛 / Острова Пратас¹² и др. Транскрибно-транслитерации подлежат и индивидуализирующие компоненты, в которых слово, обозначающее сторону света, стоит на втором или третьем месте и входит в смысловую часть названия (江南山 / гора Цзяннань, 海南岛 / остров Хайнань), а не просто указывает на ответвление улицы, как в ур-

¹⁰ Стоит отметить, что на английский 西湖 переводится как (*the*) West Lake (Дай Вэйдун, 2015; Яо Сяопин, 2009), а на французский — lac de l'Ouest (Хуан Цзяньхуа, 2014).

¹¹ В гидрониме 北海 в качестве родового слова выступает 海 [hǎi], которое имеет два значения «море» и «река» (Люй Чанфэн, 2012: 49). В обиходе 北海 вместе с 中海 [zhōnghǎi] и 南海 [nánhǎi], расположенными у южной стороны Запретного города в Пекине, называют «тремя морями Пекина», но на самом деле эти три водоёма — это рукотворные водные объекты. 北海, расположенный на северо-западной стороне Запретного города, изначально, когда его только выкопали во времена династии Цзинь в 1179 г., назывался 西华潭 / водоём Сихуа, затем в династию Юань, когда у власти находились монголы, его переименовали в 太液池 / водоём Тайе, своё современное название он получил только во времена династии Мин с целью унификации с гидронимами 中海 и 南海 (Лю Хуасюнь, 1990: 1). Таким образом, автор считает, что перевод «Северное озеро» раскрывает культурно-семантические особенности этого гидронима.

¹² Данный перевод относится к числу устойчивых переводов, поэтому следует придерживаться уже устоявшегося перевода.

банонимах, например, 南京西路 / *Нанкинская западная улица*, т.е. западная часть известной Нанкинской улицы в Шанхай, 南园北路 / *Северная улица Южного парка* и др.

Способ калькирования может быть применён также к топонимам, в состав которых входят гидронимы, оронимы, годонимы и другие типы топонимов. Такой способ перевода адаптирует разные типы урбанонимов к реалиям русского языка, а не просто через транскрипто-транслитерацию переносит их звуковую форму. Например, 南京街 / *Нанкинская улица*, 北京西路 / *Пекинская западная улица*, 长安街 / *Чанъаньская улица* в Пекине и Сиане, 北河胡同 / *переулок Северной реки*, 长江路 / *улица Янцзы*, 东湖路 / *улица Восточного озера*, 金沙江路 / *улица р. Цзиньша* и др. Калькирование таких типов топонимов позволяет раскрыть их географические особенности, а также унифицирует правила перевода топонимов Китая и России. На сегодняшний день большое число схожих топонимов России на китайский язык передаются способами полного или частичного калькирования: *Присухонье* / *Сухэна* 苏霍纳河沿岸地区, *Приуралье* / *Урал* 乌拉尔山脉西麓地区, *Причудье* / *Чэньдэ* 楚德湖沿岸地区 и др. (Чжоу Цзюньин, 2003).

Немало в Китае и топонимов, которые берут своё название от находящихся в прямой доступности объектов (Балашова, 2017: 32; Коган, Ли, 2018: 88). Калькирование таких агоронимов и годонимов позволяет актуализировать лингвокультурный компонент исходного слова. Например, 育婴堂路 / *улица Сиротского дома*, 医院路 / *Больничная улица*, 普度寺西巷 / *Западный переулок Храма всеобщего спасения*, 茶店子路 / *Чайная улица* или *улица Чайных*, 豫园路 / *Улица парка Ю (Счастья)*, 砖塔胡同 / *переулок Кирпичной пагоды* и др.

Калькированию могут подлежать и топонимы, в название которых входит род занятия или еда. Данная группа топонимов, преимущественно урбанонимов, «эксплицирует некоторые особенности духовной и материальной жизни населений определённой территории» (Ильин, 2016: 152), а калькирование раскрывает их уникальность, повышает привлекательность городских улиц для туристов и воссоздаёт богатый мир культуры Китая в русскоязычном пространстве. Например, 烟袋斜街 / *боковая улица Курительных трубок*, 干面胡同 / *Лапшичный переулок*, 筷子街 / *улица Палочек*, 柿子巷 / *Хурмовый переулок* и др.

К случаям калькирования также могут быть отнесены топонимы, в состав которых входят описательные слова типа *новый/старый, малый/большой, нижний/средний или центральный/верхний, при-/за-/вдоль* и другие. Практика Китая в переводе

российских топонимов на китайский язык показывает, что топонимы переводятся посредством тщательного анализа семантической структуры топонимов: ойконимы *Малые Соли* / 小索利, *Маломечетный* / 小梅切特内, *Нижняя Ларба* / 下拉尔巴河, *Нижекамск* / 下卡姆斯克, Старая *Тараба* / 旧塔拉巴, *Заочье* / 外奥卡河地区, *Приленье* / 勒拿河沿岸地区, *Прибайкальский район* / 贝加尔湖沿岸区; гидронимы *Малое Миассово* / 小米阿索沃湖, *Большая Варзуга* / 大瓦尔祖加河, *Новый Терек* / 新捷列克河, *Средняя Ирель* / 中伊列利河; оронимы *Малый Аннгачак* / 小安加恰克山, *Высокая Парма* / 上帕尔马高原, инсулоним *Малый Бегичев* / 小别吉切夫岛 и др. Удачная практика ассимиляции российских топонимов в китайском языке позволяет применить её и к переводу топонимов Китая на русский язык: *小北街* / *Малая Северная улица*¹³, *小红星路* / *улица Малая красная звезда*, *新北公路* / *Новая северная автомагистраль*, *新业二街* / *Вторая новопромышленная улица*, *大东街道* / *Большая восточная улица*, *古中市街* / *Старая центральная улица* и др.

Приём семантического калькирования также целесообразно использовать для так называемых топонимов-пожеланий, «которые констатируют возвышенную идею», и топонимов-тотемов, в состав которых входят названия фольклорных животных, обозначающие силу и защищающие места от злых духов (Суперанская, 1985: 42; Глазачева, 2010). Раскрытие таких культурных коннотаций раскрывает ценности китайского народа и национально-культурное содержание, а также показывает сходства с топонимикой других стран. Например, к топонимам-пожеланиям можно отнести: *万寿山* / *гора Долголетия*, *平安巷 (里)* / *переулок (проулок) Благополучия*, *和平街* / *улица Мира*, *吉兆街* / *улица Счастья*, *国旺胡同* / *переулок Процветания страны*, *创新路* / *улица Инноваций*, *安康路* / *улица Благоденствия* и др.; к топонимам-тотемам: *龙穴山* / *гора Логово дракона*, *龙门塔* и *龙门峡* / *пагода и ущелье Ворота дракона*, *老龙湾* / *залив Старый дракон*, *龙泉* / *Драконий источник*, *虎丘* / *холм Тигра*, *虎跑泉* / *источник Бегущий тигр*, *虎跳峡* / *ущелье Прыжок тигра*, *黑虎泉* / *источник Чёрный тигр*¹⁴ и др. При этом данное правило не должно применяться к топонимам с уже устоявшимися перево-

¹³ Данный тип топонимов схож с топонимами России — *Малая Нева* / 小涅瓦河, *Малая Мойка* / 小莫伊卡, *Малая Морская улица* / 小海街 и др.

¹⁴ В данной категории следует отменить необходимость перевода туристического ойконима *凤凰古镇* транскрипто-транслитерацией, т.е. как древний город Фэнхуан, ввиду многогранности понятия *凤凰* [fènghuáng] в китайской культуре и отличия китайского феникса от феникса русской культуры (Сомкина, 2008).

дами и топонимам с ярко выраженной номинативной функцией. Например, 黑龙江省 / провинция Хэйлуцзян, 黑龙江 / река Хэйлун (Чёрный дракон)¹⁵ и др.

Калькирование раскрывает культурно-семантические особенности топонимов, однако экспликации подлежат только те значения, которые несут сравнительно существенную информацию. В случае если перевод не несёт особо важной коммуникативной задачи, как например, в топонимах 滴水街 / улица Капающей воды, 金鱼胡同 / переулок Золотой рыбы, то предпочтительнее будет транскрибно-транслитерировать топоним для предотвращения ошибочной передачи семантического содержания и культурной коннотации. К примеру, 金鱼胡同 не связан с разведением золотых рыбок, которые часто встречаются в парках Китая. В древности в этом районе располагались лавки с золотыми и серебряными украшениями, в связи с чем изначально переулок носил название 金银胡同 / переулок золота и серебра, но из-за особенностей произношения впоследствии название переулочка преобразовалось в 金鱼胡同, что также можно объяснить как «переулок богатства», ведь в Китае золотая рыба является символом богатства и процветания.

Таким образом, рассмотренные выше случаи показывают, что использование калькирования при переводе китайских топонимов на русский язык не только сокращает число межъязыковых заимствований в русском языке за счёт перевода слов, которые имеют точные и устоявшиеся эквиваленты в русском языке, но и передаёт на русский язык доступную для носителей китайского языка культурно-семантическую информацию о топониме. Из рассмотренных выше примеров можно сформулировать следующие правила применения калькирования при переводе топонимов Китая на русский язык:

1) в состав топонима входит компонент цвета: 黄河 / Жёлтая река, 紫金山 / Пурпурно-золотистая гора, 黑河 / Чёрная река;

¹⁵ С целью избежания путаницы следует придерживаться уже устоявшихся вариантов перевода. Так, название реки принято переводить транскрибно-транслитерацией, при этом в туристическом контексте с целью привлечения внимания и раскрытия национально-культурного содержания в скобках можно указать кальку топонима, которая отражает происхождение названия топонима согласно одной из легенд. Кроме того, в случаях, когда у малоизвестного топонима ещё нет закреплённого перевода, но его структура совпадает со структурой топонима, для которого существует транскрибно-транслитерация, следует применять кальку и по необходимости указывать транскрибно-транслитерацию в скобках, например, 黑龙潭 / пруд Чёрный дракон (пруд Хэйлун).

2) в состав топонима входят стороны света: 西湖 / *Западное озеро*, 东北平原 / *Северо-Восточная равнина*, 小北街 / *Малая Северная улица*;

3) в состав топонима входят числительные: 九寨沟 / *Долина девяти сёл*, 五台山 / *гора Пяти пиков*;

4) в состав топонима входят слова, отражающие внешние или природные признаки объектов: 龟山 / *Черепашья гора*, 天门山 / *гора Небесные врата*;

5) в состав топонима входят другие виды топонимов: 长江路 / *улица Янцзы*, 东湖路 / *улица Восточного озера*, 北京西路 / *Пекинская западная улица*;

6) в состав топонима входит находящийся рядом объект: 医院路 / *Больничная улица*, 茶店子路 / *Чайная улица* или *улица Чайных*;

7) в состав топонима входит род занятия или блюда: 干面胡同 / *Лапшичный переулок*, 筷子街 / *улица Палочек*;

8) в состав топонима входит описательное слово типа новый и малый / большой и др.: 小北街 / *Малая Северная улица*, 新业二街 / *Вторая новопромышленная улица*, 大东街道 / *Большая восточная улица*;

9) в состав топонима входят пожелания китайского народа и названия символов: 万寿山 / *гора Долголетия*, 和平街 / *Улица мира*, 龙门峡 / *ущелье Ворота дракона*, 虎丘 / *холм Тигра*, но 凤凰古镇 / *древний город Фэнхуан*.

Выводы

На сегодняшний день перевод китайских топонимов в основном осуществляется преимущественно с помощью транскрипто-транслитерации без учёта уже существующих переводов, практики перевода на английский язык и семантических особенностей индивидуализирующего компонента. Однако, проведённый анализ способов применения калькирования для перевода топонимов с иностранного языка на китайский показал, что калькирование — приемлемый и распространённый способ перевода такого особого пласта лексики как топонимов.

Разделив топонимы на две группы по степени кодифицированности, мы выдвинули идею, что при переводе гидронимов, оронимов, спелеонимов, дримонимов, хоронимов и урбанонимов в рамках скопос-теории возможно использование калькирования. Данная статья на основе анализа перевода топонимов с китайского на русский и с русского на китайский предлагает список случаев,

при которых часть или весь индивидуализирующий компонент топонимов Китая подлежат калькированию. Предложенные правила, с одной стороны, сохраняют фонетические особенности индивидуализирующих компонентов топонимов, а с другой стороны, способствуют созданию в языке перевода единую систему китайских топонимов. Применение калькирования, во-первых, сокращает число фонетических заимствований в русском языке; во-вторых, раскрывает семантические особенности китайских топонимов; и в-третьих, раскрывает географические, природные и культурные особенности топонимов Китая, т.е. задействует кумулятивную функцию китайских топонимов.

Предложенные правила способствуют улучшению качества и эффективности взаимодействия народов России и Китая, стандартизации способов перевода, что позволяет достичь точности при переводе топонимов и создать структурированную систему топонимов Китая в русскоязычном пространстве, а также стимулируют более глубокое понимание стран и культур друг друга. При этом правила требуют от исследователей и переводчиков тесного взаимодействия для более тщательного изучения и разработки справочника переводов топонимов Китая на русский язык. Результаты данного исследования являются промежуточным шагом к разработке стандартизированных и единых правил перевода топонимов Китая. Следующим шагом в решении данного вопроса может стать более детальный анализ способов перевода отдельных категорий топонимов на русский язык и изучение этимологии названий.

Список литературы

Балашова В.П. Состав топонимической системы годонимов и аспекты её трансформации (на материале сравнительного анализа годонимов Москвы и Пекина) // Материалы Международной научной конференции «Готлибовские чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в контексте глобального развития». Иркутск. ФГБОУ ВО «ИГУ». 18–20.10.2017. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. С. 29–34.

Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975.

Большой китайско-французский словарь / гл. ред. Хуан Цзяньхуа. Пекин: Изд-во «Преподавание и исследование иностранных языков» (Вайю цяосюэ юй яньцзю чубаньшэ), 2014.

Большой русско-китайский словарь (исп. и доп.) / под. ред. Института словарей Исследовательского центра русского языка и литературы Хэйлунцзянского университета. Пекин: Коммерческое изд-во (Шанъу иньшугуань), 2001.

Ван Ляньцзэн. Перевод имён собственных с русского на китайский язык (на материале перевода повести О. Мандельштама «Египетская марка») // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 2 (4). С. 57–65.

Варакина М.И., Левченко Я.А. Анализ перевода топонимов, антропонимов и реалий с русского на китайский языке (на материале исторических текстов) // Материалы международной научно-практической конференции «70 лет дружбы и сотрудничества». Чита. Забайкальский государственный университет. 18.10.2019. Чита: Изд-во Забайкальский государственный университет, 2019. С. 126–130.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Индрик, 2005.

Влахос С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980.

Глазачева Н.Л. Культурные особенности китайских топонимов как отражение национальной концептосферы // Краеведение Приамурья, 2010. № 4 (13). С. 35–44.

Дондокова М.Ю. К проблеме единообразия перевода топонимов с русского на китайский язык // Тезисы докладов международной конференции «Китайская лингвистика и синология». Москва. Российский государственный гуманитарный университет. 03–05.10.2019. М.: Изд-во РГГУ, 2019. С. 59–62.

Дубкова О.В., Кольшикина С.С. Теория и практика перевода иностранных текстов: восточные языки. Новосибирск: Новосибирский гос. технический ун-т, 2017.

Ермоленко О.В., Ибраимова А.Э. Топонимическая лексика Канады: особенности перевода гидронимов (на примере географических названий провинции Альберта) // Материалы IV международной научно-практической конференции «Переводческий дискурс: междисциплинарный подход». Симферополь. 23–25.04.2020. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2020. С. 91–97.

Ермолович Д.И. К вопросу о раскрытии содержательной структуры имён собственных в переводе // Тетради переводчика: Вып. 18 / под ред. Л.С. Бархударова. М: Международные отношения, 1981. С. 64–77.

Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Р.Валент, 2001.

Жаравина В.Д., Александрова Д.В. Специфика перевода топонимов с русского языка на китайский (на материале туристических рекламных брошюр) // Сборник научных статей конференции «Креативная лингвистика». Астрахань: Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева, 2022. С. 100–104.

Инструкция по русской передаче географических названий Китая / сост. Я.А. Миропольский; ред. Г.Е. Тихонова. М.: Наука, 1983.

Ильин Д.Ю. Региональные топонимические названия в туристическом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание, 2016. № 15 (4). С. 152–158.

Китайско-английский словарь (3-е изд.) / гл. ред. Яо Сяопин. Пекин: Изд-во «Преподавание и исследование иностранных языков» (Вайю цзяоюэ юй яньцзю чубаньшэ), 2009.

Китайско-английский словарь новой эпохи / гл. ред. Фань Шаочжун. Пекин: Коммерческое изд-во (Шаньгу иньшугуань), 2002.

Китайско-английский энциклопедический словарь нового века / гл. ред. Дай Вэйдун. Шанхай: Шанхайское изд-во «Обучение иностранным языкам» (Шанхай вайюу цзяюу чубаньшэ), 2015.

Коган Е.С., Ли Мо. Годонимия Шанхая как средство создания образа города: история и современность // Научный диалог, 2018. № 12. С. 85–94.

Ли Гуйшэн. О переводе имён собственных // Журнал Чанчжоуского педагогического технического университета, 1997. № 1. С. 54–59.

Люй Чанфэн. Система имён собственных в китайском языке и иерархическое распределение имён собственных в этой системе: дис. ... канд. фил. наук. Тяньцзин: Нанькайский университет, 2012.

Лю Хуасюнь. Словарь знаменитых озер Китая. Пекин: Китайское туристическое изд-во (Чжунго лююу чубаньшэ), 1990.

Мифы Китая (Ч. 2) / сост. Сяо Лэй, Хэ Жуй. Хух-хото: Изд-во «Далекый край» (Юаньфан чубаньшэ), 2005.

Новейшие таблицы способов транслитерации с английского, французского, немецкого, испанского, русского и арабского на китайский язык. Общие правила перевода и написания иностранных географических названий на китайском языке / Комиссия КНР по географическим названиям, 1982.

Новый русско-китайский справочник географических названий России / сост. и пер. Чжоу Цзюньин, ред. Ли Е. Пекин: Коммерческое изд-во (Шаньгу иньшугуань), 2003.

Ньюмарк П. Подходы к переводу. Шанхай: Шанхайское изд-во «Обучение иностранным языкам» (Шанхай вайюу цзяюу чубаньшэ), 2001.

Отчёт о переходе на систему пиньинь при романизации китайских топонимов и о правилах унификации написания: док. Госсовета КНР / Комитет КНР по вопросам реформы китайской письменности, 1978.

Политова А.А. Унификация перевода китайских топонимов на русский язык с учётом их структурных особенностей // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2022. № 4. С. 79–98.

Соловьев Ф.В. Словарь китайских топонимов на территории советского Дальнего Востока / отв. ред. Ю.А. Сем; АН СССР, Дальневосточный научный центр, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Владивосток: [б. и.], 1975.

Сомкина Н.А. Историческая морфология китайского феникса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература, 2008. № 4-2. С. 288–292.

Суперанская А.В. Что такое топонимика. М.: Наука, 1985.

Сыту Шанци. История Жемчужной реки (кит. Чжуцзян). Баодин: Изд-во Хэбэйского университета (Хэбэй дасюэ чубаньшэ), 2009.

У Гуанхуа. Большой китайско-английский словарь. Шанхай: Шанхайское издательство переводов (Шанхай ивэнь чубаньшэ), 2010.

Федоров А. В. Основы общей теории перевода (5-е изд.). М.: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002.

Цзян Сяоцзюнь. Немного о переводе топонимов из русских технических документов по железнодорожным проектам // Журнал «Топонимика Китая», 2020. № 5. С. 18–19.

Ху Гумин. Учебное пособие по китайско-русскому переводу (5-е изд.). Шанхай: Шанхайское изд-во «Обучение иностранным языкам» (Шанхай вайюй цзяюй чубаньшэ), 2010.

Ши Сяопин. О городских воротах и городской стене Сучжоу. Сучжоу: изд-во «Гувусюань» (Гувусюань чубаньшэ), 2015.

Юань Хэнлэй. Каждая капля воды — это улыбка реки. Наньчан: Изд-во «Образование Цзянси» (Цзянси цзяюй чубаньшэ), 2021.

References

Balashova V.P. (2017) Sostav toponimicheskoy sistemy godonimov i aspekty yeye transformatsii (na materiale sravnitel'nogo analiza godonimov Moskvyy i Pekina) = The structure and transformation peculiarities of the toponymical system of hodonyms (the comparative analysis of the hodonyms of Moscow and Beijing). Materials of the International Scientific Conference "Gottlieb Readings: Asia-Pacific Region in the Context of Global Development". Irkutsk: Irkutsk St. Univ. Publ., pp. 29–34 (In Russian).

Barhudarov L.S. (1975) Yazyk i perevod = Language and Translation. Moscow: International Relations Publ. (In Russian).

汉法大词典 (2014) / 黄建华主编. 北京: 外语教学与研究出版社.

Bol'shoj kitajsko-francuzskij slovar' (2014) = Big Chinese-French Dictionary, pod. red. Huang Jianhua. Beijing: Prepodavaniye i issledovaniye inostrannykh yazykov Publ. (Waiyu jiaoxue yu jiaoyu chubanshe) (In Chinese).

大俄汉词典 (修订版) (2001) / 黑龙江大学俄语语言文学研究中心辞书研究所编. 北京: 商务印书馆.

Bol'shoj russko-kitajskij slovar' (isp. i dop.) (2001) = Big Russian-Chinese Dictionary (Revised edition), pod red. Instituta slovorej Issledovatel'skogo centra russkogo yazyka i literatury Hejlunczyanskogo universiteta. Beijing: Kommercheskoe izd-vo (Shangwu yinshuguan) (In Chinese).

Dondokova M. YU. K probleme yedinoobraziya perevoda toponimov s russkogo na kitayskiy yazyk [On the problem of unity of translation of toponyms from Russian into Chinese]. Tezisy dokladov mezhdunarodnoy konferentsii "Kitayskaya lingvistika i sinologiya". Moscow: Russian St. Humanities Univ. Publ., 2019, pp. 59–62 (In Russian).

Dubkova O.V., Kolyshkina S.S. (2017) Teoriya i praktika perevoda inostrannykh tekstov: vostochnyye yazyki = Theory and practice of translation of foreign texts: Oriental languages. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical Univ. Publ. (In Russian).

Ermolenko O.V., Ibraimova A.E. (2020) Toponimicheskaya leksika Kanady: osobennosti perevoda gidronimov (na primere geograficheskikh nazvaniy provintsii Alberta) = Canada Toponyms — peculiarities of hydronyms translation (based on geographical names of Alberta province). Materials of the V International Scientific Conference “Translation discourse: interdisciplinary approach”. Simferopol: LLC Arial Printing House Publ., pp. 91–97 (In Russian).

Ermolovich D.I. (1981) K voprosu o raskrytii sodержatel'noy struktury imen sobstvennykh v perevode = On the question of revealing the content structure of proper names in translation. In *Translator's notebooks*: Vol. 18 pod. red. L.S. Barhudarov. Moscow: International Relations Publ., pp. 64–77 (In Russian).

Ermolovich D.I. (2001) Imena sobstvennyye na styke yazykov i kul'tur = Proper names at the intersection of languages and cultures. Moscow: Izd. R.Valent (In Russian).

Fedorov A.V. (2002) Osnovy obshchey teorii perevoda (5-e izd.) = Basis of the general theory of translation (5th ed.). Moscow: Filologiya Tri Publ. House LLC (In Russian).

Glazacheva N.L. (2010) Kulturnyye osobennosti kitayskikh toponimov kak otrazheniye natsionalnoy kontseptosfery = Cultural characteristics of Chinese toponyms as a reflection of the national concept-sphere. Kraevedenie Priamuria Journal. Vol. 13, No. 4, pp. 35–44 (In Russian).

胡谷明 (2010) 汉俄翻译教程 (第5版). 上海: 上海外语教育出版社.

Hu Guming. (2010) Uchebnoe posobie po kitaysko-russkomu perevodu (5-e izd.) = Coursebook on Chinese-Russian Translation (5th ed.). Shanghai: Shan'haikoe izd-vo “Obuchenie inostrannym yazykam” (Shanghai waiyu jiaoyu chubanshe) (In Chinese).

蒋小菊 (2020) 浅谈铁路工程俄语技术文件中的地名翻译. 中国地名, (05), 18–19页.

Jiang Xiaoju. (2020) Nemnogo o perevode toponimov iz russkikh tekhnicheskikh dokumentov po zheleznodorozhnyim proyektam = On the Translation of Toponyms in Russian Railway Engineering Technical Documents. Zhurnal “Toponimika Kitaya”. No. 5, pp. 18–19 (In Chinese).

Ilin D.Yu. (2016) Regionalnyye toponimicheskiye nazvaniya v turisticheskome diskurse = Names of regional toponyms in the tourist discourse. Science Journal of Volgograd State University. Series 2: Linguistics. Vol. 15, No. 4, pp. 152–158 (In Russian).

Instruktsiya po russkoy peredache geograficheskikh nazvaniy Kitaya (1983) = Instructions on the Russian translation of geographical names of China / by Ya.A. Miropolsky; ed. G.E. Tikhonov. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

新世纪汉英百科大词典 (2015) / 戴炜栋主编. 上海: 上海外语教育出版社.

Kitaysko-angliyskiy entsiklopedicheskiy slovar novogo veka (2015) = A new Century Chinese-English Encyclopedic dictionary, pod. red. Dai Weidong. Shanghai: Shan'haikoe izd-vo “Obuchenie inostrannym yazykam” (Shanghai waiyu jiaoyu chubanshe) (In Chinese).

汉英词典 (3版) (2009) / 姚小平主编. 北京: 外语教学与研究出版社.

Kitaysko-angliyskiy slovar' (3-e izd.) (2009) = Chinese-English dictionary (3 ed.), pod. red. Yao Syaopin. Beijing: Prepodavaniye i issledovaniye inostrannykh yazykov Publ. (Waiyu jiaoxue yu jiaoyu chubanshe) (In Chinese).

新时代汉英词典 (2002) / 翻绍中主编. 北京: 商务印书馆.

Kitaysko-angliyskiy slovar' novoy epohi (2002) = New Age Concise Chinese-English Dictionary, pod. red. Fan Shaozhong. Beijing: Kommercheskoe izd-vo (Shangwu yinshuguan) (In Chinese).

Kogan E.S., Li Mo. (2018) *Godonimiya Shankhaya kak sredstvo sozdaniya obraza goroda: istoriya i sovremennost'* = Shanghai's hodonyms as a means of creating an image of the city: history and modernity. *Nauchnyy dialog*. No. 12, pp. 85–94 (In Russian).

吕长风 (2012) 汉语专有名词系统及其在词汇系统中的层级性分布: 博士学位论文. 天津: 南开大学.

Lyu Changfeng. (2012) *Sistema imen sobstvennykh v kitayskom yazyke i iyerarkhicheskoye raspredeleniye imen sobstvennykh v etoy sisteme* = The system of Chinese Proper Nouns and the Distribution of Proper Nouns in the Chinese Lexical System: PhD dissertation. Tianjin: Nan'kayskiy universitet (In Chinese).

李贵升 (1997) 论专有名词的翻译. 常州技术师范学院学报, (1), 54–59页.

Li Guisheng. (1997) *O perevode imen sobstvennykh* = On translation of proper names. *Changzhou Technical Normal Univ. Journal (Changzhong jishu shifan xueyuan xuebao)*. No. 1, pp. 54–59 (In Chinese).

刘华训 (1990) 中国名湖志典. 北京: 中国旅游出版社.

Liu Huaxun. (1990) *Slovar' znamenityh ozer Kitaya* = Dictionary of famous lakes of China. Beijing: Kitayskoe turistichekoe izd-vo (Zhongguo luyou chubanshe) (In Chinese).

中国神话故事 (下) (2005) / 肖雷、何瑞编. 呼和浩特: 远方出版社.

Mify Kitaya (CH.2) (2005) = *Myths of China (Part 2)*, sost. Xiao Lei, He Rui. *Huh-hoto: Dalekij krai Publ. (Yuanfang chubanshe)* (In Chinese).

Newmark P. (2001) *Podhody k perevodu* = Approaches to translation. Shanghai: Shanhajskoe izd-vo "Obuchenie inostrannym yazykam" (Shanghai waiyu jiaoyu chubanshe) (In English).

英、法、德、西、俄、阿拉伯汉译最新译音表. 外国地名汉字译写通则 (1982) / 中国地名委员会.

Noveyskiye tablitsy sposobov transliteratsii s angliyskogo, frantsuzskogo, nemetskogo, ispanskogo, russkogo i arabskogo na kitayskiy yazyk. Obshchiye pravila perevoda i napisaniya inostrannykh geograficheskikh nazvaniy na kitayskom yazyke (1982) = The latest Transliteration Table from English, French, German, Spanish, Russian, and Arabic into Chinese. General Rules for Translation and Writing of Foreign Toponyms in Chinese characters, by China Geographical Names Committee (In Chinese).

新编俄罗斯地名译名手册 (2003) / 周俊英 编译、李夜 审校. 北京: 商务印书馆.

Novyy russko-kitayskiy spravochnik geografi cheskikh nazvaniy Rossii = New Directory of Chinese Translations of Russian Geographical Names (2003),

trans. by Zhou Junying, rev. by Li Ye. Beijing: Kommercheskoe izd-vo (Shangwu yinshuguan) (In Chinese).

关于改用汉语拼音方案作为我国人名地名罗马字母拼写法的统一规范的报告: 国务院文件 (1978). 中国文字改革委员会.

Otchet o perekhode na sistemu pin'in' pri romanizatsii kitayskikh toponimov i o pravilakh unifi katsii napisaniya (1978) = Report on the Switch to Chinese pinyin as the Unified Standard for the Spelling of Personal Names and Toponyms Written in Roman Letters: China State Council Document, by Chinese Written Language Reform Committee (In Chinese).

Politova A.A. (2022) Unifikatsiya perevoda kitayskikh toponimov na russkiy yazyk s uchetom ikh strukturnykh osobennostey = Unification of translation of Chinese toponyms into Russian in view of their structural peculiarities. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda. — Moscow University Bulletin on Translation Studies. No. 4, pp. 79–98 (In Russian).

施晓平 (2015) 苏州城门城墙那些事. 苏州: 古吴轩出版社.

Shi Xiaoping. (2015) O gorodskikh vorotakh i gorodskoy stene Suzhou = About Suzhou City Gate and City Wall. Suzhou: Izd-vo “Guwuxuan” (In Chinese).

司徒尚纪 (2009) 珠江传. 保定: 河北大学出版社.

Situ Shangji. (2009) Istoriya Zhemchuzhnoi reki = Pearl River Biography. Baoding: Izd-vo Hebei University (Hebei daxue chubanshe) (In Chinese).

Solovyev F.V. (1975) Slovar kitayskikh toponimov na territorii sovetskogo Dalnego Vostoka = Dictionary of Chinese toponyms in the Soviet Far East, pod. red. Yu.A. Sem; USSR Academy of Sciences, Far Eastern Research Center, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East. Vladivostok: without Publ. (In Russian).

Somkina N.A. (2008) Istoricheskaya morfologiya kitayskogo feniksa = Historical morphology of the Chinese phoenix. Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Yazyk i Literatura. No. 4-2, pp. 288–292 (In Russian).

Superanskaya A.V. (1985) Chto takoye toponimika = What is toponymy? Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Varakina M.I., Levchenko YA.A. Analiz perevoda toponimov, antroponomimov i realiy s russkogo na kitayskiy yazyke (na materiale istoricheskikh tekstov) [Study on translation of toponyms, anthroponyms and realia from Russian into Chinese (case of historical texts)]. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii “70 let druzhby i sotrudnichestva”. Chita: Transbaikalskiy St. Univ. Publ., 2019, pp. 126–130 (In Russian).

Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. (2005) Yazyk i kultura = Language and Culture. Moscow: Indrik Publ. (In Russian).

Vlahov S.I., Florin S.P. (1980) Neperevodimoe v perevode = Untranslatable in translation. Moscow: International Relations Publ. (In Russian).

Wang Liancen. (2020) Perevod imen sobstvennykh s russkogo na kitayskiy yazyk (na materiale perevoda povesti O. Mandelshtama “Egipetskaya marka”) = The translation of proper names from Russian into Chinese (on the material of O. Mandelshtam’s novella “Egyptian stamp”). World of Russian-Speaking Countries Journal. Vol. 4, No. 2, pp. 57–65 (In Russian).

吴光华 (2010) 汉英大词典. 上海: 上海译文出版社.

Wu Guanghua. (2010) Bol'shoj Kitaysko-anglijskiy slovar = Big Chinese-English dictionary. Shanghai: Shanhajskoe izd-vo perevodov (Shanghai yiwen chubanshe) (In Chinese).

袁恒雷 (2021) 每一滴水都是河流的微笑. 南昌: 江西教育出版社.

Yuan Henglei. (2021) Kazhdaya kaplya vody — eto ulybka reki = Every drop of water is a smile of a river. Nanchang: Izd-vo "Obrazovaniye Tszyansi" (Jiangxi jiaoyu chubanshe) (In Chinese).

Zharavina V.D., Aleksandrova D.V. (2022) Spetsifika perevoda toponimov s russkogo yazyka na kitayskiy (na materiale turistichestkikh reklamnykh broshyur) = Peculiarities of toponyms translation from Russian into Chinese (based on tourist advertising brochures). Proceedings of the Scientific Conference "Creative Linguistics". Astrakhan: V.N. Tatishchev Astrakhan State University Publ., pp. 100–104 (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Политова Анастасия Алексеевна — преподаватель, кандидат филологических наук. Сучжоуский университет, Институт иностранных языков, факультет русского языка и литературы, г. Сучжоу, провинция Цзянсу, КНР, 215006; anastasia_politova@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Anastasia A. Politova — Cand. Sc. (Philology), Lecturer at the Department of the Russian language and literature, School of Foreign Languages, Soochow University, Suzhou 215006, Jiangsu province, PRC; anastasia_politova@mail.ru

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81-112.4

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-1-143-158

ДВУАЗЫЧНАЯ РЕКЛАМНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ РЕКЛАМНЫХ ВЫВЕСОК В Г. ХАРБИНЕ, КИТАЙ)

Ду Канцзэ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Для контактов: dkz951029@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности русско-китайского пиджина на фоне русско-китайской межкультурной коммуникации с различных точек зрения становления и развития региональной лингвокультурологии. Проводится диахроническое исследование двуязычной рекламной коммуникации на материале вывесок с точки зрения социолингвистического и собственно лингвистического аспектов. Объектом исследования являются лексика двух видов пиджина: а) из словарей китайско-русского пиджина и харбинского диалекта и б) из китайско-русских двуязычных вывесок в городе Харбине с 1902 года по настоящее время. Анализируется смена доминирующего языка и стратегии перевода в двуязычной рекламной коммуникации.

Ключевые слова: языковые контакты, языковые заимствования, рекламные вывески, двуязычная рекламная коммуникация, стратегии перевода, русско-китайский пиджин

Для цитирования: Ду Кангзе. Двухязычная рекламная коммуникация в диахроническом аспекте (на материале русских и китайских рекламных вывесок в г. Харбине, Китай) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2024. № 1. С. 143–158. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-1-143-158

Статья поступила в редакцию 12.12.2023;
одобрена после рецензирования 01.04.2024;
принята к публикации 20.04.2024.

BILINGUAL ADVERTISING COMMUNICATION IN A DIACHRONIC ASPECT (BASED ON RUSSIAN AND CHINESE ADVERTISING SIGNS IN HARBIN, CHINA)

Du Kangze

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: dkz951029@gmail.com

Abstract. The article discusses the features of the Russian Chinese pidgin against the background of Russian-Chinese intercultural communication from different points of view in terms of the formation and development of regional cultural linguistics. A diachronic study of bilingual advertising communication based on signboards is carried out from the sociolinguistic and linguistic perspectives. The object of the study is the lexicon of two types of pidgin from Chinese-Russian pidgin dictionaries and the Harbin dialect dictionary as long as Chinese-Russian bilingual signs in the city of Harbin from 1902 to the present day. The change of the dominant language and translation strategy in bilingual advertising communication is analyzed.

Keywords: Language contacts, language borrowings, advertising signs, bilingual advertising communication, translation strategies, Russian-Chinese pidgin

For citation: *Du Kangze.* (2024) Bilingual advertising communication in a diachronic aspect (based on Russian and Chinese advertising signs in Harbin, China). *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal.* 1. P. 143–158. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-1-143-158

The article was received on December 12, 2023;
approved after reviewing on April 01, 2024;
accepted for publication on April 20, 2024.

© Du Kangze, 2024

Введение

Постоянные обмены между культурами являются одной из главных движущих сил культурного развития, что оставляют свой след и в языке межкультурного общения. Языковые контакты сопровождаются межкультурным обменом.

В лингвистике многие явления и факты изучаются сравнительно-сопоставительным методом в синхроническом и диахроническом аспектах. Диахроническое исследование позволяет выяснить историческое развитие языковой системы и изучить сопровождающие его социокультурные изменения.

Актуальной областью современного языкознания является изучение контакта языков. Первые контакты между Россией и Китаем относятся к XIII–XIV векам. С тех пор они оказывают влияние на оба языка. Пиджин как язык-посредник и двуязычные рекламные вывески как локации разных языковых знаков можно считать продуктами китайско-русской и русско-китайской коммуникации.

В качестве объекта исследования выступает лексика двух видов: 1) пиджина из словарей китайско-русского пиджина и харбинского диалекта и 2) китайско-русские двуязычные вывески в городе Харбине с 1902 года по настоящее время.

Изучение контакта языков является актуальной областью современного языкознания. Большинство текущих исследований основываются на английском, французском, португальском и испанском языках (Ророва и др., 2020: 18). Русские пиджины особенно активно исследуются в последние три десятилетия. По мнению В.Д. Бондалетова (Бондалетов, 1987: 58) и Н.Б. Мечковской (Мечковская, 2000: 111), пиджин представляет собой смешанный язык, возникший в результате необходимого общения в многоязычных областях. В.Д. Бондалетов подчёркивает «вспомогательный» характер этого языкового явления, которое в конкретных ситуациях выполняет ограниченные коммуникативные функции. Пиджин развивается путём упрощения структуры исходного языка и используется как средство этнического общения в смешанных жилых районах (Виноградов, 1990: 374). Е.В. Перехвальская считает, что пиджин — это упрощённый язык и вспомогательный способ общения, возникающий спонтанно в общении (Перехвальская, 2008: 9). Таким образом, пиджин — это средний язык, созданный в местах, где два (или более) языка вступают в контакт по коммуникационным потребностям, таким как торговля и товарный обмен. Пиджин, имея простую структуру, не используется в качестве родного языка определённой социальной группы.

Контакты русского и китайского языков

Традиция гласит, что пиджин был основан на базе западноевропейских языках, таких как английский. Книга Сюй Лайди (2007) «Исследование китайско-русского языкового контакта» создала прецедент для изучения китайско-русского языкового контакта. В этом трактате обсуждается влияние русского языка на китайский с точки зрения лексики, морфологии, синтаксиса и семантики. Это первая и единственная академическая монография в Китае и за рубежом, комплексно и систематически изучающая китайско-русские языковые контакты. Исследование показывает, что русский язык оказал влияние на многосложность структуры, аффиксы и фразовую лексикализацию китайского языка. В российских академических кругах наиболее изученным языком-пиджином является русско-китайский вариант, который в разные исторические периоды имел разные названия, такие как кяхтинский диалект, дальневосточный пиджин, забайкальский русско-китайский пиджин, владивостокский русско-китайский пиджин и др. Е.А. Оглезнева выделяет две основные разновидности русско-китайского пиджина: кяхтинскую и дальневосточную, которые хронологически разделены более чем столетием (Оглезнева, 2017: 167–168).

В межкультурной коммуникации в результате контакта языков оформляются межэтнические языки, к которым относятся в основном лингва франка (Lingua Franca), пиджин и койне (Алферов и др., 2010: 85). Лингва франка используется носителями разных языков как язык политики и коммерции. В современной социолингвистике термин Лингва франка относится к любому языку, который устно опосредуется в межэтнической коммуникации. Лингва франка может быть заимствован из языка одной из этнических групп региона. Это стилистически нейтральный язык. Пиджин представляет собой разговорный язык, используемый в торговле и других сферах деятельности. Здесь смешиваются элементы европейских языков с элементами родного языка. Некоторые пиджины расширяют свои коммуникативные функции. Вспомогательные языки-посредники могут превращаться в основной язык одной или нескольких этнических групп или новых этнических общностей и таким образом стали креольскими языками. Койне как разговорный язык межплеменного и наддиалектного общения родственных этнических групп более обширен в своих социальных функциях и этнических диалектных основах по сравнению с лингва франка (Там же: 86).

Согласно китайским учёным Ю Руцзе и Чжоу Цзяян (2009), у языковых контактов в основном четыре результата: 1) языковая ассимиляция; 2) языковое заимствование (лексический ввоз и вывоз); 3) языковое скрещивание (возникновение пиджинов и креольских языков); и 4) появление билингвизма или диглоссии.

Центральное место в изучении языковых контактов традиционно занимает проблема лексических заимствований, которые количественно превосходят фонетические и грамматические заимствования, ввиду их прямой связи с фактами материальной и духовной культуры (Виноград, 2010: 35).

Кяхтинский пиджин

В истории коммуникации на китайско-российских приграничных территориях важную роль играл пиджин. На заре развития торговли в приграничных районах распространённой формой рекламы служила устная реклама. В целях преодоления языковых барьеров среди купцов постепенно сформировался особый язык-посредник — пиджин.

Кяхтинский пиджин использовался с середины VIII века на границе России и Китая (при династии Цин) в торговых городах Кяхта и Маймайчэн. Кяхтинский пиджин с лексикой русского языка и грамматической структурой китайского языка использовали в основном китайские купцы при общении с русскими. Согласно словарям кяхтинского пиджина, сфера использования кяхтинского пиджина в основном охватывает названия различных единиц измерения и валют, названия продукции, народные обычаи и географические наименования России и т.д. (Попова, 2017: 17), что отражает особенности как русского и китайского языков (включая диалекты Сибири и провинции Шаньси), так и социальных, экономических и межнациональных отношений в приграничье России и Китая (Ророва *et al.*, 2020: 18).

Пиджин как язык-посредник начал оформляться с заимствования. В семантических и культурологических переходах, приведённых заимствованием в различные периоды того или иного языка, отражается неограниченное влияние переводческой деятельности на словесность (Гарбовский, 2011: 13). Стадии адаптации при заимствовании включают внедрение, сосуществование и замещение (Аристова, 1978: 57).

Главной формой заимствования в Кяхтинском пиджине является внедрение путём транслитерации. Например, слово «консул» транслитерируется в «*匡苏勒 (куан су ле)*». Одновременно, в связи с

географическим положением Кяхтина, он отражает произносительные нормы шаньсиского диалекта (Попова, 2017: 40). Например, иероглиф «艮» читается [iŋ] (ин) в стандартном китайском языке, но в шаньсиском диалекте он имеет другое чтение — [niŋ](нин), и «西艮各 (си нин гэ)» как кяхтинский вариант слова «снег», соответствуя правилу транслитерации (Там же: 44).

Слова в кяхтинского пиджине употребляются в том виде, как были внесены в словарь, без изменения по окончаниям (Бичурин, 1831: 142–43). Сообщение между двумя сторонами основывалось на учебниках и словарях.

Кроме того, по сравнению с исходным языком фонологическая система языка пиджин упрощена. Наиболее характерной чертой является редукция фонем. Например, окончания русских прилагательных *-ский, -ская, -ское, -ские* были приведены к единой форме «史坎 (сы кэ)»: «必利史坎 (би ли сы кэ)» — «близкий» (Попова, 2017: 45). Окончание «史坎 (сы кэ)» также используется в словах, обозначающих людей, государства и народности, например, «哈之牙史坎 (хацзыясыкэ)» — «хозяин» (Там же: 46).

Как уже упоминалось выше, кяхтинский пиджин использует лексику русского языка и грамматический строй китайского языка. На синтаксис в кяхтинском пиджине влияет порядок слов в предложении, в частности вопрос в утвердительно-отрицательной форме в китайском языке. Например, 地未力念未力 *ti vei-liə? nie vei-liə?* 'ты верь не верь' 你信不信 (Попова, 2017: 49);

Времена в китайском языке выражаются не посредством спряжения глаголов, а посредством добавления служебных слов. Например, суффикс «了» добавляется после глагола для обозначения действия, которое уже было завершено в прошлом, и служебное слово «正» для обозначения действия в настоящее время. В словарях кяхтинского пиджина в качестве суффикса завершения действия также используется иероглиф «了».

Кроме того, кяхтинском пиджине отсутствуют падежи, числа и род существительных. 地白/地伯 *ti-piə?* (диби) может одновременно означать «тебя» и «тебе». Например, 牙地白念無扛力納 *ia ti-piə? nie u-k'v- liə?-na?* 'я тебе не укарина' 我不惹你 (Там же: 50). А 牙 *ia* (я) может означать и «я», и притяжательное местоимение «мой».

При контакте китайского и русского языков в этот период русский язык стал доминирующим благодаря своему относительно высокому экономическому положению. Это типичная черта воздействия экономических факторов на языковую ситуацию (Сюй, 2007: 177).

Харбинский вариант китайско-русского пиджина

После подписания «Договора о КВЖД (Китайско-Восточная железная дорога)» (1896 г.), большое количество русских инженеров, рабочих, офицеров и солдат отправились в Северо-Восточный Китай. Харбин стал крупнейшим центром расселения русских эмигрантов. Для устранения языковых барьеров в общении с русскими харбинцы смешали транслитерированный русский язык с родным языком. Так, в Харбине родился особый язык — харбинский вариант китайско-русского пиджина (Ван, 1995: 16). Он используется не только в устной речи, но и в названиях улиц, церкви, продуктов питания, табака, вин, музыкальных инструментов, медицинских учреждений и т.д.

По сравнению с исходным русским языком харбинский вариант китайско-русского пиджина носит характеристики местного диалекта. Например, харбинцы часто путают произношения [s] с [sh] (Ли, 1997: 47), так что слово «союз» в русском языке транслитерируется в «沙油子 (*ша ю цзи*)», и «самовар» в «沙莫瓦尔 (*ша мо ва эр*)». Другой заметной фонетической чертой местного диалекта является «проглатывание» слогов, что тоже оказывает влияние на процесс транслитерации. Например, при полной транслитерации слово «копейка» должно перевести в «戈比卡 (*гэ би ка*)», но окончательным вариантом в харбинском варианте китайско-русского пиджина является «戈比 (*гэ би*)». Окончание слова не использовалось.

Интересен и подбор китайских лексико-семантических вариантов для передачи значений слов русского языка: например, «плита» (печь, встроенная в стену для отопления) транслитерируется как «壁里搭 (*би ли да*)» в значении “встроенная в стену”, а «мадам» (жена, госпожа) транслитерируется как «马大妈 (*тетя Ма*)». Подбор харбинцами омонимов, стимулируя ассоциации со значением иностранных слов, отражает богатство воображения, мудрость и чувство юмора местных людей. Бывают и ситуации, когда актуализация лингвистического знака изменяется при передаче средствами другого языка (Миронова, 2018: 546). Например, первоначальная форма транслитерации русского «нитрон» — «尼(ни)龙 (*лун в значении “драгон”*)», что является чистой транслитерацией. В исходном слове «рон» намекает на волокно, а 龙 (*лун*) в китайском языке потеряло такую функцию. Позже, «尼龙» заменяли новый вариант транслитерации «尼(ни)纶 (*лунь в значении “тонкое хлопковое полотно”*)», что в семантическом плане ближе к исходному слову.

В отличие от кяхтинского пиджина, где заимствование в основном осуществляется путём внедрения, в харбинском варианте китайско-русского пиджина отмечаются все стадии адаптации. Новые для харбинцев русские продукты как суп («*苏泊汤 (су бо тан)*») и малина («*马林果 (ма линь го)*») были внедрены в китайский язык в виде заимствований, в то же время слова «*полиция*» («*笆篱子 (па ли цзы)*») и «*базар*» («*八杂市 (па за ши)*»), прошедшие стадию сосуществования, заменили лексические кальки на китайском языке.

В харбинском варианте китайско-русского пиджина также обнаружится смешение личного и притяжательного местоимения. Например, «*Зафта плати. Ваша надо кушай (Плати завтра, тебе нужно кушать)*». И личные формы глагола часто заменяются повелительным наклонением (Жун, 2011: 137).

Кяхтинский пиджин и харбинский вариант китайско-русского пиджина имеют много общего. Оба языка-посредника отражает произносительные нормы местных китайских диалектов и в основном существуют в разговорной речи. Кроме того, заимствование слов осуществляется преимущественно через транслитерацию. Но по сравнению с кяхтинским пиджином слов русского происхождения в харбинском варианте китайско-русского пиджина было гораздо больше. При этом они обладают расширенной сферой использования. Были отмечены сосуществование и замещение слов, принадлежащих к китайскому языку и пиджинам. Проведён анализ характеристик грамматической структуры двух разновидностей русско-китайских пиджинов.

Лингвистические и переводческие особенности двуязычных рекламных вывесок в г. Харбине

Многоязычие постепенно становится масштабным явлением в рекламных текстах (Ritter, 2021: 963). Исследования двуязычных вывесок магазинов как составляющего лингвистического ландшафта позволяют представить письменные знаки в двуязычном/многоязычном городском пространстве (Миронова, 2023: 175–176). В Харбине с начала XX века появилось большое количество многоязычных рекламных вывесок, которые составляют уникальный сегмент ономастического пространства города Харбина, демонстрируя культурную специфику приграничного города и его языковую ситуацию. Среди них самые популярные представляют собой двуязычные вывески на китайском и русском языках. Вывески как вид наружной рекламы должны содержать информацию, раскрывающую профиль предприятия и его наименование (Евстафьев и

др., 2005: 119). Текст вывесок может включать в себя идентифицирующий, классифицирующий и дифференцирующий компоненты, которые вместе или отдельно выполняют собственную функцию рекламы. Идентифицирующий компонент представляет собой общее название типа городского объекта (ресторан, магазин, аэропорт и т.д.); квалифицирующим компонентом служит уточняющий профиль городского объекта или услуг (магазин цветов и т.д.); а дифференцирующий компонент — это индивидуальное название объекта (Михайлюкова, 2017: 157).

Диахронический анализ двуязычных вывесок позволяет следить за изменениями в нормах русского и китайского языка. С начала XX века до Октябрьской революции в Харбине прибыло большое количество русских эмигрантов (Ши, 2003: 269). В то время Китай находился под властью династии Цин, и направление написания китайских иероглифов на вывесках было справа налево согласно тогдашним языковым нормам, а русские буквы писались слева направо, что вызывало разницу в расположении текстов в двуязычных вывесках. Например, вывеска торгового центра «*仁顺兴*» содержит две части: «*仁 (ин) 顺 (сун) 兴 (хин) (кантонское произношение)*» на китайском языке и «*т/д ИНСУНХИН*» на русском языке. «*仁顺兴*» пишется справа налево, а «*т/д ИНСУНХИН*» пишется слева направо. Стоит отметить, что китайская часть вывески содержит только название магазина как дифференцирующий компонент, а в русской части добавляет т/д (торговый дом) как идентифицирующий компонент, чтобы россияне лучше понимали профиль магазина.

После 1919 года китайские интеллектуалы выступили за языковую реформу, с целью изменить направление письма. В 1954 г. реформа осуществилась (Лю, 1998: 4). На вывеске магазина «*特别宝*» (“тэ пие бао” в значении “очень хороший”) китайская часть и русская часть — «*ПОБЕДА ГОТОВОЕ ПЛАТЬЕ МЕХА ПРИЁМ ЗАКАЗОВ*» пишутся в одну сторону. Здесь слово “ПОБЕДА” не буквально переводится на китайский язык, вместо этого подбираются иероглифы, похожие по произношению на оригинальный текст, причём имеющие благоприятные значения на китайском языке.

Двуязычные рекламные вывески на вербальном уровне реализуются графическими средствами русского языка (кириллические буквы) и китайского языка (иероглифы). После Октябрьской революции магазины с двуязычными вывесками в основном были ориентированы на русских эмигрантов, ассортимент товаров и услуг охватывал все стороны жизни. Доминирующим языком был

русский язык. В связи с резким сокращением числа русских эмигрантов в Харбине и развитием туристической индустрии Харбина магазины с двуязычными вывесками ориентированы в основном на российских туристов и жителей Китая, основной ассортимент — сувениры, рестораны и импортные товары. Доминирующий язык изменился с русского на китайский.

Вывески содержат упоминания профиля предприятия и его наименование. Названия предприятия как иностранные имена собственные могут переводиться тремя способами: фонетическим заимствованием, калькированием и комбинированным способом (Фролова, 2011), что почти не изменилось со временем.

Значения китайской части и русской части в двуязычных вывесках могут полностью совпадать, частично совпадать или совершенно не совпадать, что зависит от стратегии рекламных кампаний и процесса перевода.

В процессе перевода для облегчения понимания часто добавляются морфемы или слова, представляющие определённую концептуальную категорию в китайском и русском языках. Например, при переводе названия ресторана «*库兹明 (бук. Кузьмин) / Кузьмин фастфуд*» добавили *фастфуд* как дифференцирующий компонент. А в названии ресторана в русской части «*老俄侨 (бук. Старые русские эмигранты) / Блюда русских эмигрантов*» добавили идентифицирующий компонент *Блюда*. Иногда значения китайской части и русской части совершенно не совпадают. Например, «*老俄楼 (бук. Старый русский дом) / Россия Ресторан*». Здесь тоже добавили *ресторан* как идентифицирующий компонент.

В случае полностью совпадающих значений китайской части и русской части отмечается отличие двух языков на грамматическом уровне. В китайских вывесках компоненты имеют относительно стабильный порядок слов, что, как правило, составляет «*дифференцирующий + квалифицирующий + идентифицирующий компонент*». Порядок компонентов не обязательно сохраняется при переводе. Например, название «*白桦林俄罗斯商品 (бук. “Берёза” русские продукты)*» было переведено как «*Русские продукты “Берёза”*», «*伊戈尔俄品优选 (бук. «Игорь» русские товары)*» было переведено на «*Продуктовый магазин “Игорь”*».

С изменением языковой ситуации в Харбине наблюдаются изменения в составе компонентов в рекламных вывесках. Например, «*布拉吉 (Платье в харбинском варианте китайско-русского пиджака)*» раньше было определяющим компонентом, отражающим профиль магазина и позже стало дифференцирующим компонен-

том (например, «*布拉吉西餐厅*») (Европейский ресторан «Платье»), «*八杂市*» (*Базар* в харбинском варианте китайско-русского пиджина), также перешедшее за рамки определяющего компонента, трансформируется в дифференцирующий (например: «*八杂市美食街*») (Рынок вкусной еды «Базар»). Причиной такого изменения является упадок роли пиджина, который, став символом экзотики, уже мало используется в повседневном общении.

В процессе перевода двуязычных вывесок ошибки в расшифровке смыслов исходного речевого произведения могут быть вызваны непониманием понятий, заключённых в словах или словосочетаниях, а также комплексным непониманием синтаксической структуры высказывания (Гарбовский, 2007: 51). Например, название кафе «*Кафе “РУ”*» было переведено в «*鲁咖啡 (бук. ЛУ Кофе)*». *鲁 (Лу)* в китайском языке служит распространённой фамилией, а «*РУ*» в исходном русском языке намекает на «русский» или «Россия».

Структуры знания, называемые фреймами, схемами или планами, влияют на адекватную когнитивную обработку переводчиками ситуаций общения (Миронова, 2013: 544). Фрейм следует понимать как двустороннюю когнитивную сущность: с одной стороны — это своего рода информационная система о конкретных прецедентах или типичных ситуациях реальности, с другой стороны, структура представляет собой динамическую когнитивную категорию. Это происходит в сознании человека, знающего реальность, под воздействием определённых стимулов, которые активируют имеющуюся у него информационную систему (Гарбовский, 2007: 51), что тоже может привести к ошибкам. Например, на двуязычной вывеске «*丽丽娅列巴坊*» было переведено на «*Лилия Хлебфан*». В китайском наименовании «*丽丽娅*» («*Ли ли я*» в знач. «*Лилия*») — дифференцирующий компонент, «*列巴*» («*Ле па*» в знач. «*хлеб*») представляет собой квалифицирующий компонент, и «*坊*» («*фан*» в знач. «*лавка*») служит идентифицирующим компонентом. Но в процессе перевода переводчик подсознательно принял «*фан*», транслитерированное с китайского «*坊*», как когнитивную категорию. Переводчик объединил его со словом «*хлеб*», таким образом создал новое слово «*Хлебфан*», которое было трудно понять носителям русского языка.

Заключение

В итоге отметим, что кяхтинский пиджин и харбинский вариант китайско-русского пиджина находятся под влиянием диалектов. На кяхтинский пиджин фонетически влияет шаньсиский диалект, а на харбинский вариант — харбинский диалект. Выяснились

характеристики грамматической структуры двух разновидностей русско-китайских пиджинов. Обе разновидности можно отнести к незрелым языковым формам, но харбинский вариант более развит с точки зрения словарного запаса и представленности ассимилированной лексики. Как показывают диахронические исследования, экономические и социальные изменения приводят к смене доминирующего языка в двуязычной коммуникации.

Наличие общих компонентов в рекламных вывесках в разные периоды позволяет раскрыть характеристики жанра вывески. Диахронический анализ состава трёх компонентов и ситуации использования пиджина в рекламных вывесках позволяет наблюдать изменения в социо-экономической и языковой ситуациях в Харбине.

Исследование переводческой деятельности как основного звена двуязычных вывесок показывает, что стратегия перевода рекламных вывесок в основном осталась неизменной и проясняет причины некоторых переводческих ошибок с точки зрения лингвистики и понимания смысла текстов.

Список литературы

Алферов А.В., Кустова Е.Ю. Введение в интеракционную теорию языка. Часть I. Социоллингвистика. Учебное пособие. Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2010.

Аристов В.М. Англо-русские языковые контакты: (Англицизмы в русском языке). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978.

Бичурин Н.Я. Письмо из Кяхты // Московский телеграф, 1831. № 21. С. 141–144.

Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.». М.: Просвещение, 1987.

Виноградов В.А. Языковые контакты и языковые заимствования. // Вопросы филологии, 2010. № 2. С. 6–10.

Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та Москва, 2007.

Гарбовский Н.К. Перевод и «переводной дискурс» // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2011. № 4. С. 3–19.

Евстафьев В.А. Что, где и как рекламировать: Практические советы / Евстафьев В.А., Ясонов В. Н., СПб.: Питер, 2005.

Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев. 2-е изд., испр. М.: Аспект Пресс, 2000.

Миронова Н.Н. Когнитивные аспекты перевода художественной литературы // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2013. № 3. С. 77–83.

Миронова Н.Н. Семиотика дискурса как механизм формирования когнитивного пространства литературного произведения // Когнитивные исследования языка, 2018, № 34. С. 543–546.

- Миронова Н.Н. Лингвистический ландшафт как объект междисциплинарных исследований // Языки. Культуры. Перевод, 2023. С. 175–180.
- Михайлюкова Н.В. Тексты вывесок как жанр рекламного дискурса (на материале языка г. Владивостока) // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2017. № 3–2 (69). С. 128–133.
- Михайлюкова Н.В. Тексты городских вывесок: диахронический аспект описания (на материале языка г. Владивостока) // Вестник ЮУрГПУ, 2017. № 2. С. 155–163.
- Перехвальская Е.В. Русские пиджины. СПб.: Алетейя, 2008.
- Перехвальская Е.В. Исследования по русским пиджинам: сборник статей / Под ред. Е.В. Перехвальской. Москва, Берлин: Директ-Медиа, 2014.
- Попова И.Ф. Словари кяхтинского пиджина / пер. с китайского, публикация, транскрипция, исследование и приложение И. Ф. Поповой и Таката Токио. М.: Наука: Восточная литература, 2017.
- Оглезнева Е.А. Современный русско-китайский пиджин: к вопросу о его территориальном варьировании и эволюции // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество: материалы международной научной конференции, 2017. С. 166–169.
- Фролова Л.В. Особенности перевода иностранных имён собственных на китайский язык // Россия и Китай: аспекты взаимодействия и взаимовлияния. Материалы III Международной научно-практической конференции, 2011. С. 43–46.
- Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Porova I.F. Tokio T. (2020) Vocabularies of Chinese Pidgin Russian for Kihakhta Trade. *Studia Orientalia Slovaca*, 19 (2), pp. 17–62.
- Ritter Anna. (2021) Language choice and language contact in print advertisements for Russian speaking immigrants in Germany. *Russian Journal of Linguistics*, 25 (4), pp. 958–980.
- 王忠亮. (1995) 哈尔滨地区使用的中俄洋泾浜. *词库建设通讯* (6): 16–17.
- Ван Чжунлян. (1995) Китайско-русский пиджин, используемый в районе Харбин // Информация о конструкции лексикона. № 6. С. 16–17.
- 荣洁. (2011) 俄侨与黑龙江文化: 俄罗斯侨民对哈尔滨的影响. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社.
- Жун Цзе. (2011) Русские эмигранты и Хэйлунцзянская культура: Влияние русских эмигрантов на Харбин. Харбин: Народное издательство «Хэйлунцзян».
- 徐来娣. (2007) 汉语语言接触研究哈尔滨: 黑龙江人民出版社.
- Сюй Лайди. (2007) Исследование китайско-русского языкового контакта. Харбин: Народное издательство «Хэйлунцзян».
- 石方. 刘爽. 高凌. (2003) 哈尔滨俄侨史. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 2003.
- Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лин. (2003) История русских заморских китайцев в Харбине. Харбин: Народное издательство «Хэйлунцзян».
- 游汝杰. 周嘉彦. (2009) 社会语言学教程. 上海: 复旦大学出版社.
- Ю Руцзе, Чжоу Цзяян. (2009) Учебник по социалингвистике. Шанхай: Издательство Фуданьского университета.

References

Alferov A.V., Kustova E.YU. (2010) *Vvedenie v interaktsionalnuyu teoriyu yazika. Chast I. Sotsiolingvistika. Uchebnoe posobie* = Introduction to the interactional theory of language. Part I. Sociolinguistics. Textbook. Pyatigorsk: Pyatigorsky gosudarstvenny lingvistichesky universitet (In Russian).

Aristova V.M. (1978) *Anglo-russkie yazikovye kontakti: (Anglitsizmi v rusском yazike)* = English-Russian language contacts: (Anglicisms in the Russian language). Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta (In Russian).

Bichurin N.YA. (1831) *Pismo iz Kyakhti* = Letter from Kyakhta. *Moskovsky telegraf*, 21, pp. 141–144 (In Russian).

Bondaletov V.D. (1987) *Sotsialnaya lingvistika: Ucheb. posobie dlya studentov ped. in-tov po spets. «Rus. yaz. i lit.»* = Social linguistics: Textbook for students of pedagogical specialties of “Russian language and literature” in institutes. Moscow: Prosveshchenie (In Russian).

Evstafev V.A. (2005) *Chto, gde i kak reklamirovat: Prakticheskie sovety* = What, where and how to advertise: Practical advice. *Evstafev V.A., Yasonov V.N.*, Saint Petersburg: Piter (In Russian).

Frolova L.V. (2011) *Osobennosti perevoda inostrannikh imen sobstvennikh na kitaysky yazik* = Features of translating foreign proper names into Chinese. *Rossiya i Kitay: aspekti vzaimodeystviya i vzaimovliyaniya. Materiali III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, pp. 43–46 (In Russian).

Garbovskiy N.K. (2007) *Teoriya perevoda* = Translation theory. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta Moskva (In Russian).

Garbovskiy N.K. (2011) *Perevod i «perevodnoy diskurs»* = Translation and “translation discourse”. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*, 4, pp. 3–19 (In Russian).

Mechkovskaya N.B. (2000) *Sotsialnaya lingvistika: Posobie dlya studentov gumanit* = Social linguistics: Textbook for humanities students. *vuzov i uchashchikhsya litseev. 2-e izd., ispr.* Moscow: Aspekt Press (In Russian).

Mikhaylyukova N.V. (2017) *Teksti vivesok kak zhanr reklamnogo diskursa (na materiale yazika g. Vladivostoka)* = Texts of signs as a genre of advertising discourse (based on the language of Vladivostok). *Filologicheskie nauki. Voprosi teorii i praktiki*, 3–2 (69), pp. 128–133 (In Russian).

Mikhaylyukova N.V. (2017) *Teksti gorodskikh vivesok: diakhronichesky aspekt opisaniya (na materiale yazika g. Vladivostoka)* = Texts of city signs: diachronic aspect of description (based on the language of Vladivostok). *Vestnik YUURGGPU*, 2, pp. 155–163 (In Russian).

Mironova N.N. (2013) *Kognitivnie aspekti perevoda khudozhestvennoy literature* = Cognitive aspects of the translation of fiction. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*, 3, pp. 77–83 (In Russian).

Mironova N.N. (2018) *Semiotika diskursa kak mekhanizm formirovaniya kognitivnogo prostranstva literaturnogo proizvedeniya* = Semiotics of discourse as a mechanism for the formation of the cognitive space of literary work. *Kognitivnie issledovaniya yazika*, 34, pp. 543–546 (In Russian).

Mironova N.N. (2023) Lingvistichesky landshaft kak obekt mezhdistsiplinarnikh issledovany = Linguistic landscape as an object of interdisciplinary research. *Yaziki. Kulturi. Perevod*, pp. 175–180 (In Russian).

Oglezneva E.A. (2017) Sovremenny russko-kitaysky pidzhin: k voprosu o ego territorialnom varirovanii i evolyutsii = Modern Russian Chinese pidgin: on the issue of its territorial variation and evolution. *Prigranichny region v istoricheskom razviti: partnerstvo i sotrudnichestvo: materiali mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*, pp. 166–169 (In Russian).

Perekhval'skaya E.V. (2008) Russkie pidzhini = Russian pidgins. Saint Petersburg: Aletyya (In Russian).

Perekhval'skaya E.V. (2014) Issledovaniya po russkim pidzhinam: sbornik statey = Research on Russian pidgins: collection of articles. Pod red. E.V. Perekhval'skoy. Moscow, Berlin: Direkt-Media (In Russian).

Popova I.F. (2017) Slovari kyakhtinskogo pidzhina = Dictionaries of Kyakhta pidgin, per. s kitayskogo, publikatsiya, transkriptsiya, issledovanie i prilozhenie I.F. Popovoy i Takata Tokio. Moscow: Nauka: Vostochnaya literatura (In Russian).

Popova I.F. Tokio T. (2020) Vocabularies of Chinese Pidgin Russian for Kiakhta Trade. *Studia Orientalia Slovaca*. 19 (2), pp. 17–62 (In English).

Ritter Anna. (2021) Language choice and language contact in print advertisements for Russian speaking immigrants in Germany. *Russian Journal of Linguistics*, 25 (4), pp. 958–980 (In English).

荣洁. (2011) 俄侨与黑龙江文化: 俄罗斯侨民对哈尔滨的影响. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社.

Rong Jie. (2011) Russian expatriates and Heilongjiang culture: The impact of Russian expatriates on Harbin. Harbin: Heilongjiang people's publishing house (In Chinese).

石方. 刘爽. 高凌. (2003) 哈尔滨俄侨史. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社.

Shi Fang. Liu Shuang. Gao Ling. (2003) History of Russian overseas in Harbin. Harbin: Heilongjiang people's publishing house (In Chinese).

Vinogradov V.A. (2010) Yazikovie kontakti i yazikovie zaimstvovaniya = Language contacts and language borrowing. *Voprosi filologii*, 2, pp. 6–10 (In Russian).

王忠亮. (1995) 哈尔滨地区使用的中俄洋泾浜 [J]. *词库建设通讯* (6): 16–17.

Wang Zhongliang. (1995) Sino-Russian pidgin used in Harbin area. *Dictionary Construction Newsletter*, 6, pp. 16–17 (In Chinese).

徐来娣. (2007) 汉俄语言接触研究. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社.

Xu Laidi. (2007) Research on Chinese-Russian language contact. Harbin: Heilongjiang people's publishing house (In Chinese).

Yartseva V.N. (1990) Lingvistichesky entsiklopedichesky slovar = Linguistic encyclopedic dictionary. Gl. red. V.N. Yartseva. Moscow: Sovetskaya enciklopediya (In Russian).

游汝杰. 周嘉彦. (2009) 社会语言学教程. 上海: 复旦大学出版社.

You Rujie. Zhou Jiayan. (2009) Sociolinguistics tutorial. Shanghai: Fudan University Press (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Ду Канцзэ — аспирант Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова. 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-1, дом 1, корп. 51; dkz951029@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Du Kangze — Postgraduate Student at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University; Building 51, the 1st Building of Humanities, 1 Leninskie gory, Moscow 119991, Russia; dkz951029@gmail.com

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.111-26

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-1-159-172

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ПАМЯТЬ» ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Вероника Геннадиевна Павленко

Ставропольский государственный педагогический институт,
г. Ставрополь, Россия

Для контактов: verony79@mail.ru

Аннотация: В данной статье представлен сопоставительный анализ концепта «Память» в английской и русской лингвокультуре. В работе представлено исследование английских и русских фразеологических средств, вербализующих концепт «Память». Цель статьи — рассмотреть фразеологические единицы, выражающие концепт «Память» в изучаемых языках. Актуальность работы обусловлена повышенным интересом к фразеологическим языковым единицам, так как в них запечатлены архетипы человеческого сознания. Для достижения поставленной цели были использованы метод дефиниционного анализа, описательный метод. Подчёркивается, что во фразеологизмах происходит отражение представления англичан и русских о понятии память. Автор подчёркивает, что фразеологические единицы имеют культурные различия в каждом языке. Предполагается, что данное исследование позволит понять культуру и менталитет английского и русского этноса.

Ключевые слова: фразеологизм, культура, когнитивный, концепт, память, единица

Для цитирования: Павленко В.Г. Национально-культурные особенности репрезентации концепта «Память» фразеологическими средствами в русской и английской лингвокультурах // Вестник Москов-

Статья поступила в редакцию 21.12.2023;
одобрена после рецензирования 18.04.2024;
принята к публикации 20.04.2024.

THE NATIONAL-CULTURAL FEATURES OF THE CONCEPT “MEMORY” BY PHRASEOLOGICAL MEANS IN RUSSIAN AND ENGLISH LINGUOCULTURES

Veronika G. Pavlenko

Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia

For contacts: verony79@mail.ru

Abstract: This article is a comparative analysis of the concept “Memory” in English and Russian linguistic culture. It studies the English and Russian phraseological means that verbalize the abovementioned concept. The purpose of the article is to consider phraseological units expressing the concept “Memory” in both languages. The relevance of the work is due to an increased interest in phraseological linguistic units, since they capture the archetypes of human consciousness. To achieve the object in view, the definitional analysis method and the descriptive method have been used. The phraseological units reflect the idea of the British and Russian nations about the concept of memory. The author emphasizes the fact that phraseological units have cultural differences in each language. It is assumed that this research will allow us to understand the culture and mentality of the English and Russian ethnic groups.

Key words: phraseology, culture, cognitive, concept, memory, unit

For citation: *Pavlenko V.G. (2024) The national-cultural features of the concept “Memory” by phraseological means in Russian and English linguocultures. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal. 1. P. 159–172. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-1-159-172*

The article was received on December 21, 2023;
approved after reviewing on April 18, 2024;
accepted for publication on April 20, 2024.

Введение

В настоящее время интерес к изучению фразеологизмов обусловлен тем, что именно в них происходит вербализация национально-культурных особенностей любого этноса.

Данная статья направлена на изучение концепта «Память» и его репрезентацию во фразеологизмах английского и русского языков. Вопросом исследования концепта занимались такие выдающиеся учёные как: В.И. Карасик, Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, Н.А. Чернова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, И.В. Ерофеева, Л.Л. Мурашова, Ю.В. Суржанская и другие.

По мнению Е.С. Кубряковой, концепт в когнитивной лингвистике рассматривается в качестве оперативной единицы нашего сознания и может представлять разные типы: образы, представления, понятия (Кубрякова, 2004). Она рассматривала концепт «память» и подчёркивала, что память концептуализируется языком как «вместилище».

В изысканиях последних лет описаны основные характеристики памяти как концепта, рассмотрены связи данного концепта с другими концептами и особенности его метафорического представления на материале различных языков.

Точки зрения других учёных во многом похожи с данным определением.

Культурный концепт формируется на основе опыта народа и отражается в самом языке (Суржанская, 2011). Концепт объективен и для него свойственна культурная общность (Мурашова, 2015). Само понятие концепт представляет собой структуру, в которую входят понятийный, ценностные и образные компоненты (Карасик, 2002).

С точки зрения В.Н. Телии, концепт — то, что человек мыслит, что рождает его сознание. Концепт представляет собой объект, который можно «преобразовать» с помощью языкового выражения (Телия, 1996).

Согласно Н.Н. Болдыреву, концепт представляет собой идеальную, абстрактную единицу, отражающую опыт, знания и результаты деятельности людей (Болдырев, 2001).

З.Д. Попова и И.А. Стернин под концептом понимают единицу мыслительного кода человека. По их мнению, концепт имеет комплексную, информацию о наблюдаемом объекте или явлении и восприятие обществом этого явления (Попова, 2007).

Итак, с лингвокультурной точки зрения, концепт — базовая единица культуры.

Объектом исследования являются фразеологизмы современного английского и русского языков, репрезентирующих концепт «Память». Актуальность работы обусловлена тем, что как в русском, так и в английском языке существуют фразеологические единицы, репрезентирующие концепт «Память».

Гипотезой предлагаемого исследования является то, что английский и русский языки проявляют сходства и различия в возможности вербализации концепта «Память», в виде фразеологизмов.

Нашей задачей было выявление культурно-национальных особенностей концепта «Память» во фразеологизмах изучаемых языков.

Существует разные определения фразеологических единиц. Так, известный учёный А.Г. Назарян считает фразеологизм единицей с полным или частичным семантическим преобразованием (Назарян, 1987: 42). Он имеет переносное значение определённой фразы, известной носителю языка и отличающейся в других языках.

Н.Н. Амосова рассматривала фразеологизм в качестве устойчивого словесного комплекса, языковое образование, воспроизводимое в речи (Амосова, 1978: 4). Данное определение исчерпывающее, но спорное, так как противопоставляет фразеологизм синтаксическим словосочетаниям.

Определения А.В. Кунина, И.В. Арнольда точно, но не полно описывают понятие фразеологизма. А.В. Кунин понимает под фразеологизмами раздельнооформленные единицы языка с полностью или частично переосмысленными значениями (Кунин, 1996: 5). И.В. Арнольд считает фразеологизм устойчивым словосочетанием, состоящим из полных слов и выражающих единое целое (Арнольд, 1987: 198).

В работе за опорное мы приняли полное и исчерпывающее определение фразеологизма, данное В.Н. Телия, о том, что фразеологизм представляет собой семантически связанные сочетания слов и предложений, воспроизведение которых, происходит в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определённого лексико-грамматического состава (Телия, 1981: 92).

Фразеология может рассматриваться, по мнению Л.М. Ковшовой, как языковой и культурный знак и является, таким образом, носителем культурного смысла (Ковшова, 2006: 165). Следовательно, во фразеологизмах отражаются особенности культуры и менталитета этноса, национальной языковой картины мира.

Согласно взглядам учёных, фразеологизм имеет оценочный оттенок. В семантике фразеологизмов происходит отражение цен-

ностных особенностей концепта. В них актуализируется духовно-нравственные ценности народа.

Цели статьи

Цель работы — изучить фразеологизмы английского и русского языков с точки зрения вербализации культуры народа.

Достижение цели предполагает поэтапное решение следующих задач:

- описать особенности фразеологизмов в английском и русском языках с точки зрения отражения в них концепта «Память»;
- анализировать фразеологизмы в английском и русском языках для выявления когнитивных черт концепта «Память».

В работе были использованы следующие методы и приёмы: дефиниционный анализ, описательный метод.

1. Обзор литературы

Материал нашего исследования — лексикографические источники, а именно толковые словари: “Oxford English Dictionary”, «Толковый словарь В.И. Даля», «Толковый словарь Д.Н. Ушакова»; словари синонимов русского и английского языков.

В работе были также привлечены данные ассоциативных словарей: “Edinburgh Associative Thesaurus”, «Словарь ассоциаций русского языка», фразеологические словари современного русского и английского языков: “Oxford Idioms Dictionary”, “Cambridge Idioms Dictionary”, “Collins Cobuild Idioms Dictionary”, “Longman Idioms Dictionary”, «Учебный фразеологический словарь русского языка», «Словарь фразеологизмов русского языка» и др.

Анализ данных словарей русского и английского языков позволил выявить когнитивные черты концепта «Память», его восприятие представителями русской и английской культуры.

2. Исследование базовых составляющих концепта «Душа» в русском и английском языках

Номинативной единицей концепта «Память» в английском языке служит слово *memory*, в русском языке слово *память* является номинативной единицей концепта. Дефиниционный анализ лексем *memory* и *память* в русском и английском языках внесёт ясность в исследование концепта «Память». Представим дефиниционную информацию существительного *memory*. Источником исследования послужили толковые словари английского языка. В словаре “Oxford Dictionary” слово *memory* имеет следующую трактовку:

Memory — the faculty by which things are remembered considered as residing in the awareness or consciousness of a particular individual or group (способность, с помощью которой вещи запоминаются, считаются находящимися в сознании конкретного человека или группы).

Значение memory в английском языке:

— the ability to remember information, experiences, and people (способность запоминать информацию, переживания и людей);

— something that you remember from the past (что-то, что вы помните из прошлого);

— the part of a computer in which information or programs are stored either permanently or temporarily, or the amount of space available on it for storing information (часть компьютера, в которой постоянно или временно хранится информация или программы, либо объём свободного места на нём для хранения информации).

В «Толковом словаре В.И. Даля», память — способность помнить, не забывать прошлого; свойство души хранить, помнить сознание о былом. Память, относительно прошлого, то же, что заключение, догадка и воображение, относительно будущего. Согласно словарю Д.Н. Ушакова, память — способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления.

Представим ЛСВ (лексико-семантические варианты слова *память* в русском языке:

— способность сознания сохранять образы и прочую информацию о чём-либо;

— сохранённая в сознании информация о воспринятом;

— перен. предметы, связанные с умершим человеком и сохраняемые как память о нём;

— комп., разг. устройство хранения данных в компьютере.

Следовательно, для русского народа, как и для английского, понятие память воспринимается одинаково и ассоциируется со способностью человека хранить информацию в уме.

Изучив синонимы слова memory в английском языке, приходим к выводу, что оно имеет тождественные, эквивалентные значения с лексемой память в русском языке: recall, ability to remember, power of recollection, mental retention, remembrance, remembering.

Изучив синонимы, объективирующие концепт «Память» в английском языке, можно предположить, что слово memory является ведущим, которое кодирует его семантику.

На основе изучения синонимов слова память в русском языке, видно, что лексические единицы: воспоминания, хранилище ин-

формации, сознание, воспоминание, запоминание, запас знаний, умение помнить, сохранение информации, ментальная деятельность эксплицируют рассматриваемое понятие в русском языке.

Благодаря данным ассоциативного словаря, были выявлены основные компоненты концепта “Memory” в английском языке. Наибольшей репрезентативностью обладают единицы: *cognition*, *recollection*, *recall*, *remembrance* (познание, воспоминание, припоминание, воспоминание).

По данным ассоциативного словаря мы определили базовые составляющие концепта «Память» в сознании носителей русского языка: *воспоминание*, *подсознание*.

3. Результаты и дискуссия

В результате сплошной выборки из английских словарей: «Оксфордский словарь», «Кембриджский словарь идиом», «Словарь Коллинз», и др. и русских словарей: «Фразеологический словарь русского литературного языка», «Учебный фразеологический словарь», «Словарь фразеологизмов» и др. нами были изучено 540 ФЕ в английском языке 650 ФЕ и в русском языке и были выделены смысловые группы.

Группа 1. ‘способность человека запоминать информацию, людей’:

have a memory like an elephant — уметь легко и надолго запоминать вещи;

with in your memory — в то время, когда вы сможете вспомнить;

to freeze smth in one’s memory — закрепить в памяти навечно;

good memory for names — хорошая память на имена;

to have a sharp memory — иметь очень хорошую память.

Группа 2. ‘процесс запоминания информации, людей’.

Нижеприведённые фразеологизмы указывают на это значение:

commit something to memory — заставить себя запомнить что-то;

bear in mind — запомнить что-то очень важное;

be etched on your memory — запечатлеться в памяти.

Группа 3. ‘неспособность человека хранить информацию’:

have a memory/mind like a sieve — иметь память/разум как решето;

if (my) memory serves me well, correctly, etc — если (моя) память мне не изменяет, правильно и т.д. — если я правильно помню;

to lose one’s train of thought — потерять мысль;

it slipped my mind — я совсем забыл об этом;

one ear and out the other — в одно ухо влетело, из другого вылетело;

my mind went blank — мой мозг полностью отключился.

Группа 4. ‘хранение памяти о ком-то’ встречается в составе следующих фразеологизмов:

in memory of somebody — в память о ком-то, для описания уважения и напоминания людям об умершем человеке.

Группа 5. ‘процесс погружения в воспоминания’:

take a stroll/trip/walk down memory lane — вспомнить счастливые времена в прошлом;

trip down memory lane — погрузиться в приятные воспоминания.

Группа 6. ‘напоминание кому-либо о чём-то’:

refresh someone’s memory — напомнить о чём-то забытом себе или кому-то;

jog someone’s memory — напоминать кому-то о чём-то.

В русском языке фразеологизмы также были выделены в смысловые группы.

Группа 1. ‘способность человека хранить информацию в уме’:

врезаться в память — прочно закрепляться; надолго запоминаться;

остаться в памяти — запомниться;

не выходить из памяти — постоянно быть в мыслях кого-либо;

дай бог памяти — хочу, стараюсь вспомнить;

вызывать в своей памяти — стараться припомнить, вспомнить что-либо;

перебирать в памяти — последовательно вспоминать каждого, одного за другим;

на свежую память — пока не забылось;

в свежей памяти — ещё хорошо помнится что-либо;

завязать на память узелок — постараться хорошенько запомнить что-либо;

на память знать, учить, читать и т.п. — наизусть, не смотря в текст;

по памяти — не пользуясь текстом, источником, помня что-либо.

Группа 2. ‘способность человека вспоминать события’ встречается в составе следующих фразеологизмов:

на память. Этот фразеологизм употребляется для описания дарения кому-либо на память, чтобы помнили, не забывали.

по старой памяти. Этот фразеологизм употребляется для описания воспоминаний о прежнем.

если память не изменяет. Этот фразеологизм употребляется для описания возможной ошибки, неточности.

Группа 3. 'свойство человека забывать информацию':

потерять память — утратить способность понимать, здраво рассуждать;

память потерялась — кто-либо находится в беспамятстве, в состоянии бреда;

лишиться памяти — терять сознание, впадать в беспамятство;

без памяти — потеряв сознание; в состоянии сильного испуга, аффекта; очень сильно;

приводить в память — выводить кого-либо из обморочного состояния, забытья;

память отшибло — и никак не вспомнить что-либо;

выпадать из памяти — совершенно забываться;

рыться в памяти — стараться вспомнить что-либо, о чём-либо;

захлестнуло память — невозможно вспомнить, забылось что-либо;

исчезать из памяти — забываться;

вычеркнуть из памяти. Этот фразеологизм употребляется для описания принуждения что-либо забыть.

Группа 4. 'качества памяти человека:

девичья память — забывчивость; плохая, слабая память;

короткая память — кто-либо страдает забывчивостью;

дырявая память — плохая, никуда не годная память;

выживать из памяти — страдать забывчивостью, рассеянностью от старости.

Группа 5. 'предметы, связанные с умершим человеком и сохраняемые как память о нём' встречается в составе следующих фразеологизмов о смерти:

светлая память — об умершем человеке, которого вспоминают с уважением.

блаженная память — о покойном человеке, о котором вспоминают с почтением, любовью.

незабвенная память — об умершем человеке, которого не забывают за его добрые дела, поступки, заслуги и т.п.

вечная память — молитва о вечной загробной жизни для умершего; выражение пожелания всегда помнить умершего

печальная память — умерший, о котором вспоминают с неприязнью;

когда-то известный, но затем исчезнувший и оставивший плохие воспоминания о себе. Проанализировав фразеологизмы, объективизирующие концепт «Память» на материале русского и английского языка, можно прийти к следующим выводам. Среди всех проанализированных фразеологизмов, наиболее многочисленными оказались примеры 3 группы в английском языке и примеры 1 и 3 групп в русском языке.

Концепт «Память» вербализуется по-разному в исследуемых языках. В русском языке основной лексемой, объективирующий концепт «Память» является: память, в английском языке основными лексемами являются: remember, recall.

Лексема *memory* встречается в прямом значении, *mind* в переносном, оценочном значении.

Частотность использования лексемы: память во фразеологизмах русского языка, номинирующих память, очень высока.

В изучаемых языках присутствует одно общее для них значение — «способность хранить информацию в уме».

Выводы

Исследование лексических единиц в русском языке *память* и английском языке *memory*, и фразеологических средств, позволило сделать следующие выводы. Анализ фразеологизмов в данных языках показал сходные черты, репрезентирующие своеобразие языкового представления мира двух этносов.

Например, для русского и английского народа характерно одинаковое восприятие о памяти человеке. Оба этноса наделяют память одинаковыми свойствами, имеющими отражение в языке. Они понимают память в качестве определённой способности человека сохранять информацию в уме. Помимо этого, в изучаемых культурах память сравнивается с архивом информации, значимой для человека.

Проанализировав ФЕ, объективирующие концепт «Память» в английском и русском языках, мы пришли к выводу, что реализация анализируемого концепта происходит в лингвокультурной сфере, где главный упор делается на способность человека хранить определённую информацию в голове. Немаловажную роль играет представление о ментальном состоянии человека, что указывает на антропоцентричную природу концепта «Память».

Список литературы

- Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Л.: ЛГУ, 1978. 208 с.
Английские идиомы, устойчивые выражения и фразовые глаголы.
URL: <http://www.homeenglish.ru/> (дата обращения: 08.06.2023).
- Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М., 1987. 304 с.
- Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика / Н.Н. Болдырев. М.: Тамбовский гос. ун-т имени Г.Р. Державина, 2001. 123 с.
- Большой англо-русский фразеологический словарь. 4-е изд., перераб. и доп. М.: «Русский язык», 1984. 944 с.

Ковшова М.Л. Языковая и культурная специфика фразеологического знака: теоретические и методологические основы исследования // Вопросы Филологии. № 3, 2006. С. 6–12

Кубрякова Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова память // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. 85 с.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка, уч. для ин-в и фак-в иностр. яз., 2-е изд., перераб. М.: Высшая школа, Дубна, 1996. 381 с.

Мурашова Л.П. Лексико-семантическое содержание леммы “woman”: этимологический и дефиниционный анализ // Язык и культура, 2015. № 1 (29). С. 23–30.

Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. М.: Высшая школа, 1987. 288 с.

Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. М.: Восток — Запад, 2007. 314 с.

Словарь ассоциаций. URL: <https://wordassociation.ru> (дата обращения: 08.06.2023).

Словарь ассоциаций русского языка URL: <https://sinonim.org/as> (дата обращения: 08.06.2023).

Словарь синонимов английского языка. URL: <https://www.thesaurus.com> (дата обращения: 08.06.2023).

Словарь синонимов русского языка. URL: <https://sinonim.org> (дата обращения: 08.01.2023).

Словарь фразеологизмов. URL: <http://frazbook.ru/frazeologizmy/> (дата обращения: 08.06.2023).

Суржанская Ю.В. Индивидуальные и культурные концепты: общее и различное // Язык и культура, 2011. № 3 (15). С. 87–93.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

Телия В.Н. Типы языковых значений: связанное значение слова в языке. М.: Международные отношения, 1981. 272 с.

Тихонов А.Н. Фразеологический словарь русского языка. Свыше 10000 фразеологизмов М.: Русский язык — Медиа, 2007. 338 с.

Толковый словарь В.И. Даля. URL: <https://gufo.me/dict/dal/> (дата обращения: 08.06.2023).

Толковый словарь Д.Н. Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 08.06.2023).

Учебный фразеологический словарь. URL: <https://phraseologiya.academic.ru/> (дата обращения: 08.06.2023).

Фразеологический словарь русского литературного языка. А.И. Федоров. М.: Астрель, АСТ, 2008. 828 с.

Cambridge Idioms Dictionary. (2013) 6-th printing, 505 p.

- CODP: The Concise Oxford Dictionary of Proverbs. (1998) Oxford, New York: Oxford University Press, 1568 p.
- Collins Cobuild Idioms Dictionary. (2011) Glasgow, 496 p.
- Edinburgh Associative Thesaurus. (2020) URL: <http://vlado.fmf.unij.si/pub/networks/data/> (accessed 08.06.2020).
- Longman Idioms Dictionary. (1998) Harlow, 398 p. (In English).
- Oxford English Dictionary. (1993) Oxford: Clarendon Press, 835 p.
- Oxford Idioms. (2006) Oxford-NY: Oxford University Press, 461 p.

References

- Amosova N.N.* (1978) *Osnovy anglijskoj frazeologii*=Fundamentals of the English phraseology Leningrad: LGU. 208 p. (In Russian).
- Anglijskieidiomy, ustojchivye vyrazhenija i frazovye glagoly = English idioms, set expressions and phrasal verbs. (2023) URL: <http://www.homeenglish.ru/> (accessed 08.06.2023).
- Arnold I.V.* (1987) *Leksikologiya sovremennogo anglijskogo yazyka* = A lexicology of modern English. Moscow. 304 p. (In Russian).
- Boldyrev N.N.* (2001) *Kognitivnaya semantika* = Cognitive semantics. M.: Tambovskij gos. un-t imeni G.R. Derzhavina, 123 p. (In Russian).
- Bol'shoj anglo-russkij frazeologičeskij slovar'* = Large English Russian phraseological dictionary (1984). 4-e izd., pererab. i dop. Moscow: "Russkij jazyk", 944 p.
- Cambridge Idioms Dictionary. (2013) 6-th printing, 505 p.
- CODP: The Concise Oxford Dictionary of Proverbs. (1998) Oxford, New York. Oxford University Press, 1568 p.
- Collins Cobuild Idioms Dictionary. (2011) Glasgow 496 p.
- Edinburgh Associative Thesaurus (2020) URL: <http://vlado.fmf.unij.si/pub/networks/data/> (accessed 08.06.2020).
- Frazeologičeskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka.* (2008) = Phraseological dictionary of the Russian literary language. Moscow: Astrel', AST. A.I. Fedorov. 828 p. (In Russian).
- Longman Idioms Dictionary. (1998) Harlow, 398 p.
- Kovshova M.L.* (2006) *Yazykovaya ikul'turnaya specific frazeologičeskogo znaka: teoreticheskie i metodologičeskie osnovy issledovaniya* = Language and cultural specifics of the phraseological sign: theoretical and methodological bases of a research. *Voprosy Filologii.* No. 3, pp. 6–12 (In Russian).
- Kubriakova E.S.* (1991) *Ob odnom fragmente konceptual'nogo analiza slova pamjat'* = About one fragment of the conceptual analysis of memory words. Logical analysis of language. Cultural concepts. Moscow. 85 p. (In Russian).
- Kubriakova E.S.* (2004) *Jazyk i znanie: na puti poluchenija znanij o jazyke. Chasti reči s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira* = Language and knowledge: language on the path to knowledge. Parts of speech from a cognitive perspective. The role of language in understanding the world. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. (In Russian).
- Kunin A.V.* (1996) *Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo jazyka, uch. dlya in-v ifak-v inostr. yaz.* = Course of phraseology of modern English, text-

book for foreigners and faculties of a foreign language, the 2nd prod., reslave. Moscow: Vysshaya shkola, Dubna. 381 p. (In Russian).

Nazaryan A.G. (1987) *Frazeologiya sovremennogo francuzskogo yazyka*=Frazeology of modern French. Moscow: Vysshaya shkola. 288 p. (In Russian).

Murashova L.P. (2015) *Leksiko-semanticheskoe sodержanie leksemy "woman": jetimologicheskij i definicionnyj analiz* = Lexico-semantic content of the lexeme "woman": etymological and definitional analysis. *Jazykikul'tura*. No. 1 (29), pp. 23–30 (In Russian).

Oxford English Dictionary (1993) Oxford: Clarendon Press. 835 p.

Oxford Idioms (2006) Oxford-NY: Oxford University Press. 461 p.

Popova Z.D. (2007) *Cognitive linguistics* = Kognitivnaya lingvistika. Z.D. Popova, I.A. Sternin. Moscow: Vostok — Zapad. 314 p. (In Russian).

Slovar' asociacij = Dictionary of associations (2023) URL: <https://wordassociation.ru> (accessed 08.06.2023) (In Russian).

Slovar' asociacij russkogo jazyka = Dictionary of associations of the Russian language (2023) URL: <https://sinonim.org> (accessed 08.06.2023) (In Russian).

Slovar' frazeologizmov = Dictionary of phraseological units (2023) URL: <http://frazbook.ru/frazeologizmy/> (accessed 08.06.2023) (In Russian).

Slovar' sinonimov anglijskogo jazyka = Dictionary of English synonyms (2023) URL: <https://www.thesaurus.com> (accessed 08.06.2023).

Slovar' sinonimov russkogo jazyka = Dictionary of synonyms of the Russian language (2023) URL: <https://sinonim.org/> (accessed 08.01.2023) (In Russian).

Surzhanskaja Ju.V. (2011) *Individual'nye i kul'turnye koncepty: obshhee i razlichnoe* = Individual and cultural concepts: general and different. *Jazykikul'tura*. No. 3 (15), pp. 87–93 (In Russian).

Teliya V.N. (1996) *Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* = Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects. Moscow: "SHkola YAzyki russkoj kul'tury". 288 p. (In Russian).

Thalia V.N. (1981). *Tipy yazykovyh znachenij: svyazannoe znachenie slova v yazyke* = Types of language values: the connected word meaning in language. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 272 p. (In Russian).

Tihonov A.N. (2007) *Frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka. Svyshe 10000 frazeologizmov* = Phraseological dictionary of the Russian language. Over 10,000 phraseological units. Moscow: Russkijjazyk — Media. 338 p. (In Russian).

Tolkovyj slovar' V.I. Dalja = Dahl's Explanatory Dictionary (2023) URL: <https://gufo.me/dict/dal/> (accessed: 08.06.2023) (In Russian).

Tolkovyj slovar' D.N. Ushakova = Ushakov's explanatory dictionary. (2023) URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (data obrasheniya: 08.06.2023) (In Russian).

Uchebnyj frazeologicheskij slovar' ' = Educational phraseological dictionary (2023) URL: https://phraseologiya.academic.ru (accessed 08.06.2023) (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Павленко Вероника Геннадиевна — доцент, ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», Российская Федерация, Ставропольский край, г. Ставрополь, ул. Ленина, 417 «А»; verony79@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3247-4879>

ABOUT THE AUTHOR:

Veronica G. Pavlenko — Associate Professor at the State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Stavropol State Pedagogical Institute”, 417 “A” Lenin St., Stavropol, Russia; verony79@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3247-4879>

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и необязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of Interest: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole.